КРУГЪ ЗНАНІЯ

М. И. РОСТОВЦЕВЪ

ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГѢ РОССІИ

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

Д. Митрохинъ 1917

„ОГНИ"

ПЕТРОГРАДЪ

ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГѢ РОССІИ

ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГѢ РОССІИ

ИЗЪ ТОЙ ЖЕ СЕРІИ:

Академикъ В. В. БАРТОЛЬДЪ. КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСТВА.

Проф. М. И. РОСТОВЦЕВЪ. РОЖДЕНІЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Проф. А. Е. ПРѢСНЯКОВЪ. РУССКОЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

Прив.-доц. П. В. БЕЗОБРАЗОВЪ. ОЧЕРКИ ВИЗАНТІЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. А. Е. ПРѢСНЯКОВЪ. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО.

Проф. Л. П. КАРСАВИНЪ. КУЛЬТУРА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Проф. И. М. ГРЕВСЪ. КОНЕЦЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Проф. О. А. ДОБІАШЪ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

Проф. Б. А. ТУРАЕВЪ. ДРЕВНІЙ ЕГИПЕТЪ.

Акад. Н. Я. МАРРЪ. ХРИСТІАНСКІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Прив.-доц. М. А. ПОЛІЕВКТОВЪ. ЕВРОПЕИЗАЦІЯ РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ИСТОРІЯ

М. И. РОСТОВЦЕВЪ

ЭЛЛИНСТВО И ИРАНСТВО НА ЮГѢ РОССІИ

ИЗД-ВО „ОГНИ"

ПЕТРОГРАДЪ
1918

Рисунокъ обложки и заглавной страницы исполненъ художникомъ
Д. И. МИТРОХИНЫМЪ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Петроградъ, Звенигородская, 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы чрезвычайно мало знаемъ и очень мало интересуемся нашимъ прошлымъ, особенно, тѣмъ прошлымъ, которое не кажется, на первый взглядъ, связаннымъ съ нашими судьбами.

A priori непонятно и не можетъ быть понятно, какая можетъ быть связь между эллинами и иранцами, сидѣвшими на югѣ Россіи въ эпоху, когда о славянахъ и русскихъ мы ровно ничего не знаемъ, съ нашей исторіей и нашей культурой.

Между тѣмъ, эта связь, связь не этнографическая и не политическая, а культурная, связь преемственности, имѣется, и опредѣляетъ собою культурныя особенности жизненнаго уклада того, что позднѣе сдѣлалось Россіей, въ наиболѣе раннія эпохи существованія этой части культурнаго міра.

Для того, чтобы имѣть право поставить этотъ вопросъ, имѣющій огромное значеніе для нашей исторіи и для исторіи человѣчества вообще, надо, прежде всего, знать политическія и культурныя судьбы эллинства и иранства, главнѣйшихъ носи-

телей древнѣйшей культуры, на пространствѣ Россіи.

Судьбы эти намъ извѣстны очень плохо. Во-первыхъ, потому, что огромный накопленный матеріалъ не только не изученъ, но даже не приведенъ въ систему. Во-вторыхъ, потому, что въ основу изученія не кладется единственно правильная сравнительно—историческая точка зрѣнія.

Эллинство и иранство на югѣ Россіи изучались всегда отдѣльно одно отъ другого или въ чисто механическомъ соединеніи, и, притомъ, эллинство почти внѣ связи съ исторіей античнаго міра вообще, иранство — внѣ связи съ исторіей всего огромнаго иранскаго міра и тѣсно связанныхъ съ нимъ областей.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я стараюсь какъ выяснить сдѣланное въ области изученія матеріала, внося и свою посильную лепту, такъ и поставить это изученіе въ правильную связь, связать исторію юга Россіи съ исторіей античнаго міра вообще.

Путь, которымъ я пришелъ къ моей концепціи, изложенъ въ многочисленныхъ моихъ статьяхъ и книгахъ о югѣ Россіи; въ общей формѣ, съ приведеніемъ всего матеріала, этотъ путь намѣченъ въ печатающейся большой книгѣ моей „Изслѣдованія по исторіи Скиѳіи и Боспора“.

Болѣе, чѣмъ кто либо, я сознаю, что много и много еще осталось сдѣлать въ области изученія юга Россіи. Перечислять все несдѣланное здѣсь

не мѣсто. Поэтому и выводы мои, въ значительной части своей,—гипотезы. Считаю ихъ, однако, необходимыми, такъ какъ безъ нихъ дѣло изслѣдованія не сдвинется съ міровой точки.

Чѣмъ больше хорошо подготовленныхъ людей возьмется за изученіе юга Россіи, тѣмъ лучше. Количество нужныхъ рабочихъ силъ огромно. Можетъ быть, моему очерку суждено привлечь хотя бы нѣкоторое количество необходимыхъ силъ къ большому общему дѣлу.

Вопроса о связи юга Россіи въ эллинскій и иранскій періодъ съ прилегающими областями и вопроса о дальнѣйшей переработкѣ воспринятыхъ элементовъ я въ этой книгѣ не касаюсь. Выясненіе этого вопроса дѣло будущаго.

Но безъ его выясненія дѣло изученія древнѣйшей исторіи Россіи не подвинется. Это мое глубокое убѣжденіе.

Книгу свою я иллюстрировалъ наиболѣе важными и типичными, на мой взглядъ, памятниками. Количество иллюстрацій можно было бы умножить до безконечности: такъ богатъ и обиленъ матеріалъ. Это надо помнить, читая мою книгу.

М. Ростовцевъ.

Петроградъ,
1918 г. 25 мая.

I. Введеніе. Роль юга Россіи въ исторіи міровой культуры.

Степи юга Россіи, широко раскинувшіяся отъ Дуная и вплоть до предгорій Урала, къ сѣверу отъ Чернаго моря, Кавказа и Каспійскаго моря, сыграли въ культурно-историческомъ развитіи человѣчества немаловажную роль. Строеніе мѣстности и географическое положеніе въ значительной степени предопредѣлили эту роль Степи юга Россіи, частью богато поросшія травой, частью покрытыя лѣсами и перелѣсками, особенно по многочисленнымъ типичнымъ для юга Россіи балкамъ и оврагамъ, доходятъ до самыхъ береговъ Чернаго моря. Сѣверное побережье Чернаго моря, за исключеніемъ южнаго берега Крымскаго полуострова, и все побережье Азовскаго моря—сплошь степныя. Тѣсно связанная съ моремъ южно-русская степь перерѣзана рядомъ могучихъ рѣкъ, каждая съ широко развитою системою притоковъ: Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ, Донъ, наконецъ, Волга и Уралъ. Между Чернымъ (съ Азовскимъ) и Каспійскимъ морями степи подходятъ къ Кавказскому горному хребту; на западѣ онѣ тѣсно связываются съ могучимъ Дунаемъ и его бассейномъ; на востокѣ сближаются съ предгорьями Урала и сливаются съ прикаспійскими, пріаральскими и южно-сибирскими степями; на сѣверѣ онѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое со всей центральной и сѣверной Россіей.

Этимъ область южно-русскихъ степей поставлена бь въ ближайшую связь съ рядомъ важнѣйшихъ центро культурнаго развитія древняго міра. Она была, преж всего, естественнымъ продолженіемъ могучаго ира скаго культурнаго міра, опредѣляющаго собой культу ную физіономію прикаспійской и пріаральской Азіи тѣсно связаннаго съ культурнымъ міромъ Месопотамі

Черезъ Кавказъ южно-русскія степи находились в ближайшемъ и тѣснѣйшемъ общеніи съ творческой кулі турой и государственностью Малой Азіи и Закавказья создавшей послѣдовательно рядъ мощныхъ міровых державъ: Митанни на востокѣ и Хетское царство на западѣ, позднѣе (въ IX — VIII вв. до Р. Хр.) закавказ ское Урарту, Халдское или Ванское царство съ центромъ у Ванскаго озера. Здѣсь родилась и упрочилась своеобразная и самостоятельная цивилизація, опредѣлившая на долгій рядъ вѣковъ культурное будущее малоазійскаго міра.

Эти области въ наукѣ принято обозначать именемъ „алародійскихъ“, авторомъ котораго является Геродотъ, или, по новѣйшей созданной въ Россіи терминологіи, библейскимъ именемъ „яфетическихъ“. Какъ показываютъ новѣйшія лингвистическія открытія, „алародійцы“ или „яфетиды“ болѣе близко связаны, можетъ быть, съ арійцами западной Европы—кельтами и италиками, чѣмъ это мы предполагали до сихъ поръ.

Съ этимъ міромъ, имѣвшимъ огромное значеніе въ исторіи нашего юга, южно-русскія степи соединяло и Черное море: южное его побережье, заселенное сплошь племенами алародійской вѣтви, стоитъ въ неразрывной связи съ глубоко вдвинутымъ въ Черное море Крымомъ, главнымъ образомъ, съ его гористымъ южнымъ берегомъ. Превосходныя гавани южнаго побережья Крыма всегда были и не могли не быть широко открытыми воротами для культурныхъ вліяній, шедшихъ изъ та-

кихъ же прекрасныхъ гаваней южнаго побережья Чернаго моря: Трапезунта, Гераклеи, Синопы, Амиса. Крымъ же, съ своей стороны, является южнымъ выдвинутымъ въ море форпостомъ южно-русскихъ степей.

Не менѣе прочны и неизбѣжны были, однако, связи южно-русскихъ степей съ западомъ. Если на востокѣ южно-русскія степи неотдѣлимы отъ степей западной Азіи, то на западѣ онѣ доходятъ до береговъ Дуная и его притоковъ и этимъ ставятся въ тѣсную и неразрывную связь со всѣмъ югомъ средней Европы и сѣверомъ Балканскаго полуострова, т. е. со всей той европейской такъ называемой доисторической культурой, самостоятельность и высоту достиженій которой ярко доказали новѣйшія работы по доисторической археологіи Европы.

Ближайшимъ образомъ югъ Россіи соединенъ какъ разъ съ тою частью Западной Европы, которая дала въ области доисторическаго творчества наибольшее количество оригинальныхъ и творческихъ достиженій, со сферой распространенія такъ называемой керамики спирали и мэандра, опредѣляющей собой наиболѣе пышный расцвѣтъ ново-каменнаго и мѣдно-каменнаго вѣка въ Западной Европѣ. Эта связь съ средней Европой косвенно соединяетъ южно-русскія степи и съ греко-латинскимъ міромъ, постольку, поскольку Дунай и его притоки доходятъ своими верховьями почти до береговъ Адріатики и Эгейскаго моря.

Не этотъ путь, однако, привелъ степи юга Россіи въ ту ближайшую связь съ эллинскимъ міромъ, которая, какъ и связь съ востокомъ, наложила свою печать на культурную физіономію юга Россіи. Этой тѣсной, многовѣковой и неразрывной связью южно-русскія степи обязаны былъ Черному морю, берега котораго, по существу, составляютъ продолженіе средиземноморскаго побережья какъ азіатскаго, такъ и европейскаго. Естественные каналы—Дарданеллы и Босфоръ—

и ласкающее Мраморное море были широко открытой дорогой изъ Средиземнаго въ Черное море, давая прiютъ мореплавателямъ въ рядѣ превосходныхъ гаваней, цѣпь которыхъ продолжается затѣмъ и по всему сѣверному и южному побережью Чернаго моря: на югѣ — рядъ превосходныхъ горныхъ бухтъ, на сѣверѣ—устья большихъ рѣкъ и рядъ единственныхъ въ своемъ родѣ гаваней Крыма.

Въ силу всѣхъ вышеуказанныхъ связей и въ силу своей структуры, степи юга Россiи объединили въ себѣ всѣ названныя выше, опредѣляющiя мiровое развитiе, культурныя струи, взаимодѣйствiе которыхъ создало тотъ культурный обликъ степей юга Россiи, выясненiю основныхъ признаковъ котораго посвящается эта книга. Самостоятельнымъ и творческимъ центромъ культурнаго развитiя южно-русскiя степи сдѣлаться не могли. Слишкомъ широко открыта была дорога по этой широкой равнинѣ для передвиженiя крупныхъ массъ населенiя съ востока на западъ и съ запада на востокъ, чтобы возможно было здѣсь устойчивое, длительное и самостоятельное развитiе. Степи съ ихъ роскошными травами всегда манили къ себѣ конныхъ кочевниковъ, движенiя которыхъ съ востока на западъ не могли задержать даже могучiя рѣки, зимою покрывающiяся льдомъ. Между тѣмъ, съ сѣвера и съ юга движенiю въ эти стороны поставлены были непреодолимыя преграды: съ юга—моря и Кавказъ, съ сѣвера—лѣса и болота центральной Россiи. Создавался какъ бы широкiй степной коридоръ, связывавшiй Азiю и Европу.

Но самъ по себѣ этотъ коридоръ давалъ такiя преимущества поселенцамъ, которыя заставляли движущiяся массы подолгу задерживаться въ немъ и употреблять всѣ усилiя, чтобы удержать и укрѣпить его за собой. Роскошныя пастбища, легко превращавшiяся въ тучныя поля и нивы, достаточное количество лѣса для по-

строекъ и топлива, могучія легко судоходныя тихія рѣки, необычайно богатыя рыбой и связанныя съ моремъ, легкое полученіе металловъ изъ сосѣдняго Кавказа и Урала, огромный запасъ пушнины, сплавлявшейся по рѣкамъ изъ Средней Россіи и обезпечивавшій отъ лютыхъ подчасъ морозовъ, — все это привязывало поселенцевъ къ этой благословенной странѣ и заставляло ихъ пытаться создавать здѣсь сильныя государственныя образованія.

Обезпечить ихъ прочность было, однако, не легко. Естественныхъ, легко защищаемыхъ границъ ни на востокѣ, ни на западѣ не было. Удержать сильное движеніе сплоченныхъ массъ было поэтому дѣломъ труднымъ, а подчасъ и неисполнимымъ, особенно если приходилось бороться на два фронта. На югѣ море, незнакомое и чуждое степнякамъ и кочевникамъ, давало возможность развиваться крѣпкимъ и богатымъ городскимъ поселеніямъ пришлыхъ эллиновъ. Завоевательное движеніе на сѣверъ коннымъ степнякамъ было не подъ силу, а, между тѣмъ, рѣки открывали широкую дорогу сѣверянамъ для движенія на югъ, къ берегамъ южнаго моря.

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ государственныя образованія въ степяхъ юга Россіи, регулярно появляющіяся и существующія иногда по нѣскольку столѣтій, не могли быть прочны, тѣмъ болѣе, что у нихъ не было и естественнаго центра. Но они отъ времени и до времени могли сплачиваться и утверждаться и въ эти промежутки создавать очаги оригинальной и интересной культуры, гдѣ, по необходимости, смѣшивались культурныя достиженія востока, эллинства и запада.

Эта смѣшанная богатая культура этапъ за этапомъ шла на сѣверъ по великимъ воднымъ путямъ и здѣсь оплодотворяла мѣстные начатки культурной жизни, сочетаясь съ встрѣчными теченіями, шедшими съ сѣ-

вера и, главнымъ образомъ, съ сѣверо-запада. Этотъ непрекращающійся потокъ для исторіи русской культуры есть явленіе первостепенной важности, опредѣляющее собою культурное развитіе России и дѣлающее исторію степей юга России составной частью исторіи России вообще, безъ которой исторія России нами никогда понята и оцѣнена не будетъ.

Но этимъ роль степей юга России не исчерпывается. Одно за другимъ культурныя государственныя образованія южныхъ степей России подъ напоромъ могучихъ волнъ движущихся съ востока народныхъ массъ проталкиваются все далѣе и далѣе на западъ и здѣсь вливаются въ море средне-европейской культуры, насыщая его новыми и творческими элементами.

Этимъ культурная исторія южно-русскихъ степей входитъ въ исторію культуры Западной Европы и требуетъ къ себѣ самаго пристальнаго вниманія. Безъ ея изученія многое въ исторіи Западной Европы останется навсегда загадочнымъ и непонятнымъ.

Задача историка культурной жизни степей юга Россіи сводится, такимъ образомъ, къ выясненію роли отдѣльныхъ факторовъ намѣченнаго развитія. Среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ греческимъ городамъ, укрѣпившимся на побережьѣ Чернаго моря, особенно Пантикапею, единственному изъ этихъ городовъ, создавшему прочную державу, въ которой греческій и мѣстный элементы органически слились и создали оригинальный государственный и культурный обликъ Боспора. Наряду съ греческимъ элементомъ, вторымъ опредѣляющимъ факторомъ являются элементы „алародійскій“ и иранскій.

Древнѣйшимъ изъ намъ извѣстныхъ прочнымъ государствомъ въ степяхъ юга Россіи была, несомнѣнно, скиѳская держава, просуществовавшая здѣсь непрерывно рядъ столѣтій. Какъ ни разрѣшать вопросъ о

національности скиѳовъ, считать ли ихъ чистыми иранцами, или чистыми туранцами (послѣднее врядъ ли кѣмъ нибудь теперь будетъ отстаиваться), или, наконецъ, что наиболѣе вѣроятно, смѣшаннымъ племенемъ кочевниковъ, куда входили прежде всего иранскіе, затѣмъ туранскіе, а, можетъ быть, и другіе этническіе элементы, несомнѣнно, что этотъ народъ въ культурномъ отношеніи всецѣло связанъ съ востокомъ, т. е. съ той культурой, которая царила въ области распространенія алародійскихъ и иранскихъ племенъ и одинъ изъ аспектовъ которой намъ хорошо извѣстенъ по вещественнымъ памятникамъ, религіи и государственности великаго персидскаго царства. Иранская культура въ эпоху ея проникновенія на югъ Россіи носитъ уже смѣшанный характеръ, причемъ чужое въ этой культурѣ какъ восточное, такъ и греческое легче отдѣляется и выдѣляется, чѣмъ несомнѣнно имѣющееся въ наличности мѣстное и самобытное.

Та же иранская культура, въ болѣе поздней стадіи ея развитія, представлена намъ и памятниками отдѣльныхъ сарматскихъ племенъ, постепенно вытѣснившихъ и замѣнившихъ въ степяхъ юга Россіи скиѳовъ, причемъ, однако, это вытѣсненіе не было ни окончательнымъ, ни полнымъ.

Наконецъ третьимъ, хуже другихъ извѣстнымъ и труднѣе всего опредѣлимымъ факторомъ является элементъ средне-европейскій, роль котораго не слѣдуетъ недооцѣнивать. Новѣйшія изслѣдованія все ярче и ярче указываютъ на крупное значеніе, которое имѣлъ этотъ элементъ, какъ та база, на которую наслоилась какъ греческая, такъ и иранская культура. Несомнѣнно, что и въ эпоху господства греко-иранской цивилизаціи на югѣ Россіи западныя вліянія проникали въ этотъ міръ и сильно вліяли на общій характеръ культуры, главнымъ образомъ, западной части южно-русскихъ степей.

II. Югъ Россіи до начала греческой колонизаціи.

(Табл. I. II. III. IV).

Первыя историческія свѣдѣнія о степяхъ юга Россіи мы получаемъ, какъ и для всего античнаго міра, частью изъ документальныхъ источниковъ, сообщающихъ намъ нѣкоторые факты изъ исторіи великихъ царствъ Тигра и Евфрата, частью изъ легендъ, миѳовъ и историческихъ преданій, сохраненныхъ намъ греческой литературой и отражающихъ тѣ свѣдѣнія о южно-русскихъ степяхъ, которыя доходили до греческихъ городовъ Малой Азіи и Балканскаго полуострова. Дополненіемъ и иллюстраціей этихъ свидѣтельствъ являются данныя археологическія, частью добытыя путемъ систематическихъ или случайныхъ раскопокъ древнихъ погребеній и остатковъ жилыхъ поселеній на пространствѣ юга Россіи, частью найденныя случайно и использованныя съ научными цѣлями при посредствѣ систематическаго сопоставленія съ данными, полученными при раскопкахъ.

Первый разрядъ свидѣтельствъ начинается съ момента появленія на югѣ Россіи иранскихъ и греческихъ выходцевъ, т. е. относится ко времени не ранѣе VIII—VII вв. до Р. Хр., второй позволяетъ намъ заглянуть въ болѣе отдаленное прошлое и связать его такъ или иначе со свѣдѣніями литературными.

Здѣсь не мѣсто давать подробный анализъ данныхъ, добытыхъ археологіей. Это потребовало бы долгихъ и

спеціальныхъ изысканій, которыхъ никто не станетъ искать въ книгѣ, пытающейся дать сводку болѣе или менѣе твердо установленныхъ фактовъ. Отмѣчу только, что систематическія изслѣдованія въ этой области едва начаты и твердыхъ положительныхъ выводовъ, основанныхъ на сравнительномъ изученіи всего матеріала, въ связи съ аналогичнымъ, частью хорошо обслѣдованнымъ матеріаломъ западной Европы и съ совершенно еще не изученнымъ матеріаломъ, добытымъ въ граничащихъ съ югомъ Россіи къ сѣверу и востоку областяхъ, мы почти не имѣемъ.

Древнѣйшія археологическія данныя, которыя можно связать съ позднѣйшими литературными свидѣтельствами и одновременнымъ имъ археологическимъ матеріаломъ, относятся на югѣ Россіи къ эпохѣ такъ называемаго неолита, т. е. новокаменнаго періода, періода гладкихъ полированныхъ каменныхъ орудій, и притомъ къ болѣе позднему неолиту, граничащему уже съ эпохой появленія мѣдныхъ и древнѣйшихъ бронзовыхъ вещей, т. е. къ такъ называемой эпохѣ энеолита—мѣднокаменнаго періода.

Въ это время появляются, въ большихъ массахъ, курганныя погребенія, содержащія подъ курганомъ костяки въ скорченномъ, утробномъ положеніи, лежащіе на боку и по частямъ окрашенные въ красную краску. При нихъ находятъ нѣкоторое количество вещей обихода, главнымъ образомъ, глиняныхъ сосудовъ и въ нѣсколько болѣе позднихъ погребеніяхъ скудный и однообразный рядъ мѣдныхъ, бронзовыхъ и костяныхъ подѣлокъ.

Эти погребенія ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться особенностью спеціально юга Россіи: они разбросаны на широкомъ пространствѣ какъ въ западной Европѣ, такъ и по всему бассейну Средиземнаго моря и далеко за его предѣлами. На югѣ Россіи эти погребенія

существуютъ вплоть до начала историческихъ временъ, т. е. вплоть до эпохи желѣзнаго вѣка, времени появленія желѣзнаго оружія, почти совпадающаго съ эпохой проникновенія на югъ Россіи иранцевъ или иранской культуры и эллиновъ.

За этотъ огромный промежутокъ времени самый способъ погребенія остается неизмѣннымъ, но мѣняется какъ форма подкурганнаго погребальнаго сооруженія, такъ и характеръ погребальнаго инвентаря. Древнѣйшія подкурганныя могилы—ямы въ материкѣ смѣняются погребальными комнатами, склепами или пещерами въ материкѣ же, еще позднѣе появляются деревянные срубы въ материкѣ, на материкѣ или въ насыпи кургана или же простыя ямы въ насыпи. Погребальный инвентарь также переживаетъ рядъ послѣдующихъ стадій развитія. Старыя исконныя формы посуды и предметовъ обихода измѣняются какъ вслѣдствіе органическаго развитія, такъ и подъ вліяніемъ сосѣднихъ болѣе богатыхъ и болѣе развитыхъ культуръ.

Весьма вѣроятно, что мы имѣемъ дѣло съ исконнымъ постояннымъ населеніемъ юга Россіи, жившимъ здѣсь въ теченіе ряда столѣтій, можетъ быть, начиная уже съ 3-го тысячелѣтія до Р. Хр., и постепенно мѣнявшимъ укладъ своей жизни. Можно думать, что первоначально это были скотоводы, ведшіе кочевой или полукочевой образъ жизни и постепенно переходившіе къ болѣе прочной осѣдлости и къ занятію, наряду со скотоводствомъ, земледѣліемъ.

Сильнѣйшее вліяніе на жизнь и бытъ этого населенія на восточной и западной окраинѣ степей юга Россіи оказали два могучихъ культурныхъ очага, разгорѣвшіеся яркимъ пламенемъ, главнымъ образомъ, въ теченіе 2-го тысячелѣтія до Р. Хр.

Одинъ изъ такихъ очаговъ сосѣдилъ съ южнорусскими степями съ запада и захватилъ своимъ восточ-

нымъ краемъ всю западную часть южной Россіи, главнымъ образомъ, Бессарабію, Подолію и Кіевщину. Это область распространенія многоцвѣтной (полихромной) керамики, въ украшеніи (орнаментаціи) которой преобладаютъ геометрическіе орнаменты спирали и мэандра, но которой не чужда и натуралистическая стилизованная орнаментація съ мотивами изъ области изображенія животныхъ, растеній и даже человѣка. Особенностью этого культурнаго очага является широкое распространеніе глиняныхъ своеобразныхъ статуетокъ животныхъ и людей, причемъ послѣднія иногда изображаются въ богатомъ уборѣ, исполненномъ мелкой штриховкой и красками.

Очень типичны и характерны въ высокой степени своеобразныя, можетъ быть, погребально - сакральныя сооруженія, представляющія теперь, когда заступъ археолога снимаетъ съ ихъ разрушеннаго остова пластъ чернозема, площадки съ убитымъ и обожженнымъ глинянымъ помостомъ, наполненныя, главнымъ образомъ, массами битой и цѣлой посуды и упомянутыми выше глиняными статуетками животныхъ и людей. Первоначально это были, вѣроятно, сооруженія въ формѣ глинобитныхъ жилищъ, служившія мѣстомъ сожженія, погребенія и погребальнаго культа покойниковъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе сложнаго и труднаго вопроса о характерѣ и назначеніи вышеотмѣченныхъ сооруженій, объ ихъ отношеніи къ погребеніямъ и жилищамъ сооружавшаго ихъ населенія. Не могу я говорить и о рядѣ связанныхъ съ особенностями названной культурной области проблемъ общаго характера: объ отношеніи одной къ другой отдѣльныхъ областей распространенія такъ называемой керамики спирали и мэандра, объ относительной хронологіи отдѣльныхъ группъ и ихъ связи съ сосѣдними культурами средней Европы и Балканскаго полуострова, о связи этой куль-

туры съ культурой острововъ Эгейскаго моря и, особенно, съ культурой Крита и связанныхъ съ нимъ областей, наконецъ, объ отношенiи этой культуры къ тому или иному изъ заселявшихъ Европу и Балканскiй полуостровъ въ болѣе позднее время племенъ. Всѣ эти вопросы разрѣшаются наукой самыми разнообразными способами и дали поводъ къ возникновенiю ряда широкихъ и остроумныхъ гипотезъ, изъ которыхъ ни одна не можетъ считаться доказанной.

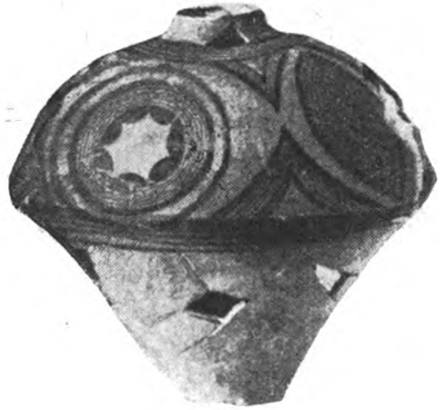
Для насъ важно отмѣтить, во-первыхъ, необычайно близкое родство наиболѣе пышной и, вѣроятно, наиболѣе поздней многоцвѣтной керамики восточныхъ областей отмѣченнаго культурнаго очага (см. табл. I, 1 и 2) съ керамикой древняго Элама, добытой раскопками, произведенными въ руинахъ древнихъ Сусъ, сдѣлавшихся позднѣе одной изъ столицъ Персидской державы, родство до сихъ поръ необъясненное, но указывающее на тѣсную связь названнаго очага, во всякомъ случаѣ, въ одинъ изъ перiодовъ его развитiя въ одной изъ его областей, съ древнѣйшими эпохами культурнаго развитiя позднѣйшаго иранскаго мiра.

Еще интереснѣе для насъ то, что выше охарактеризованная культура, сосуществовавшая съ гораздо болѣе бѣдной и примитивной культурой погребенiй со скорченными и окрашенными костяками, имѣла на эту послѣднюю глубокое влiянiе. Въ несомнѣнной связи съ нею находится пышный расцвѣтъ культуры погребенiй со скорченными костяками въ эпоху мѣдно-каменнаго и ранняго бронзоваго перiода, главнымъ образомъ, въ бассейнѣ Донца и Дона. Мы наблюдаемъ въ это время и въ указанной области появленiе совершенно новой, необычайно богатой многоцвѣтной керамики, обычно находимой въ погребенiяхъ типа погребальныхъ склеповъ или пещеръ, погребенiяхъ, которыя у насъ принято называть катакомбами, хотя они и имѣютъ мало общаго

Табл. I.

1.

2.

3.

4.

5.

1. 2. Два расписныхъ сосуда площадокъ около Петрени. — 3. Часть гравированнаго сосуда одной изъ плошадокъ Приднѣпровья. — 4. 5. Два сосуда изъ склеповъ со скорченными костяками, Харьковскои губ.

съ ранне христіанскими подземными массовыми погребеніями Рима и Италіи, обычно называемыми катакомбами.

Керамика эта примыкаетъ къ наиболѣе простымъ типамъ керамики спирали и мэандра, т. е. къ керамикѣ съ вдавленными и нарѣзными, а не живописными орнаментами (см. табл. I, 3), но отнюдь не является ея рабской копіей, а имѣетъ самостоятельное оригинальное развитіе (см. табл. I, 4 и 5). Особенно важно то, что эта керамика по воднымъ путямъ доходитъ до центральной Россіи, создавая здѣсь интересную и богатую культуру, выдѣляющуюся изъ общей массы бѣдныхъ культурой погребеній и стоянокъ того же времени центральной и восточной Россіи (такъ называемая Фатьяновская культура). Мы наталкиваемся въ вышеотмѣченномъ фактѣ на типичное и для будущаго явленіе въ культурной жизни юга Россіи, на тѣсную связь этой жизни съ богатой жизнью придунайской области, ближайшимъ образомъ родственной всей культурной эволюціи средней Европы.

Еще интереснѣе, однако, другое явленіе. Если западная и средняя полоса степей юга Россіи находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ бассейна Дуная, то на востокѣ, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Кавказу, главнымъ образомъ на Кубани, гдѣ также царятъ погребенія со скорченными и окрашенными костяками, мы встрѣчаемся съ не менѣе сильнымъ и плодотворнымъ вліяніемъ блестящихъ юго-восточныхъ культурныхъ очаговъ, дѣйствіе которыхъ создаетъ оригинальный культурный расцвѣтъ на Кубани въ эпоху энеолита и ранняго бронзоваго вѣка. Эта культура, какъ и одновременная ей культура Донца, также вліяетъ на культурную жизнь средней и восточной Россіи, привнося въ ея развитіе рядъ техническихъ и художественныхъ новшествъ.

Въ современной наукѣ, съ каждой новой экспедиціей въ глубь Малой Азіи, на верховья Тигра и Евфрата и

въ Закавказье, все болѣе и болѣе ярко вырисовывается образъ великаго алародійскаго, какъ его зоветъ Геродотъ, или хетскаго, по имени государства, лучше другихъ намъ извѣстнаго, культурнаго міра. Его творческая роль въ исторіи культурнаго развитія всей Малой Азіи во второмъ и въ началѣ перваго тысячелѣтія до Р. Хр., его вліяніе на образованіе и физіономію лидійскаго и фригійскаго царствъ, источниковъ многихъ культурныхъ достиженій для грековъ-іонійцевъ, осѣвшихъ на малоазійскихъ берегахъ Средиземнаго моря, съ каждымъ днемъ становятся все болѣе ясными.

Не только въ области политики, но и въ области культуры, отдѣльныя державы этого міра, имѣющія ту же тенденцію къ универсализму, которую мы наблюдаемъ и въ исторіи Ассиро-Вавилоніи и Египта, выступаютъ какъ серьезная сила, конкурирующая какъ съ Ассиро-Вавилоніей, такъ и съ Египтомъ.

Во 2-мъ тысячелѣтіи главную роль въ этомъ мірѣ играетъ царство Митанни, ближайшій сосѣдъ нашего Закавказья, и хетская держава, съ центромъ въ Малой Азіи; въ концѣ этого тысячелѣтія и въ началѣ перваго руководящее значеніе переходитъ къ сильному союзу племенъ, постепенно концентрирующихся около Урартійскаго, Халдскаго или Ванскаго царства, съ центромъ въ теперешнемъ Ванѣ.

Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ факторовъ, способствующихъ силѣ и росту этихъ политическихъ образованій, надо считать богатство всѣхъ этихъ мѣстностей металлами и, спеціально, желѣзомъ и рядъ связанныхъ съ этимъ усовершенствованій въ области вооруженія, которыя даютъ войскамъ этихъ царствъ временное или длительное превосходство надъ ближайшими сосѣдями, главнымъ образомъ, ассирійцами. Рѣшающее значеніе имѣетъ появленіе въ самомъ концѣ 2-го тысячелѣтія желѣзнаго, все болѣе совершенствующагося оружія, мечей

1.

2.

3.

4.

5.

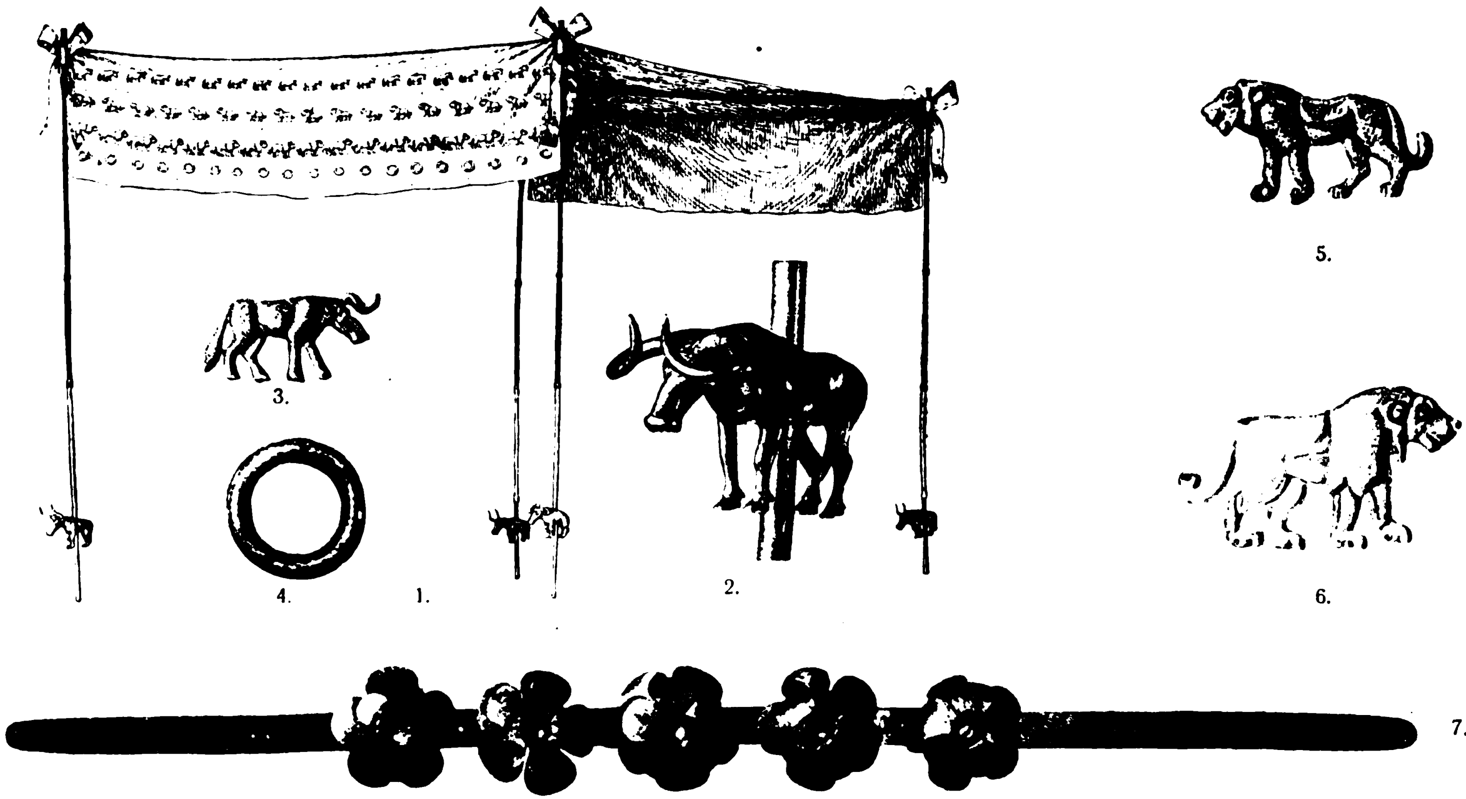
6.

7.

1—5. Глиняные сосуды изъ „скиѳскихъ“ погребеній Приднѣпровья.
6—7. Деревянные сосуды, оттуда же.

Табл. III.

1. Возстановленіе погребальнаго балдахина Майкопскаго погребенія со скорченными и окрашенными костяками.— 2. Одна изъ жердей этого балдахина.— 3—6. Нашивныя золотыя бляшки этого балдахина.— 7. Золотая діадема оттуда же.

1.

2.

4.

3.

5.

6.

1. Ожерелья изъ погребенія Старомышастовской станицы.— 2. 3. Низки золотыхъ колецъ, оттуда же. — 4. Серебряный бычокъ, оттуда же. —5. 6. Серебряный сосудъ Майкопскаго погребенія со скорченными и окрашенными костяками.

и копій, значительно превосходящихъ, по мѣрѣ развитія, старое бронзовое и мѣдное вооруженіе.

Я не могу здѣсь входить въ подробное разсмотрѣніе основъ государственности, культуры и религіи этого міра. Для насъ важно отмѣтить, что міръ этотъ повліялъ рѣшающимъ образомъ на развитіе культурной жизни какъ всего Кавказа, такъ и той части южныхъ степей, которая примыкаетъ къ Кавказу, главнымъ образомъ, на Кубанскую область.

Въ цѣломъ рядѣ курганныхъ погребеній со скорченными и окрашенными костяками мы находимъ, наряду съ обычнымъ инвентаремъ, типичнымъ и для другихъ областей юга Россіи, значительное количество вещей, свидѣтельствующихъ о широкомъ проникновеніи въ эти области металловъ, главнымъ образомъ, бронзы и о переработкѣ этихъ металловъ, можетъ быть, на мѣстѣ въ предметы утвари и обихода, чуждые остальнымъ областямъ сферы распространенія погребеній со скорченными и окрашенными костяками. Еще показательнѣе появленіе въ сравнительно большомъ числѣ предметовъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, золота и серебра. Часть этихъ предметовъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ художественными произведеній, стиль и техника которыхъ тѣсно примыкаетъ къ стилю и техникѣ раннихъ произведеній хетскаго царства, не совпадая однако съ ними полностью.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны двѣ находки. Богатѣйшее погребеніе, открытое въ Майкопѣ, и случайная находка съ Старомышастовской станицѣ. Золотыя діадемы съ розетками перваго погребенія (табл. III, 7), остатки найденнаго въ немъ погребальнаго паланкина, украшеннаго на концахъ жердей внизу литыми статуетками быковъ и золотыми массивными нашивными на пологъ паланкина бляшками (табл. III, 1—6), наконецъ, серія серебряныхъ сосудовъ, изъ ко-

торыхъ одинъ украшенъ цѣлой картиной пейзажнаго характера съ рядомъ звѣрей, съ изображеніемъ горъ и рѣкъ (табл. IV, 5 и 6), доказываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ продуктами богатой и оригинальной культуры, съ вещами, конечно, не мѣстнаго производства.

То-же впечатлѣніе оставляетъ и Старомышастовская находка съ ея интересными низками литыхъ золотыхъ колецъ разныхъ размѣровъ и вѣса, можетъ быть, служившихъ не только украшеніемъ, но и единицами обмѣна (табл. IV, 2 и 3), съ ея богатыми ожерельями изъ бусъ, напоминающими старѣйшіе слои Трои (табл. IV, 1), наконецъ, съ діадемой, вполнѣ аналогичной Майкопской, и статуеткой быка, аналогичнаго съ майкопскими назначенія, но иного стиля (табл. IV, 4).

Тотъ фактъ, что эти находки не одиночны, а тѣсно связаны съ находками другихъ погребеній Кубанской области, особенно съ богатѣйшимъ погребеніемъ въ долменѣ, надъ которымъ насыпанъ былъ курганъ, въ Царской станицѣ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не со случайными предметами ввоза, а съ длительнымъ культурнымъ вліяніемъ алародійскихъ государствъ, можетъ быть, спеціально Митанни, постепенно перерождавшимъ жизнь этой части южно-русскихъ степей и создававшимъ здѣсь иныя условія культурной и, вѣроятно, соціальной жизни. Не исключена возможность, что и на Кубани зарождалась подъ вліяніемъ Закавказья болѣе прочная государственная жизнь, созданіе и упроченіе которой облегчалось богатствомъ страны и близостью къ морю.

Морскимъ путемъ, можетъ быть, доходили сюда и вліянія старѣйшей до-критской эгейской культуры, какъ можно судить по находкѣ въ одномъ кубанскомъ погребеніи глиняныхъ и алебастровыхъ человѣческихъ статуетокъ, находящихъ себѣ ближайшую аналогію въ такихъ же статуеткахъ эгейскихъ острововъ. Кубанскія

находки связываютъ, такимъ образомъ, впервые степи юга Россіи съ историческими народами Востока, носителями великой культурной миссіи. Въ данный моментъ мы объ этихъ связяхъ можемъ только гадать, но дальнѣйшее систематическое разслѣдованіе Кубани, несомнѣнно, расширитъ наши свѣдѣнія и дастъ возможность построить болѣе ясную схему эволюціи древнѣйшихъ культурныхъ связей.

Дальнѣйшія судьбы юга Россіи намъ плохо извѣстны. Вся богатѣйшая въ Западной Европѣ эпоха развитого бронзоваго вѣка на югѣ Россіи представлена только немногими случайными находками, не позволяющими судить о господствовавшихъ въ это время культурныхъ связяхъ.

Болѣе ясной становится эта картина только съ первымъ появленіемъ на югѣ Россіи иранцевъ и грековъ, когда въ нашихъ рукахъ оказывается и обильный археологическій матеріалъ, и кое какія данныя литературнаго и документальнаго письменнаго преданія. Литературный матеріалъ, правда, имѣетъ форму легендъ и преданій, переработанныхъ греческой творческой фантазіей, но имѣются и кое-какія замѣтки историческаго преданія, хотя и запутанныя, но, тѣмъ не менѣе, въ связи съ остальнымъ матеріаломъ, способныя пролить свѣтъ на первые шаги иранства и эллинства на почвѣ южной Россіи.

III. Киммерійцы и скиѳы.

(Табл. V. VI. VII. VIII. IX. X).

Расцвѣтъ Халдскаго или Ванскаго царства, распространившаго свои предѣлы далеко вглубь Закавказья, падаетъ на IX и VIII вв. до Р. Хр. Халдамъ не удалось, однако, нанести рѣшительный ударъ возродившейся мощи Ассиріи и изъ положенія нападающихъ побѣдителей, одно время, казалось, сумѣвшихъ объединить весь міръ алародійской культуры, они переходятъ на положеніе обороняющихся и побѣжденныхъ, только временно и вспышками выходящихъ за все суживающіеся и уходящіе на сѣверъ предѣлы Ванскаго царства въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Культурное вліяніе халдской державы за Кавказскимъ хребтомъ сказывается сравнительно слабо, но находка отдѣльныхъ предметовъ, типичныхъ для этой культуры, напримѣръ, мѣдныхъ поясовъ съ гравированными изображеніями въ предѣлахъ Приднѣпровья показываетъ, что отблески этого вліянія заходили далеко и что дальнѣйшее изслѣдованіе можетъ натолкнуть насъ на памятники и группы памятниковъ, которые дадутъ иное освѣщеніе этому пока еще темному вопросу.

Ослабленіе халдской державы вызвано было не только борьбой ея съ Ассиріей. Какъ раньше, въ эпоху первыхъ шаговъ алародійской цивилизаціи, такъ и теперь, въ эпоху ея увяданія, серьезнымъ политиче-

скимъ и культурнымъ соперникомъ ея является могучій иранскій міръ, посылающій въ концѣ VIII в. до Р. Хр. рядъ завоевательныхъ волнъ, одну за другой, какъ на сѣверъ, къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, такъ и на югъ въ предѣлы ванскаго царства и дальше въ глубь передней Азіи. Одновременно съ волнами иранскихъ завоевателей движется на западъ по тѣмъ же приблизительно путямъ не сливающаяся съ ними волна завоевателей, которую какъ восточное, такъ и греческое преданіе обозначаютъ именемъ киммерійцевъ (Гимирри въ ассирійскихъ источникахъ, Гомеръ—въ Библіи), называя сѣверную и южную волны иранцевъ скиѳами.

Вопросъ о взаимной связи киммерійцевъ и скиѳовъ чрезвычайно сложенъ и разно освѣщается какъ древнимъ спеціально греческимъ преданіемъ, такъ и современной наукой. Характерно, однако, что греческое преданіе, какъ и восточные документы, строго различаютъ эти двѣ волны, причемъ греческое преданіе настойчиво указываетъ на родство киммерійцевъ съ ѳракійцами, выводя даже все движеніе киммерійцевъ не съ востока, какъ это документально засвидѣтельствовано памятниками ассирійскаго историческаго и религіознаго преданія, а съ Балканскаго полуострова.

Эти настойчивыя указанія греческаго преданія позволяютъ видѣть въ нихъ отголоски исторической истины и усматривать въ киммерійцахъ не иранцевъ, близкихъ родственниковъ скиѳовъ, а выходцевъ съ востока, родственныхъ ѳракійцамъ. Съ этими послѣдними киммерійцы вошли затѣмъ въ ближайшее соприкосновеніе какъ на Балканскомъ полуостровѣ, куда они проникли, двигаясь по степямъ юга Россіи, такъ и въ М. Азіи, куда въ то же и нѣсколько болѣе раннее время перешелъ съ Балканскаго полуострова рядъ ѳракійскихъ племенъ. Эти племена, двигаясь на югъ, встрѣтились на западномъ побережьѣ Чернаго моря съ волной киммерійцевъ,

двигавшихся по южному берегу Чернаго моря изъ предѣловъ Ванскаго царства.

Несомнѣннымъ, во всякомъ случаѣ, представляется, что киммерійцы не только прошли, но и длительно обосновались на сѣв. берегу Чернаго моря, въ степяхъ юга Россіи. Рядъ географическихъ именъ, главнымъ образомъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Керченскимъ проливомъ, въ древности называвшемся Боспоромъ Киммерійскимъ, въ отличіе отъ теперешняго Боспора— Боспора Ѳракійскаго, какъ напр., поселеніе Киммерикъ (нын. Опукъ?) и „Киммерійская переправа" или „Киммерійскій бродъ" на крымскомъ берегу Керченскаго пролива и второй Киммерикъ въ сѣверной части Таманскаго полуострова показываютъ, что здѣсь, по всей вѣроятности, длительно задержалась часть племени. А разсказъ Геродота о борьбѣ между киммерійской дружиной (царями) и народомъ (вѣроятно, покореннымъ населеніемъ), можетъ быть, недалеко отъ Аккермана доказываетъ, что и съ этимъ мѣстомъ связывалось позднѣе имя киммерійцевъ, т. е., что киммерійская волна дошла на западѣ почти до Балканскаго полуострова.

Одновременно, вѣроятно, киммерійцы, сначала въ союзѣ, затѣмъ въ борьбѣ со скиѳами, прошли опустошительной волной и по М. Азіи, событіе, произведшее на всю М. Азію глубокое впечатлѣніе и твердо упрочившееся въ сознаніи населенія, откуда оно проникло и въ греческое историческое преданіе. Киммерійцы, несомнѣнно, дошли здѣсь до Эгейскаго моря и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осѣли прочно: слѣды ихъ находятъ, напримѣръ, въ Троѣ, древнѣйшая исторія Синопы на Черномъ морѣ тѣсно связана съ ними. Имъ не могла противостоять ни Лидія, ни Фригія, и только черезъ четыре поколѣнія послѣ ихъ прибытія въ М. Азію при Гигѣ, царѣ Лидіи, правнуку его Аліатту удалось обезопасить отъ нихъ свое царство.

Будущему изслѣдованію предстоитъ выяснить, удалось ли киммерійцамъ создать въ М. Азіи болѣе или менѣе прочное государственное образованіе и опредѣлить, гдѣ находился его центръ. Но уже давно отмѣчено, что въ отдѣльныхъ центрахъ М. Азіи, преданіе которыхъ помнитъ о господствѣ надъ ними киммерійцевъ, съ особой силой сохранилось и преданіе о грозныхъ воительницахъ амазонкахъ, центръ державы которыхъ находился у южнаго побережья Чернаго моря, на р. Ѳермодонтѣ. Многіе изъ этихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Синопа, мнили себя основанными амазонками и бережно хранили культъ своихъ героинь основательницъ.

Интересно, что греческая легенда перебрасываетъ преданіе объ амазонкахъ и на берега Азовскаго моря, гдѣ, какъ мы видѣли, имѣются всѣ основанія предполагать длительное присутствіе и господство киммерійцевъ. Геродотъ считаетъ ихъ родоначальницами савроматовъ, племени, жившаго на в. отъ Дона, частью на берегу Азовскаго моря, и передаетъ по этому поводу длинную легенду объ амазонкахъ Ѳермодонта, занесенныхъ бурей на судахъ въ Азовское море, о ихъ высадкѣ, враждебной встрѣчѣ со скиѳами, перешедшей постепенно въ брачный союзъ со скиѳской молодежью и кончившейся выселеніемъ скиѳовъ и ихъ женъ амазонокъ въ область, занятую позднѣе савроматами, потомками этихъ амазонокъ и скиѳовъ.

Преданіе объ амазонкахъ на берегахъ Азовскаго моря, объ ихъ связи съ савроматами, несомнѣнно, обусловлено тѣмъ, что рядъ сидѣвшихъ здѣсь въ позднѣйшее время племенъ сохранилъ въ своемъ строѣ исключительную роль женщинъ, выступающихъ не только какъ воительницы, но и какъ предводительницы и воинственныя царицы цѣлыхъ племенъ.

Весьма заманчивымъ было бы, въ виду этого, связать

оба ряда данныхъ и предположить, именно для
мерійцевъ, исключительную роль женщинъ въ ихъ ра
и политической жизни и вывести отсюда греческія
генды о походахъ и завоеваніяхъ амазонокъ, съ к
рыми мы встрѣчаемся не только въ М. Азіи, но и
самой Элладѣ.

Точныхъ доказательствъ для этого предполож
привести, конечно, нельзя: мы не имѣемъ ни достат
ныхъ литературныхъ свидѣтельствъ о киммерійцахъ,
ихъ, болѣе или менѣе, точныхъ изображеній (имѣ
щіяся на восточныхъ памятникахъ шаблонны, на г
ческихъ—недостовѣрны), ни остатковъ ихъ языка. Все ж
какъ ихъ связь съ ѳракійцами, такъ и ихъ близос
къ амазонкамъ намъ представляются весьма вѣр
ятными.

Не забудемъ, что греческое преданіе настойчиво св
зываетъ древнѣйшее населеніе Крыма съ ѳракійцами
спеціально съ ѳракійцами острова Лемноса—синтіям
или синтами, приписывая и имъ ту-же выдающуюс
роль женщинъ въ политикѣ, войнѣ и религіи, котора
такъ характерна для племенъ, жившихъ на берегахъ
Азовскаго моря и на Тамани, одно изъ которыхъ носило
имя синдовъ. Что касается спеціально до юга Россіи,
то въ высшей степени характерно присутствіе, какъ разъ
на Дону и въ Пантикапеѣ, нѣкоторыхъ явленій, говорящихъ о значительной роли ѳракійскихъ элементовъ въ
жизни этихъ мѣстностей.

Такъ, напримѣръ, въ высокой степени показательно, что на берегахъ Азовскаго моря, въ позднѣйшемъ центрѣ греческой торговой жизни Придонья—Танаисѣ, собственныя имена многихъ Танаитовъ показываютъ разительное сходство съ ѳракійскими собственными именами и что въ исторіи Боспорскаго цаства съ древнѣйшихъ временъ ѳракійскій элементъ играетъ чрезвычайно крупную роль. Вспомнимъ, что родоначаль-

никъ династіи боспорскихъ архонтовъ—Спартокъ носитъ чисто ѳракійское имя. Наряду съ этимъ отмѣчу, что амазонокъ греческое искусство изображаетъ въ костюмѣ и вооруженіи, близкихъ какъ къ общевосточному, такъ и спеціально къ ѳракійскому.

Врядъ ли, наконецъ, только свидѣтельство Геродота сдѣлало такими популярными амазонокъ въ поздней красно-фигурной и расписной (такъ называемой акварельной керамикѣ, изготовлявшейся, если не въ Пантикапеѣ, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ для распространенія въ предѣлахъ Боспорскаго царства. Надо думать, что легенды объ амазонкахъ прочно вошли въ сознаніе боспорцевъ и связаны были мѣстной исторической традиціей съ ранней исторіей Боспора.

Къ сожалѣнію, разслѣдованіе некрополей и остатковъ населенныхъ мѣстъ на берегахъ Азовскаго моря находится еще въ зачаточномъ состояніи и потому мы не въ состояніи сказать, оставили ли киммерійцы вещественные слѣды своего длительнаго здѣсь пребыванія. Не достаточно углубленнымъ было и разслѣдованіе мѣстности у Керченскаго пролива, гдѣ богатыя находки эпохи греческаго заселенія покрыли собой болѣе ранніе памятники, оставленные былыми господами этихъ областей.

Во всякомъ случаѣ, ровно ни на чемъ не основано отожествленіе съ киммерійцами погребеній со скорченными и окрашенными костяками, обычное среди археологовъ, занимающихся прошлымъ юга Россіи. Ни время этихъ погребеній, ни ихъ характеръ не даютъ никакихъ основаній для этого сближенія.

Наряду съ этой связью киммерійцевъ и ѳракійцевъ, связью, которую такъ ясно ощущали уже греки, мы не можемъ не отмѣтить и тѣсной связи населенія Тамани и Пріазовья, гдѣ, несомнѣнно, находился центръ киммерійской причерноморской державы, съ великимъ

алародійскимъ культурнымъ міромъ. Эта связь сказывается и въ стилѣ и техникѣ древнѣйшихъ мѣстныхъ издѣлій изъ бронзы, сработанныхъ въ такъ называемомъ звѣриномъ стилѣ, о которомъ рѣчь будетъ еще ниже, и, особенно, въ религіи. Культъ великаго женскаго божества столь же характеренъ для всего алародійскаго міра, сколь типиченъ онъ и для всего Пріазовья и Тамани. Интересно, что и тамъ, и здѣсь съ этимъ культомъ тѣсно связано преданіе объ амазонкахъ, вооруженныхъ служительницахъ верховнаго женскаго божества. Отмѣчу еще, что единственное посвященіе великому женскому божеству и ея мужскому спутнику, найденное на Тамани и сохранившее мѣстныя имена этихъ божествъ, даетъ этимъ божествамъ алародійскія имена Астары и Санерга.

Все это позволяетъ думать, что киммерійцы, близкіе родственники ѳракійцевъ, были одной изъ вѣтвей великаго алародійскаго или яфетическаго племени, послѣднею, послѣ Митанни, хетовъ и халдовъ, попытавшеюся создать міровую причерноморскую державу и упрочить господство алародійцевъ въ сѣверо-западной части восточнаго міра. Тѣми алародійскими элементами, которые вошли въ составъ греко-иранской культуры на берегахъ Чернаго моря и которые не сливаются ни съ иранскимъ, ни съ греческимъ въ этой культурѣ, степи южной Россіи обязаны киммерійцамъ.

Твердо установленнымъ и прочно запечатлѣвшимся въ памяти и историческомъ преданіи надо считать фактъ вытѣсненія или покоренія киммерійцевъ на берегахъ Чернаго моря еще болѣе могучей волной пришельцевъ съ Востока, носителей иранской культуры, скиѳовъ. Произошло ли это одновременно съ появленіемъ скиѳовъ въ предѣлахъ Ванскаго царства, т. е. въ концѣ VIII и въ началѣ VII в., точно не засвидѣтельствовано. Сближеніе этихъ двухъ рядовъ событій Геродо-

томъ могло быть результатомъ историческаго построенія, а не выводомъ изъ точно засвидѣтельствованныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, въ погребеніяхъ юга Россіи волна предметовъ азіатскаго иранскаго типа начинается значительно позже: самые ранніе принадлежатъ времени не ранѣе VI в. до Р. Хр.

Время появленія скиѳовъ на югѣ Россіи, такимъ образомъ, пока что точно не установлено. Не имѣемъ мы свѣдѣній и объ ихъ борьбѣ съ киммерійцами. Возможно, что нѣкоторыя воспоминанія объ этомъ запечатлѣны въ разсказѣ Геродота о движеніи скиѳовъ на западъ. Согласно его сбивчивому и неясному разсказу, скиѳы, столкнувшіеся съ киммерійцами на с. берегу Чернаго моря, преслѣдовали ихъ, двигаясь на югъ, причемъ на с. оставили какихъ то своихъ рабовъ и своихъ женъ. За время двадцативосьмилѣтняго отсутствія скиѳовъ, ихъ жены сошлись съ рабами, произвели дѣтей, и эти дѣти встрѣтили вернувшихся скиѳовъ съ оружіемъ въ рукахъ въ той части Крыма, которая примыкаетъ къ Керченскому полуострову. Анекдотическій разсказъ объ укрощеніи скиѳами потомковъ рабовъ нагайками, можетъ быть, и исходитъ отъ скиѳовъ, но реальнаго значенія не имѣетъ.

Весь этотъ разсказъ носитъ тотъ же характеръ, что и вышеприведенный разсказъ о происхожденіи савроматовъ. Возможно, что въ немъ отражается исторія длительной борьбы скиѳовъ съ киммерійцами, кончившейся не столько рѣшительной побѣдой скиѳовъ, сколько подчиненіемъ скиѳамъ ряда киммерійскихъ племенъ или племенъ, покоренныхъ киммерійцами и съ ними слившихся, сидѣвшихъ по обоимъ берегамъ Керченскаго пролива и Азовскаго моря. Племена эти — позднѣйшіе синды, мэоты и савроматы — сохранили извѣстную самостоятельность и вошли въ тѣсное общеніе со скиѳами, постепенно усвоивъ и ихъ культуру, и

даже ихъ языкъ, очевидно не очень развившийся
языка, на которомъ говорили указанныя племена (Ге
дотъ опредѣленно говоритъ о томъ, что савроматы
ворятъ на діалектѣ скиѳскаго языка).

Сохранили они, однако, рядъ особенностей бы
среди которыхъ основной и наиболѣе поразившей г
ковъ было ихъ подчиненіе управленію женщинъ (
найкократія) и крупная роль, которую женщины игра
въ ихъ военной жизни, что̀ они, можетъ быть, взял
какъ было указано выше, отъ киммерійцевъ.

Во всякомъ случаѣ, связать оба вышеприведенн
разсказа Геродота съ исторіей борьбы между скиѳам
и киммерійцами заставляетъ меня и то обстоятельств
что вся борьба скиѳовъ и рабовъ, скиѳовъ и амазонок
протекаетъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя сохранили наибольшее количество воспоминаній о киммерійцахъ, причемъ о той же борьбѣ, въ той же мѣстности свидѣтельствуютъ кромѣ Геродота и другіе независимые отъ него источники, причемъ эти источники говорятъ о длительной борьбѣ скиѳовъ съ ѳракійцами, однимъ изъ эпизодовъ которой былъ инцидентъ съ рабами. Напомню, что̀ мною было сказано выше о вѣроятномъ близкомъ родствѣ ѳракійцевъ и киммерійцевъ.

Каковъ бы ни былъ, однако, ходъ борьбы скиѳовъ съ киммерійцами, несомнѣнно, что скиѳы не позже VII в. до Р. Хр. прочно обосновались на всемъ сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря: въ Прикубаньѣ, Придоньѣ, въ степной части Крыма, въ Приднѣпровьѣ и Прибужьѣ. Волна ихъ завоевательнаго движенія прокатилась и дальше. Въ Румыніи, главнымъ образомъ, въ Добруджѣ, въ Болгаріи, особенно же въ восточной Венгріи мы находимъ рядъ погребеній, и притомъ, во всякомъ случаѣ, въ Венгріи очень ранняго времени (не позже VI в. до Р. Хр.), содержащихъ типичныя для скиѳскихъ погребеній юга Россіи вещи. Напомню, что отдѣльныя от-

ряды завоевателей проникли и дальше на сѣверъ: знаменитая находка въ Феттерсфельде въ восточной Пруссіи—наборъ обложеннаго золотомъ оружія и такого же конскаго убора скиѳскаго вождя—не можетъ найти себѣ иного объясненія, является ли находка погребеніемъ или зарытымъ кладомъ, вещи—военной добычи или настоящей собственностью погребеннаго.

Какъ далеко заходила власть скиѳовъ на сѣверъ и на востокъ, выяснить затруднительно. Несомнѣнно, что теченіе Днѣпра и его притоковъ, вплоть до Кіевщины и Полтавщины, находилось подъ ихъ властью. Погребенія этихъ мѣстностей, въ которыхъ чрезвычайно силенъ восточный скиѳскій элементъ, опредѣленно говорятъ объ этомъ. По Дону мы находимъ такія же погребенія, какъ только что упомянутыя кіевскія и полтавскія, вплоть до Воронежа. Гораздо менѣе часты погребенія этого типа въ Поволжьѣ и въ Оренбургскихъ степяхъ, хотя спорадически они встрѣчаются и тамъ. За намѣченные предѣлы непосредственное владычество скиѳовъ, несомнѣнно, не выходило; вполнѣ возможно, однако, что восточныя и сѣверныя окраины находились только въ вассальной зависимости отъ скиѳовъ, причемъ отношенія эти распространялись и на ближайшія сосѣднія скиѳамъ племена, о которыхъ говоритъ Геродотъ.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что все сѣверное побережье Чернаго моря, включая и Керченскій проливъ, а также все Прикубанье, входило въ составъ скиѳскаго царства, хотя Геродотъ объ этомъ и не говоритъ. Возможно, что при этомъ племена, сидѣвшія по берегамъ Азовскаго моря и на Тамани — савроматы, синды и др.—пользовались извѣстною долею самостоятельности и поэтому Геродотомъ въ составъ скиѳскаго царства не включены.

Въ теченіе VII и VI вв. до Р. Хр. скиѳская держава

не только сформировалась путемъ завоеванія, но и сорганизовалась и установила регулярныя отношенія съ сосѣдями. Главными ея противниками были балканскіе ѳракійцы, у которыхъ она постепенно вырывала одну область за другой. Постепенное упроченіе скиѳской державы, сдѣлавшее возможнымъ установленіе регулярныхъ торговыхъ отношеній съ сосѣдями, поднявшаяся, благодаря этому упроченію, производительность самой подвластной скиѳамъ страны и подчиненныхъ скиѳамъ, ими покоренныхъ, племенъ должны были привлечь къ побережью Чернаго моря особое вниманіе эллиновъ, особенно малоазійскихъ, уже давно знакомыхъ съ плаваніемъ по Черному морю для сношеній съ его южнымъ побережьемъ и съ кавказскими гаванями и постепенно устанавливавшихъ тамъ свои торговыя факторіи. Объ этомъ ясно говорятъ намъ какъ греческія преданія объ Аргонавтахъ, такъ и зависимый отъ этого преданія разсказъ Одиссеи о блужданіяхъ ея героя въ восточныхъ моряхъ.

Результатомъ этого было основаніе мало-азійскими греками ряда колоній по сѣверному берегу Чернаго моря, сначала рыболовныхъ станцій, которыя постепенно развились въ крупные торговые центры. Древнѣйшей изъ нихъ была Ольвія на Бугскомъ лиманѣ, основанная милетцами. Немногимъ моложе были колоніи теосцевъ, митиленцевъ и клазоменцевъ на Тамани и по рыбному Азовскому морю, изъ которыхъ наибольшее развитіе получили Фанагорія и Гермонасса, а также милетскія колоніи на крымскомъ берегу пролива—Пантикапей и Ѳеодосія. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ этихъ поселеній связались съ уже существовавшими населенными пунктами, которые преданіе сближало съ киммерійцами. Однимъ изъ такихъ поселеній надо считать Пантикапей, не греческое имя котораго говоритъ за его существованіе до появленія въ этой мѣстности грековъ.

Греческая колонизація, надо думать, шла двумя путями. Болѣе древній шелъ по южному побережью Чернаго моря, куда грековъ привлекала старая культурная жизнь этихъ мѣстностей, и доходилъ до береговъ Кавказа, а, можетъ быть, и до Керченскаго пролива и Азовскаго моря. Болѣе поздній и болѣе трудный путь по западному и сѣверному побережью создался, несомнѣнно, въ результатѣ пріобщенія прилегающихъ областей къ міровой культурной и торговой жизни, благодаря упроченію сѣверной скиѳской державы.

Появленіе греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Черного моря было рѣшающимъ моментомъ въ исторіи скиѳской державы. Не случайность, что только съ этого момента, т. е. съ VI в. до Р. Хр., мы встрѣчаемся и на Кубани, и въ Крыму, и по Днѣпру съ цѣлымъ рядомъ богатѣйшихъ погребеній скиѳскихъ вождей, наполненныхъ драгоцѣнными предметами вооруженія, культа и обихода, произведеніями частью иранскихъ, частью греческихъ мастерскихъ. Таковы богатѣйшія погребенія Келермесской станицы Кубанской области, Золотой курганъ около Симферополя, погребеніе въ курганѣ около Томаковки на нижнемъ теченіи Днѣпра, знаменитый Литой курганъ, раскопанный Мельгуновымъ въ концѣ XVIII в., около Елисаветграда, наконецъ, рядъ погребеній на среднемъ теченіи Днѣпра и въ Роменскомъ у., Полтавской губ., гдѣ особенно богатъ и интересенъ большой курганъ около хутора Шумейки, Роменскаго уѣзда.

Ничего подобнаго для предыдущаго долгаго періода господства скиѳовъ въ южной Россіи мы не имѣемъ, что, конечно, можно объяснить только вліяніемъ все усиливавшагося греческаго вывоза произведеній южнорусскихъ степей, необычайно обогатившаго скиѳскихъ царей и вождей.

Черезъ греческія колоніи сѣвернаго побережья Чер-

наго моря скиѳская, прочная и могущественная, держава вступила, какъ и Персія, укрѣпившаяся на берегахъ Малой Азіи, въ тѣсное общеніе со всѣмъ культурнымъ міромъ и вошла, какъ немаловажный факторъ, въ политическую исторію того времени.

Но Скиѳія, конечно, не могла равняться съ Персіей ни по своей культурности, ни по своей государственности. Персія унаслѣдовала отъ своихъ предшественниковъ—Ассиро-Вавилоніи, алародійскихъ царствъ, Лидіи, Фригіи, Финикіи и Египта—старую и прочную государственность и культуру; черезъ Малую Азію она вошла въ тѣсную и непосредственную связь съ эллинскимъ міромъ, приведшую къ попыткамъ включенія эллинскаго міра въ міровую персидскую державу. На этихъ базахъ создался ея пышный государственный и культурный расцвѣтъ. Скиѳы же, поскольку можно судить по единственному достовѣрному свидѣтельству объ ихъ государственности и культурѣ—свидѣтельству Геродота, остались и на югѣ Россіи преимущественно кочевниками, и государство ихъ типичнымъ государствомъ конныхъ кочевыхъ наѣздниковъ съ сильною конною дружиною подъ управленіемъ неограниченнаго державнаго владыки-царя.

Ихъ державу надо представлять себѣ организованной въ типѣ позднѣйшаго Хазарскаго царства или татарской Золотой Орды. Центръ ея находился въ царской ставкѣ—укрѣпленномъ лагерѣ. Около ставки группировалась сильная конная дружина, всегда готовая къ наѣздамъ и набѣгамъ. Въ мирное время цари, князья и дружинники были владѣльцами большихъ стадъ и табуновъ, гдѣ черную работу исполняли подвластные имъ рабы или крѣпостные.

Части ихъ державы искони имѣли осѣдлое земледѣльческое населеніе. Такими частями надо считать Прикубанье, можетъ быть, часть Придонья и При-

днѣпровья. То же надо предполагать для мѣстностей по Дунаю и его притокамъ. Въ Приднѣпровьѣ и Прибужьѣ скиѳы, несомнѣнно, застали довольно густое сравнительно культурное населеніе, жившее издавна земледѣльческимъ укладомъ. Это населеніе смѣнило здѣсь, въ эпоху ранняго желѣзнаго вѣка, прежнее, также земледѣльческое населеніе, такъ или иначе связанное съ народностями, носителями вышеохарактеризованной культуры, опредѣляемой керамикой спирали и мэандра.

О высотѣ культуры этого населенія говоритъ и ихъ желѣзное оружіе, и ихъ керамика оригинальныхъ формъ съ нарѣзными орнаментами, заполненными бѣлой краской (см. табл. II), и, наконецъ, ихъ большія укрѣпленныя поселенія, окруженныя могучими валами въ нѣсколько верстъ въ окружности. Характерно, что и эта культура связана, главнымъ образомъ, съ западомъ, а не съ востокомъ.

Начиная съ VII-го, главнымъ же образомъ, съ VI в. до Р. Хр., въ этотъ культурный обиходъ проникаютъ все въ большемъ числѣ восточные элементы, характерные для скиѳскихъ погребеній, и появляются курганы съ могилами, гдѣ царитъ скиѳскій обрядъ погребенія и гдѣ большинство вещей имѣетъ опредѣленно восточный скиѳскій характеръ. Это указываетъ на появленіе въ Приднѣпровьѣ и Прибужьѣ новаго, какъ видно по погребеніямъ, господствующаго класса населенія.

Какія отношенія установились между покорителями— конными кочевниками—и покоренными—осѣдлыми земледѣльцами,—сказать трудно. Вѣроятнѣе всего, что мѣстное населеніе обложено было данью, т. е. принуждено было отдавать часть производимыхъ имъ продуктовъ завоевателямъ. Отношенія эти врядъ ли носили форму регулярной государственной подати, а скорѣе приняли характеръ зависимости тѣхъ или иныхъ областей и поселеній отъ скиѳскихъ князей и династовъ съ ихъ вооруженной дружиной.

Обширная территорія скиөскаго царства, конечн(
могла управляться изъ одного центра, вѣроятно, н
дившагося въ степяхъ между Днѣпромъ и Донц(
Сообразно съ этимъ, мы слышимъ, что скиөское цар(
раздѣлено было на три части съ отдѣльнымъ цар(
во главѣ каждой. Питающимъ центромъ для вс
этихъ частей были уже упомянутыя степи между Д
промъ и Донцомъ, населенныя такъ называемыми ц
скими скиөами; съ ними одно цѣлое составлялъ ст(
ной Крымъ.

Каковы были границы этого центральнаго царства
двухъ другихъ, мы не знаемъ. Геродотъ даетъ разнор
чивыя, по всей вѣроятности, мало достовѣрныя свѣд
нія. Несомнѣнно, однако, что, наряду съ этими большим
дѣленіями, имѣлись и болѣе мелкія подраздѣленія н
округа (Геродотъ называетъ ихъ, какъ въ Египтѣ, но
мами). Отношенія правителей этихъ номовъ къ царям
надо представлять себѣ, вѣроятно, какъ отношенія вас-
саловъ къ сюзерену.

Весь строй скиөской державы былъ, по всей вѣроят-
ности, не централистическимъ, основаннымъ на системѣ
чиновничества, а военно-феодальнымъ съ сравнительно
далеко идущей самостоятельностью отдѣльныхъ частей.

Ясно, что такая держава не могла быть очень проч-
ной и очень долговѣчной, не могла соперничать ни съ
Персіей, ни съ культурнымъ греческимъ міромъ. Корен-
ное же измѣненіе ея строя въ рамкахъ данной націо-
нальности и при данныхъ географическихъ, выше оха-
рактеризованныхъ, условіяхъ, было невозможно.

Тѣмъ не менѣе, скиөская держава была крупнымъ и
серьезнымъ государственнымъ образованіемъ съ опре-
дѣленнымъ стремленіемъ къ дальнѣйшей территоріаль-
ной экспансивности, направленной, главнымъ образомъ,
на западъ, въ предѣлы Өракіи, что ставило ее въ бли-
жайшую и непосредственную связь съ греческимъ міромъ.

Персія, опредѣленно стремившаяся къ міровому владычеству, объединившая около себя въ теченіе шестого вѣка до Р. Хр. всѣ государства восточной культуры и начавшая свое поступательное движеніе по направленію къ греческому міру, первымъ этапомъ котораго было подчиненіе малоазійскихъ греческихъ городовъ, находившихся въ постоянной связи съ скиѳской державой, конечно, не могла не быть освѣдомленной о ростѣ и политическихъ тенденціяхъ скиѳской державы, съ которой она начала соприкасаться и на Кавказѣ, и на Балканскомъ полуостровѣ. Включеніе въ составъ персидской монархіи всего побережья Чернаго моря съ его рядомъ греческихъ колоній, основанныхъ подвластными нынѣ персамъ малоазійскими греками, было, такимъ образомъ, очередной задачей имперіалистической политики Персіи.

Этимъ объясняется знаменитый походъ Дарея на Скиѳію въ 513 г., начатый одновременно и на востокѣ и на западѣ. Намѣреніемъ Дарея, несомнѣнно, было пройти двумя арміями побережье Чернаго моря съ востока и съ запада и вернуться, въ случаѣ успѣха этого предпріятія, черезъ Кавказъ. Врядъ ли онъ былъ хорошо освѣдомленъ о трудностяхъ этого похода и о длинѣ пути. Но сама по себѣ задача, при соотвѣтственныхъ приготовленіяхъ, не была неисполнима.

Точныхъ свѣдѣній о походѣ Дарея мы не имѣемъ. Разсказы Геродота и другихъ нашихъ источниковъ скудны и фантастичны. Ясно, однако, что походъ этотъ кончился неудачей. Дарею далеко въ глубь Скиѳіи проникнуть не удалось, хотя, по всей вѣроятности, нѣкоторый ударъ скиѳской мощи онъ нанесъ.

Дальнѣйшихъ попытокъ завоеванія персидская монархія, занятая Элладой, не дѣлала. Скиѳы послѣ ухода Дарея продолжали свое поступательное движеніе на западъ, дошли до ѳракійскаго Херсонеса и даже завя-

зали дипломатическія сношенія со Спартой. Но побѣда грековъ надъ персами, колоссальный ростъ аѳинской державы, активная политика Аѳинъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова и на всемъ побережьѣ Чернаго моря, тѣсная связь, въ которую Аѳины вступили съ греческими колоніями сѣвернаго побережья Чернаго моря, остановили, очевидно, поступательное движеніе скиѳовъ, власть которыхъ надъ греческими городами ихъ царства, какъ видно, сильно ослабѣла.

Значительную роль въ ослабленіи Скиѳіи сыграло и созданіе сильныхъ государствъ въ области распространенія ѳракійскаго племени, которое могло теперь противопоставить скиѳамъ болѣе организованное сопротивленіе.

Тѣмъ не менѣе, основы скиѳской мощи не были подорваны. Въ теченіе всего V и IV вѣковъ до Р. Хр. Скиѳія продолжаетъ быть сильнымъ государствомъ. Въ IV вѣкѣ на Скиѳію посыпался, однако, рядъ ударовъ. За это время, какъ мы увидимъ ниже, окрѣпла и расширилась Боспорская греческая держава на берегахъ Керченскаго пролива, изъ вассала Скиѳіи сдѣлавшаяся постепенно ея сильнымъ соперникомъ. Тутъ же въ Крыму выросла другая греческая колонія Херсонесъ, опиравшаяся на могущественную поддержку понтійской Гераклеи, ея метрополіи, и имѣвшая тенденцію держать въ своихъ рукахъ все западное побережье Крыма. Разбогатѣвшія и сильно эллинизованныя племена на берегахъ Азовскаго моря такъ называемые мэоты дѣлались также внушительной силой. Наконецъ, въ это же время начинаютъ проникать въ глубь скиѳской державы новыя иранскія племена, которыя греки называютъ общимъ именемъ сарматовъ, двигающіяся изъ оренбургскихъ степей къ западу какъ по направленію къ Кавказу на Кубань, такъ и въ обходъ скиѳской державы съ сѣвера черезъ Донъ.

Наконецъ, на Балканскомъ полуостровѣ сложилась могучая Македонская монархія, которая, въ лицѣ ея основателей Филиппа и Александра, не могла не позаботиться объ обезпеченіи своего тыла и для этого должна была показать свою силу скиѳамъ и, по возможности, ослабить ихъ рядомъ ударовъ.

Критическимъ становится положеніе великой скиѳской державы въ III вѣкѣ до Р. Хр. Всѣ разлагающія ее силы на востокѣ продолжаютъ дѣйствовать, сарматскія племена напираютъ все энергичнѣе и рѣшительнѣе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, на западѣ греко-ѳракійское царство Лисимаха, объединивъ Ѳракію, создаетъ на мѣстѣ разрозненныхъ племенъ сильную державу, просуществовавшую достаточно времени, чтобы нанести тяжелые удары скиѳамъ.

Наконецъ, съ сѣвера появляется новый врагъ— кельты, врѣзывающійся между ѳракійцами и скиѳами и доходившій до береговъ Чернаго моря.

Скиѳская держава, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ факторовъ, слабѣетъ и постепенно разлагается. Объединеннымъ и все еще сильнымъ остается только ея центръ—въ степяхъ Крыма и въ прилегающихъ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ, но восточныя и западныя части державы разлагаются на рядъ самостоятельныхъ племенныхъ государствъ—скиѳскихъ, сарматскихъ, можетъ быть, даже кельтскихъ, находящихся въ постоянномъ движеніи и постоянно враждующихъ одно съ другимъ.

Всетаки, центральная Скиѳія продолжаетъ держаться. Сконцентрировавшись въ Крыму и, какъ кажется, успѣшно обороняясь отъ напора сарматовъ съ сѣвера, она ведетъ въ то же время, испытывая на себѣ сильнѣйшее греческое культурное вліяніе, упорную борьбу какъ съ Боспоромъ, такъ особенно съ Херсонесомъ, какъ болѣе слабымъ противникомъ, который, тѣмъ не менѣе, запиралъ Скиѳіи свободный выходъ къ морю.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что это политическое разложеніе не влечетъ за собою матеріальнаго обнищанія и культурнаго упадка. Эпохой большого матеріальнаго подъема Скиѳіи былъ VI в. до Р. Хр. Я уже указывалъ на богатѣйшія погребенія этого времени. Прибавлю, что, наряду съ этими державными могилами, мы имѣемъ и въ Приднѣпровьѣ, и на Тамани, и на Кубани рядъ другихъ, дающихъ намъ и дорогое желѣзное и бронзовое оружіе, вплоть до типичныхъ иранскихъ чешуйчатыхъ панцырей, и богатые конскіе уборы, преимущественно уздечные наборы, и превосходную греческую глиняную посуду, частью аттическихъ, частью мало-азійскихъ фабрикъ.

Характерно, что эти древнѣйшія погребенія, наряду съ греческими ввозными металлическими предметами, по большей части изготовленными въ мало-азійскихъ мастерскихъ первоначально западной М. Азіи, а затѣмъ по преимуществу Милета, содержатъ рядъ вещей не только иранскаго обихода и вооруженія, но и иранскаго, т. е. вѣрнѣе персидскаго, по всей видимости, изготовленія, во всякомъ случаѣ, типично иранскаго стиля съ его характерной смѣсью элементовъ различныхъ восточныхъ стилей. Наряду съ этимъ, металлическіе предметы, главнымъ образомъ, конская сбруя даютъ совершенно особый, такъ называемый звѣриный стиль, гдѣ фигуры и части фигуръ различныхъ звѣрей постепенно переходятъ въ орнаментъ и употребляются для заполненія извѣстной плоскости цѣликомъ, путемъ ли приданія фигурѣ звѣря особой условной позы или сопоставленія въ геральдической или иной схемѣ двухъ или нѣсколькихъ фигуръ, наконецъ, путемъ помѣщенія одной фигуры за другой въ рядъ.

Этотъ звѣриный стиль рѣзко разнится отъ звѣринаго же греческаго малоазійскаго стиля, дающаго отдѣльныхъ животныхъ и особенно часто животныхъ, сопоставлен-

ныхъ попарно, обычно въ схемѣ нападающихъ одно на другое. Въ немъ чувствуются, наряду съ старой восточной традиціей, элементы самостоятельнаго творчества, чуждаго ассиро-вавилонскому и вообще семитическому міру. Важно отмѣтить, что мы не видимъ рожденія этого стиля на почвѣ древней Скиѳіи и потому скиѳскимъ этотъ звѣриный стиль можно назвать только условно; въ Скиѳію онъ явился уже готовымъ. Ближайшія аналогіи мы имѣемъ въ отдаленной древности въ находкахъ архаическаго Элама, родоначальника иранскаго искусства вообще. Весьма вѣроятно, что стиль этотъ составляетъ поздній отпрыскъ алародійскаго искусства, дальнѣйшее развитіе котораго послѣ паденія Хетскаго и Ванскаго царства намъ плохо извѣстно. Напрашивается мысль, что принесли его съ собой на югъ Россіи киммерійцы, отъ которыхъ его восприняли скиѳы, слившіеся съ киммерійцами. Не даромъ же древнѣйшіе образцы этого стиля мы находимъ на Тамани и на Кубани.

Наиболѣе блестящимъ примѣромъ типичнаго для VI и V вв. до Р. Хр. погребальнаго инвентаря, отражающимъ сложную физіономію скиѳской культуры этой эпохи, можетъ служить погребальный инвентарь Келермесскихъ погребеній Кубанской обл. (табл. V. VI), находящій себѣ ближайшую аналогію въ инвентарѣ Литого мельгуновскаго кургана около Елисаветграда. Здѣсь мы имѣемъ предметы греческой архаической западномалоазійской торевтики, какъ серебряный ритонъ съ гравированными украшеніями (питьевой рогъ), серебряное золоченое зеркало (табл. VI, 2) и золотую діадему (табл. V, 2); ирано-персидскую паноплію, особенно мечъ, украшенный въ чисто восточномъ стилѣ рядомъ фигуръ, среди которыхъ выдѣляются крылатыя фигуры съ крыльями въ видѣ рыбъ (табл. V, 3), рядъ восточныхъ сосудовъ (табл. VI, 1) и типичныя части убора, инкрустированныя янтаремъ въ техникѣ позднѣйшей перего-

родчатой эмали (табл. VI, 3), кромѣ того, панцырь съ прикрѣпленнымъ на груди золотымъ изображеніемъ львицы (табл. V, 1); наконецъ, интересную боевую сѣкиру, золотая обкладка ручки которой даетъ типичный образчикъ только что упомянутаго звѣринаго стиля (табл. V, 4). Въ другихъ погребеніяхъ той же и родственныхъ, почти одновременныхъ, группъ мы находимъ и типичные образчики украшеній уздечнаго набора, трактованные въ звѣриномъ стилѣ.

Очень важно указать на то, что въ той же кубанской древнѣйшей группѣ кургановъ мы имѣемъ предметы, связь которыхъ съ алародійско-хетскимъ или халдскимъ культурнымъ міромъ и съ зависимой отъ него закавказской культурой несомнѣнна. Я имѣю въ виду бронзовые наконечники жердей погребальнаго балдахина или навершія погребальныхъ знаменъ и значковъ въ видѣ головъ различныхъ животныхъ (быковъ, муловъ и т. п.) или въ видѣ полыхъ прорѣзныхъ бубенцовъ съ металлическими шариками внутри (табл. VI, 4 и 5). Ближайшія имъ аналогіи мы находимъ только въ хетскомъ мірѣ, въ гробницахъ Закавказья эпохи халдскаго царства и въ болѣе позднихъ находкахъ на Кавказѣ. То же нужно сказать и о нѣкоторыхъ серебряныхъ и бронзовыхъ частяхъ конского убора, прорѣзныхъ бляхахъ, вырѣзы въ которыхъ заполнены цвѣтной, по преимуществу, черной мастикой.

Причины большого матеріальнаго расцвѣта Скиѳіи этого ранняго времени были указаны выше. Открывшійся черезъ греческія колоніи міровой рынокъ, зависимость греческихъ экспортныхъ гаваней отъ Скиѳіи, вызванный этимъ оживленный обмѣнъ съ иранскимъ востокомъ, шедшій по сравнительно безопаснымъ большимъ торговымъ путямъ, далъ скиѳскимъ властителямъ большія богатства и позволилъ имъ обзавестись роскошными произведеніями художественнаго ремесла

Табл. V.

1.

2.

3.

4.

1. Золотое, украшенное эмалью, украшеніе панцыря изъ Келермеса.—2. Золотая діадема, оттуда же.—3. Обложенные золотомъ ножны и ручка меча, оттуда же.—4. Обложенная золотомъ сѣкира оттуда же.

связанныхъ съ ними торговлей странъ, примѣнительно къ потребностямъ ихъ обихода.

Нѣкоторое ослабленіе притока матеріальныхъ богатствъ наблюдается въ V в. до Р. Хр. Гегемонія Аѳинъ прервала оживленныя сношенія съ М. Азіей и монополизировала торговый обмѣнъ для однѣхъ Аѳинъ, произведенія которыхъ были и менѣе цѣнны, и менѣе разнообразны, и менѣе приспособлены ко вкусамъ населенія. Но эта гегемонія длилась недолго. Уже въ IV в. до Р. Хр. старые пути открылись вновь и гробницы нѣкоторыхъ частей скиѳскаго царства вновь наполнились массами въ высокой степени цѣнныхъ и художественныхъ предметовъ.

Особенно пышно расцвѣли въ это время ближайшія къ Боспорскому архонтату мѣстности, особенно Тамань и прилегающія части Прикубанья. Надо думать, что ихъ расцвѣту значительно содѣйствовала ихъ эмансипація отъ скиѳскаго царства и ближайшая связь съ необычайно окрѣпшимъ Боспоромъ. Группа такъ называемыхъ Семибратнихъ кургановъ въ Прикубаньѣ, курганъ Б. Близницы и цѣлая серія родственныхъ ему кургановъ на Тамани, рядъ кургановъ около цвѣтущаго города Боспорской державы—Нимфея, нѣсколько кургановъ около Пантикапея даютъ намъ великолѣпные образцы греческихъ и мало-азійскихъ вещей V и IV вѣковъ и превосходные предметы мѣстнаго, очень развитаго и богатаго звѣринаго стиля, преимущественно частей конскаго убора.

Богатая и культурная жизнь продолжается и въ Приднѣпровьѣ, гдѣ перерыва и даже ослабленія культурной жизни не наблюдается. Разнится Приднѣпровье отъ Прикубанья только тѣмъ, что и теперь, какъ и въ архаическую эпоху, царитъ главнымъ образомъ ввозъ изъ Ольвіи, а не изъ Пантикапея, который въ культурной жизни восточной части Скиѳіи начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль.

Въ главномъ центрѣ скиѳской державы архаическіе курганы стоятъ особнякомъ и очень малочисленны, кургановъ V в. почти нѣтъ, равно какъ и кургановъ первой половины IV в. Но во второй половинѣ IV в. и, особенно, въ первой части III-го начинается необычайно пышный расцвѣтъ, и весь обликъ культуры пріобрѣтаетъ особый, очень оригинальный оттѣнокъ. Тотъ же характеръ въ то же время носятъ и многіе курганы Тамани, Крыма (особенно ближайшихъ окрестностей Пантикапея), Прикубанья, Придонья и Приднѣпровья.

Въ эту серію входятъ наиболѣе богатые и прославленные въ наукѣ и исторіи искусства курганы. Наибольшее количество поразительно интересныхъ вещей изъ золота и серебра дала недавно открытая Солоха изъ центральной Скиѳіи и одинъ изъ первыхъ раскопанныхъ кургановъ со скиѳскимъ „царскимъ" погребеніемъ, Куль-оба, около Пантикапея.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Солохой открыты однородныя, одновременныя и очень богатыя курганныя погребенія въ знаменитомъ Чертомлыкѣ, въ Александропольскомъ курганѣ, въ курганахъ Дѣевскихъ и Сѣрогозскихъ, въ 1-омъ Мордвиновскомъ курганѣ около Черной Долины, въ курганахъ около Рогачика и Б. Лепетихи и въ цѣломъ рядѣ другихъ. Ту же картину въ Прикубаньѣ даетъ богатѣйшій Карагодеуашхъ, въ Придоньѣ рядъ кургановъ въ урочищѣ Частые курганы около Воронежа и нѣкоторые курганы около ст. Елисаветовской въ устьяхъ Дона; въ среднемъ Приднѣпровьѣ знаменитый „Золотой" Рыжановскій курганъ, курганъ около Новоселицы, Липовецкаго уѣзда, и рядъ другихъ; въ Полтавщинѣ—рядъ кургановъ огромнаго некрополя городища, расположеннаго около деревень Будки, Волковцы и Аксютинцы (см. табл. VII—X).

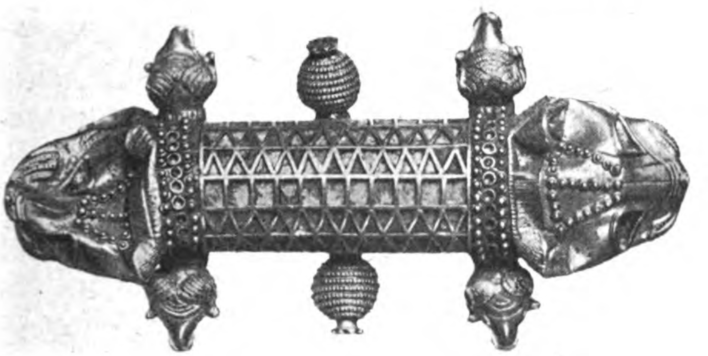
Всѣ эти погребенія отличаются, прежде всего, необычайнымъ обиліемъ золотыхъ и серебряныхъ вещей.

Табл. VI.

2.

3.

4.

6.

5.

1. Золотой сосудъ изъ Келермеса. — 2. Серебряное золоченое зеркало, оттуда же.— 3. Золотая инкрустированная пряжка, оттуда же. — 4—5. Бронзовыя навершія изъ архаическихъ Кубанскихъ погребеній. — 6. Золотая бляшка изъ Келермеса.

Ножны мечей (табл. VIII, 2) и гориты (налучія и колчаны, соединенные въ одно цѣлое) для луковъ и стрѣлъ (табл. VII, 1) обложены золотомъ или рѣже серебромъ, золотомъ украшены ручки мечей, древка и ремни нагаекъ, золотомъ обшиты головные уборы, одежда, пологи, покрывавшіе погребенныхъ, и ткани, которыми увѣшаны были стѣны (табл. VIII, 4—7); почти во всѣхъ погребеніяхъ находятся золотые, но чаще всего серебряные сосуды (табл. VII, 3); золотомъ обтягиваются любимые въ скиѳскомъ обиходѣ—религіозномъ и свѣтскомъ — деревянные сосуды (табл. II, 6 и 7); золотомъ и серебромъ блещетъ конская сбруя, необычайно пышная и сложная, особенно уздечные наборы (табл. VIII, 8 и 9); богато украшены бронзой, серебромъ, золотомъ и слоновой костью погребальныя колесницы-катафалки и деревянные рѣзные и точеные гробы; золотыя шейныя гривны (табл. VIII, 2), браслеты и кольца украшаютъ мужчинъ и женщинъ; масса ювелирныхъ, часто очень тонкихъ вещей сопровождаетъ въ гробницу женщинъ: ожерелья, серьги, браслеты, височныя привѣски, кольца.

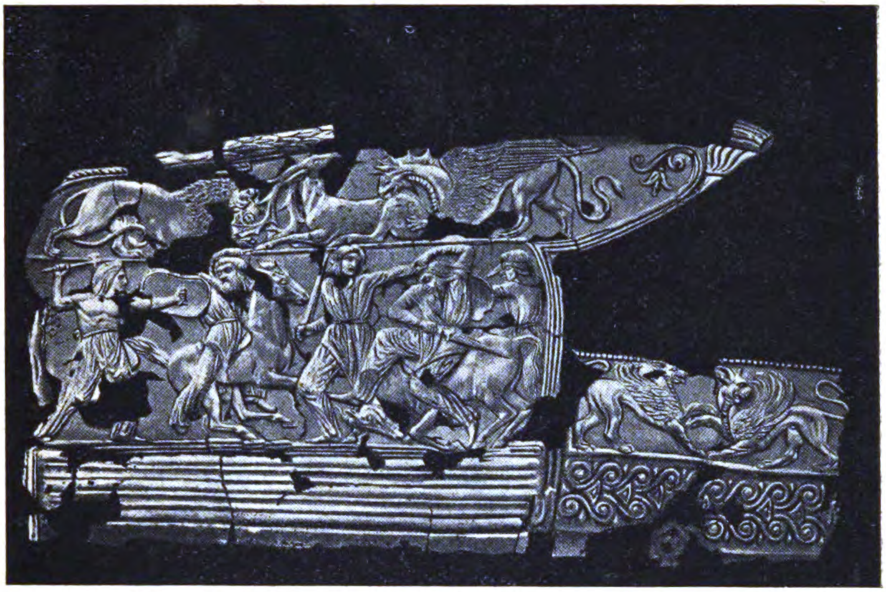
Это, однако, не ново. Почти то же мы наблюдаемъ и во многихъ погребеніяхъ архаическаго періода. Новымъ является иное. Ввозъ изъ Средней и Малой Азіи продолжается, но, наряду съ нимъ, мы находимъ рядъ предметовъ, изготовленныхъ спеціально согласно вкуса, вѣрованій и потребностей погребенныхъ скиѳовъ. Всѣ эти вещи украшаются сценами, особенно близкими и понятными ихъ покупателямъ. Наряду съ орнаментальными сценами звѣринаго малоазійскаго стиля и большими греческими сборными композиціями изъ цикла греческихъ миѳовъ, мы находимъ рядъ сценъ совершенно чуждыхъ Греціи, жанровыхъ и религіозныхъ сюжетовъ, изображающихъ боевую и религіозную жизнь скиѳовъ въ духѣ и схемахъ религіозной и геройской скульптуры

и живописи Малой Азіи. Сцены пріобщенія знатныхъ скиѳовъ таинствамъ великаго женскаго божества (табл. X, 2), сцены мистическаго гаданія, религіознаго братанія (табл. X, 4) и борьбы, боя героя съ его противниками, отдыха скиѳовъ послѣ битвы (табл. IX, 1 и 2) и торжественнаго собранія ихъ передъ сраженіемъ (табл. X, 3), наконецъ, знаменитая сцена ловли лошадей въ табунѣ на великолѣпной серебряной Чертомлыцкой вазѣ (табл. X, 4 и 5). Укажу еще на сцену передачи царской власти верховнымъ богомъ царю на ритонѣ изъ Карагодеуашха (табл. X, 1) и на изображеніе царя въ его боевомъ уборѣ на золотой пластинѣ пояса изъ одного Полтавскаго кургана (табл. X, 3).

Все это сдѣлано въ идеализованной и условной манерѣ въ духѣ греческаго искусства, но съ необычайно тонкой выработкой всѣхъ деталей быта, религіознаго обряда и костюма, и, притомъ, носитъ совершенно особый отпечатокъ, незнакомый намъ въ произведеніяхъ греческой торевтики въ Малой Азіи и на материкѣ. Тотъ же стиль и духъ, который мы находимъ и въ одновременныхъ великолѣпныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ Пантикапея.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весь этотъ рядъ великолѣпныхъ издѣлій идетъ изъ одного центра, и центромъ этимъ могъ только быть Боспоръ, такъ близко стоявшій къ Скиѳіи и такъ хорошо знавшій ея религію и бытъ.

Какъ же объяснить себѣ, при политическомъ упадкѣ Скиѳіи, такой могучій матеріальный и культурный расцвѣтъ отдѣльныхъ частей ея распадавшагося государственнаго организма? Отвѣтъ на это даетъ политическая исторія Боспора, о которой подробнѣе рѣчь будетъ ниже. Здѣсь укажу только на то, что эмансипація Боспора отъ Аѳинъ и широкое открытіе мірового рынка при Александрѣ Великомъ и послѣ него придали осо-

1.

2.

3.

1—3. Горитъ, ножны и ручка меча, серебряный золоченый сосудъ изъ кург. Солоха.

Табл. VIII.

4.

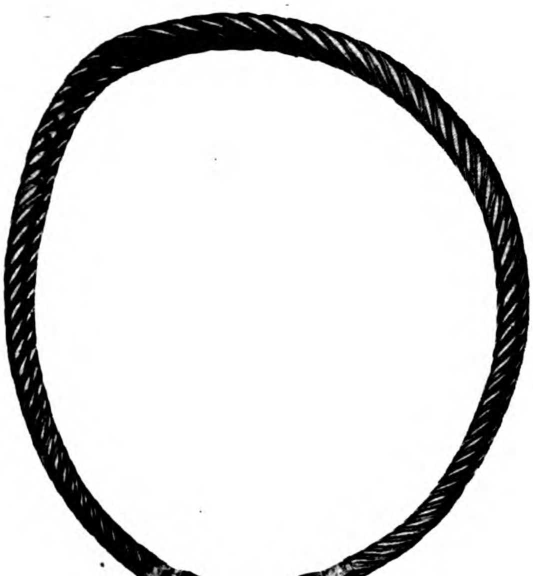
1.

5.

8.

2.

9.

6.

3.

7.

1. Золотой гребень изъ кург. Солоха.—2. Золотая гривна, оттуда же.— 3. Греческій бронзовый шлемъ, оттуда же.— 4—7. Золотыя нашивныя бляшки, оттуда же.—8. Золотой налобникъ изъ конскаго погребенія, оттуда-же.—9. Золотой наушникъ, оттуда же.

бую цѣну вывозимымъ изъ Боспора предметамъ, главнымъ образомъ, сырью: зерну, рыбѣ, кожамъ, можетъ быть, металламъ и пушнинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все повышавшійся культурный уровень населенія смежныхъ съ Боспоромъ областей увеличивалъ и производительность страны, пока еще мало страдавшей отъ опустошительныхъ набѣговъ извнѣ: враги съ запада и востока пока еще только стучались въ двери отдѣльныхъ частей Скиѳіи.

Важность приведенныхъ данныхъ заключается въ томъ, что они иллюстрируютъ постепенный переходъ руководящей роли на югѣ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ къ Боспорской державѣ, которой Скиѳія принуждена была уступить свое первенство.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ я попытался свести въ одну картину разрозненныя данныя, имѣющіяся у насъ о политической исторіи Скиѳіи, съ присоединеніемъ того немногаго, что намъ извѣстно объ ея соціальномъ и экономическомъ укладѣ. Нѣсколько больше знаемъ мы о бытѣ и религіи скиѳовъ. Единственнымъ нашимъ литературнымъ источникомъ здѣсь является Геродотъ. Очень трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ Геродотъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ литературныхъ источниковъ и въ какой онъ лично слышалъ характеристику быта скиѳовъ изъ устъ понтійскихъ грековъ. Не можетъ быть съ достовѣрностью опредѣлено и то, былъ ли онъ лично въ Ольвіи или только бесѣдовалъ съ ольвійцами гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Несомнѣннымъ представляется только одно, что лично жизни скиѳовъ онъ не наблюдалъ и что въ его разсказѣ причудливо смѣшаны свѣдѣнія, имѣвшіяся о скиѳахъ у ольвійцевъ и данныя литературнаго преданія, дававшія характеристику скиѳовъ или, можетъ быть, даже кочевниковъ вообще, а не спеціально жизни и быта скиѳовъ на берегахъ Чернаго моря. При этомъ надо

помнить, что Геродотъ не стремится дать полной картины быта скиѳовъ, а нанизываетъ одно на другое рядъ свѣдѣній, имѣвшихся въ его рукахъ.

Въ общемъ, характеристика Геродота, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чертами, сообщенными намъ въ одномъ естественно историческомъ трактатѣ VI в. до Р. Хр., приписывавшемся въ древности знаменитому врачу Гиппократу, даетъ намъ рядъ мотивовъ жизни скотоводовъ-кочевниковъ, близко и хорошо извѣстныхъ каждому русскому, побывавшему въ нашихъ киргизскихъ и калмыцкихъ степяхъ. Медленно передвигающійся кочевой таборъ; телѣги-юрты, въ которыхъ живутъ, готовятъ пищу, няньчатъ дѣтей женщины и куда для ѣды и на ночь приходятъ мужчины; стада барановъ, овецъ, быковъ и коровъ, главнымъ же образомъ, лошадей; мужчины все время на коняхъ, въ степи, у стадъ и табуновъ или на охотѣ за зайцами или хищнымъ, правда, немногочисленнымъ звѣрьемъ; женщины постоянно въ юртѣ и на телѣгѣ. Мясная пища, кумысъ, какъ главный напитокъ, изрѣдка сухая баня, нелюбовь къ водѣ и мытью.

На всемъ этомъ нѣтъ необходимости подробно останавливаться, такъ какъ вся эта картина шаблонна и повторяется у всѣхъ кочевыхъ народовъ, къ какому бы племени они ни принадлежали.

Интереснѣе то, что сообщаетъ намъ Геродотъ объ обрядѣ погребенія скиѳскихъ царей и знатныхъ скиѳовъ. Онъ рисуетъ намъ картину бальзамированія трупа; объѣзда съ этимъ трупомъ, положеннымъ на телѣгу или погребальный катафалкъ, подвластныхъ царю племенъ, причемъ ритуалъ требовалъ отъ подвластныхъ царю изуродованія себя въ знакъ траура, т. е. симуляціи кровавыхъ жертвоприношеній; привоза трупа въ мѣстность Герры, гдѣ хоронились скиѳскіе цари; погребенія его въ ямѣ и сооруженія въ этой ямѣ

1.

3.

2.

4.

5.

1. 2. Электровый сосудъ изъ Куль-обы. — 3. Серебряный сосудъ изъ курганнаго погребенія около Воронежа. — 4. 5. Двѣ части фриза, украшающаго серебряную амфору изъ Чертомлыка.

изъ четырехъ копій рода балдахина; принесенія въ жертву манамъ царя и погребенія вмѣстѣ съ нимъ одной изъ его женъ, ближайшихъ слугъ царя и лошадей; положенія въ гробницу драгоцѣнныхъ вещей (золота, но не серебра и бронзы); насыпки надъ могилой большого кургана и, наконецъ, по прошествіи года жестокой гекатомбы 50 слугъ и лошадей, чучела которыхъ разставлялись передъ курганомъ.

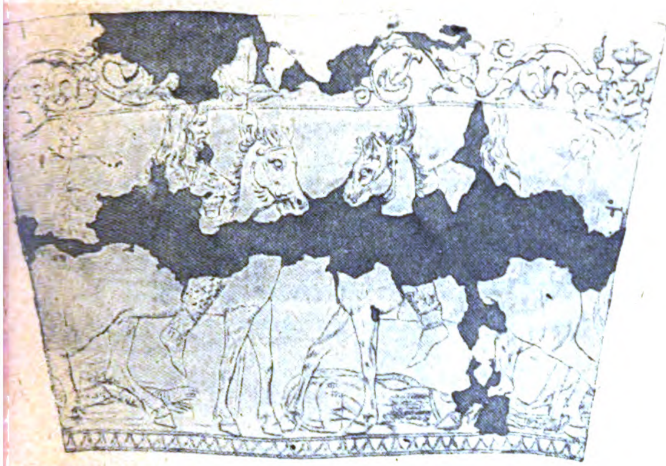
Все это, само по себѣ, очень вѣроятно и находитъ себѣ параллели въ погребальныхъ обычаяхъ позднѣйшихъ кочевниковъ туранскаго племени. Но полнаго подтвержденія въ результатахъ многочисленныхъ раскопокъ большихъ царскихъ кургановъ разсказъ Геродота не находитъ. А, между тѣмъ, мы имѣемъ рядъ кургановъ, довольно хорошо разслѣдованныхъ и распредѣляющихся на протяженіи не менѣе трехъ вѣковъ, отъ VI до III в. до Р. Хр.

Не подтверждается, прежде всего, разсказъ Геродота о большомъ общемъ кладбищѣ скиѳскихъ царей въ Геррахъ. Царскія погребенія, даже въ одной только области такъ называемыхъ царскихъ скиѳовъ, разбросаны на очень большомъ пространствѣ, причемъ наблюдается стремленіе не скучивать большихъ кургановъ въ одномъ мѣстѣ. Создается впечатлѣніе, что для каждаго царскаго погребенія выбиралось высокое и открытое мѣсто на всемъ протяженіи области разселенія каждаго отдѣльнаго племени.

Самый обрядъ погребенія на протяженіи трехъ вѣковъ значительно мѣняется. Мѣняется онъ не только въ зависимости отъ времени, но и въ зависимости отъ мѣста. Такъ, въ Кубанской области въ архаическое время мы имѣемъ очень сложный, дорогой и кровопролитный обрядъ, въ общемъ, но не въ подробностяхъ сходный съ описаннымъ Геродотомъ. Погребальное сооруженіе значительно сложнѣе описаннаго

Геродотомъ. Сооружался въ огромной и глубокой ямѣ большой шалашъ-палатка изъ деревянныхъ бревенъ, подъ шалашомъ помѣщался покойникъ, кругомъ, частью по уступамъ ямы, огромное количество принесенныхъ въ жертву лошадей (иногда нѣсколько сотенъ), частью съ богатымъ уборомъ. Трупъ подвозился, вѣроятно, на колесницѣ-катафалкѣ, надъ которой сооружался балдахинъ на четырехъ жердяхъ, украшенныхъ на верхнихъ концахъ металлическими головами звѣрей или полыми большими бубенцами; все это обвѣшивалось колокольцами, которые играли видную роль и въ упряжи лошадей. Цѣлью было, очевидно, производить при погребенiи возможно больше шума для отогнанія злыхъ духовъ. Такихъ колесницъ въ погребальномъ кортежѣ бывало, вѣроятно, нѣсколько. Каждая была запряжена шестью лошадьми, первыми приносившимися въ жертву. Погребенія съ царемъ большого количества его близкихъ въ кубанскихъ курганахъ не установлено, но возможность этого вполнѣ допустима, какъ и возможность погребенія одной изъ женъ. Свѣдѣнія Геродота о бальзамированіи трупа царя не подтверждаются: никакихъ слѣдовъ этого ни въ кубанскихъ, ни въ другихъ царскихъ курганахъ не отмѣчено. Не подтверждается и его указаніе на погребеніе съ царемъ только золотыхъ вещей. Въ могилахъ находятъ и бронзу, и серебро, въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ они вообще были въ обиходѣ.

Надо отмѣтить, что погребались цари кубанскихъ скиѳовъ въ полномъ вооруженіи, въ богатой одеждѣ, съ большимъ количествомъ драгоцѣнной утвари. Видную роль играли мѣдные огромные котлы, о которыхъ говоритъ и Геродотъ, какъ о предметахъ житейскаго обихода скиѳовъ, съ кусками тушъ жертвенныхъ животныхъ, и большія греческія глиняныя амфоры, вѣроятно, наполненныя греческимъ виномъ.

1.

3.

4.

2.

1. Верхняя часть питьевого рога (ритона) изъ Карагодеуашха.—2. Золотая пластинка женскаго коническаго головного убора изъ Карагодеуашха.—3. Золотая пластинка наборнаго пояса одного изъ Роменскихъ кургановъ. 4. Золотая нашивная бляшка изъ кургана Солоха.

Въ общемъ, описанный обрядъ держится на Кубани и позднѣе съ тѣмъ измѣненіемъ, что въ болѣе позднихъ курганахъ деревянный шалашъ въ ямѣ замѣняется монументальнымъ склепомъ изъ большихъ тесаныхъ плитъ, крытымъ деревомъ.

Почти тотъ же обрядъ находимъ мы и въ центрѣ скиѳской державы, въ степяхъ между Донцомъ и Днѣпромъ въ IV—III в. до Р. Хр. Измѣненія наблюдаются только въ подробностяхъ. Измѣняется, прежде всего, типъ погребальнаго сооруженія. Въ погребальной ямѣ не дѣлаютъ деревяннаго сооруженія, чаще же всего выкапываютъ въ ея углахъ особые склепы, въ которые и кладутъ покойниковъ.

Обрядъ погребенія остается въ основахъ незыблемымъ. Возстановить его можно полностью, лучше чѣмъ для кубанскихъ кургановъ. Везли погребаемаго къ мѣсту его упокоенія на колесницахъ съ катафалками того же типа, что и выше описанныя. По прибытіи совершалось жертвоприношеніе и тризна. Закалывали или рѣзали упряжныхъ лошадей погребальныхъ колесницъ и вмѣстѣ съ ними, можетъ быть, и верховыхъ. Убивали здѣсь же или въ другомъ мѣстѣ и слугъ покойнаго, а также его жену, которыхъ и погребали частью въ одной могилѣ съ царемъ, въ разныхъ склепахъ, частью въ особыхъ могилахъ. На мѣстѣ тризны и жертвоприношенія разбивали колесницы-катафалки и сбрасывали въ кучу или кучи ихъ остатки, части конской сбруи, сосуды, котлы для мяса и т. п. Лошадей погребали въ особыхъ могилахъ рядомъ съ могилой царя. Почетное погребеніе выпадало на долю только упряжныхъ лошадей катафалка и, можетъ быть, верховыхъ лошадей царя. Остальныя лошади убивались и, вѣроятно, съѣдались на мѣстѣ.

Покойниковъ погребали въ полномъ вооруженіи и богатой ритуальной одеждѣ, въ которой видную роль

игралъ украшенный золотомъ головной уборъ. Съ женщинами погребали и весь ихъ наборъ ювелирныхъ украшенiй. Видную роль въ погребальномъ инвентарѣ, кромѣ мѣдныхъ котловъ съ мясомъ, жаровенъ для жаренiя мяса и амфоръ съ виномъ, игралъ наборъ ритуальныхъ жертвенныхъ сосудовъ: фiалы, сферическiе сосуды, металлическiе рога для возлiянiй и питья, такъ называемые ритоны. Сосуды эти частью изготовлялись изъ золота и серебра, частью изъ дерева, обитаго золотомъ. Погребали покойниковъ частью въ деревянныхъ гробахъ, частью на подстилкахъ. Покрывали ихъ богатыми пологами съ нашитыми на нихъ золотыми бляшками. Такими же пологами завѣшивали иногда и стѣны склеповъ. Послѣ погребенiя могилу закрывали досками и насыпали надъ ней монументальный курганъ, искусное и массивное сооруженiе бòльшихъ или меньшихъ размѣровъ. Тотъ же курганъ служилъ и для повторнаго въ немъ погребенiя, такъ что могилы имѣютъ иногда характеръ семейныхъ погребенiй.

Значительныя измѣненiя претерпѣлъ этотъ обрядъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ. Здѣсь, очевидно, съ нимъ столкнулся иной мѣстный обрядъ. Вновь мѣняется характеръ погребальнаго сооруженiя. Погребальная яма обкладывается бревнами и покрывается крышей, т. е. превращается въ жилое помѣщенiе, въ репродукцiю мѣстныхъ деревянныхъ хижинъ земледѣльческаго населенiя. Нѣтъ больше огромнаго количества жертвенныхъ лошадей. Изрѣдка погребается одинъ только конь, чаще же покойнику кладутся въ могилу только куски конской туши.

Всѣ эти измѣненiя очень характерны и отражаютъ на себѣ условiя быта скиѳовъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ обширнаго царства. Въ общемъ, однако, мы имѣемъ довольно примитивный, хотя и очень тяжеловѣсный и дорогой ритуалъ. Весь онъ, несомнѣнно, исходитъ изъ

вѣры въ продолженіе жизни покойникомъ за гробомъ, для чего ему нужно было обезпечить и соотвѣтственное его рангу одѣяніе, и хорошее вооруженіе, и пищу, и питье. Никакихъ слѣдовъ какого нибудь углубленія этихъ примитивныхъ вѣрованій мы не находимъ.

Нерѣдкія въ скиѳскихъ большихъ курганахъ изображенія скиѳовъ на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ и бляхахъ, украшавшихъ части костюма и конскаго убора, позволяютъ намъ составить себѣ ясное представленіе о вооруженіи, костюмѣ и уборѣ погребенныхъ, т. е. скиѳской высшей знати.

Вооруженіе надо считать въ основѣ иранскимъ. Передъ нами типичное вооруженіе иранскихъ конныхъ, тяжело вооруженныхъ лучниковъ, какими они являются намъ и на зарѣ своей исторіи и въ позднѣйшіе ея періоды, какъ въ самомъ Иранѣ (персы ахеменидскіе, парѳяне, персы сасанидскіе), и внѣ его (сарматы). Все тѣло всадника покрываетъ панцырная рукавная рубашка, охваченная въ таліи металлическимъ наборнымъ поясомъ. Къ нему съ одной стороны подвѣшенъ горитъ— футляръ для скиѳскаго двурогаго лука, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, колчанъ для длинныхъ тростниковыхъ перистыхъ стрѣлъ съ бронзовыми, костяными, позднѣе желѣзными трехгранными наконечниками, составляющими особенность восточнаго, можетъ быть, спеціально иранскаго міра. Съ другой стороны, съ пояса свѣшивается короткій иранскій желѣзный мечъ—акинакъ съ сердцевидной крестовиной, вложенный въ деревянныя, обитыя кожей, ножны, кончающіяся закругленіемъ. Ножны подвѣшивались за особый выступъ въ верхней части ноженъ на длинномъ ремнѣ или цѣпочкѣ и прикрѣплялись за нижній конецъ ремнемъ къ ногѣ, давая возможность удобно приспособить мечъ при верховой ѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяя ему бить при ѣздѣ по лошади и нервировать ее. Тутъ же у пояса

висѣлъ оселокъ для точенія стрѣлъ, меча и кинжала къ ляшкѣ правой ноги, къ кожаной штанинѣ, прикрѣленъ былъ короткій желѣзный кинжалъ въ деревянныхъ или кожаныхъ ножнахъ. Все это оружіе, какъ и панцырь и поясъ, было богато украшено золотыми тиснеными бляхами съ узорами или фигурами (табл. VII, 1 и 2). Кромѣ того, скиѳскіе рыцари пользовались короткими копьями или дротиками, съ разнообразными желѣзными наконечниками, вѣроятно, какъ метательнымъ оружіемъ на близкихъ разстояніяхъ. Можетъ быть, только въ пѣшемъ строю пускали они въ дѣло и боевыя сѣкиры, но возможно, что ихъ они употребляли и въ конномъ боѣ для нанесенія перваго удара конному противнику.

Изъ вооруженія эллинскихъ гоплитовъ скиѳы позаимствовали бронзовые шлемы съ султаномъ и бронзовыя поножи (табл. VIII, 1 и 3), подъ ихъ же вліяніемъ измѣнили они и свою панцырную рубашку, слишкомъ тяжелую и громоздкую, скомбинировавъ ее съ греческимъ кожанымъ панцыремъ (табл. VIII, 1 — центральная фигура).

Менѣе громоздко и сложно было вооруженіе пѣшей сопровождавшей конныхъ рыцарей дружины, но типъ вооруженія и здѣсь оставался тѣмъ же (табл. VIII, 1— правая фигура).

Описанное вооруженіе давало большую силу конной рыцарской дружинѣ иранцевъ, позволяя имъ, при умѣньѣ хорошо управлять лошадью и твердо держаться на ней безъ сѣдла и стремянъ и при навыкѣ мѣтко стрѣлять изъ лука на конѣ, пущенномъ полнымъ ходомъ, осыпать противника издали градомъ губительныхъ, можетъ быть, даже отравленныхъ стрѣлъ, поражать его на близкомъ разстояніи мѣтко пущеннымъ дротикомъ и завершать атаку рукопашнымъ мечевымъ боемъ, будучи гарантированнымъ отъ ударовъ противника панцыремъ, поножами и шлемомъ.

Но такое вооруженіе предполагаетъ профессіональныхъ бойцовъ-рыцарей, занятыхъ исключительно тренировкой и боевой жизнью. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ данной выше картинѣ соціальнаго строя Скиѳіи, съ господствующимъ классомъ военной конной аристократіи, выносившей на своихъ плечахъ всю тяжесть завоеваній и защиты государства. Становится понятной и огромная роль, которую играла въ жизни скиѳовъ охота на зайцевъ и лисицъ, пріучавшая ихъ на полномъ ходу поражать бѣгущее животное.

Въ полномъ согласіи съ набросанной картиной стоитъ и тотъ рядъ отдѣльныхъ варварскихъ и каннибальскихъ штриховъ изъ жизни скиѳской правящей дружины, которые сообщаетъ намъ Геродотъ: питье крови изъ ранъ перваго убитаго скиѳомъ врага, украшеніе своего оружія и конской сбруи подѣлками изъ кожи убитыхъ въ сраженіи, питье изъ чашъ, изготовленныхъ изъ череповъ павшихъ противниковъ, полученіе части добычи отъ царя при представленіи головъ убитыхъ воиновъ враговъ, особыя отличія на ежегодныхъ регулярныхъ пиршествахъ для тѣхъ, кому удалось убить врага и безчестіе для тѣхъ, кто этого не сдѣлалъ.

Иранской является и одежда скиѳовъ. Ихъ плотно облегающій верхнюю часть тѣла камзолъ, спереди запахнутый и охваченный въ таліи поясомъ съ узкими рукавами, часто отороченный мѣхомъ и имъ же подбитый, ихъ матерчатые или кожаные штаны драгунскаго или казацкаго типа, одинаково приспособленные для верховой ѣзды, ихъ мягкіе кожаные сапоги, связанные ремнемъ надъ ступнею, превосходная обувь для всадника, не годящаяся однако для большой пѣшей ходьбы, наконецъ, ихъ мѣховой кафтанъ съ широкими и длинными рукавами, позволявшими пользоваться ими въ морозы какъ муфтой,—обычный персидскій кандисъ.

Вся эта одежда, частью кожаная, частью матерчатая, украшалась затканными или вдавленными золототканными или позолоченными узорами и, можетъ быть, нашивными золотыми бляшками; поясъ покрывался золотыми бляхами, сапоги оковывались на задкахъ серебромъ; сапожные ремни снабжались на концахъ бронзовыми привѣсками. Голову скиѳы покрывали восточнымъ войлочнымъ башлыкомъ, типичнымъ иранскимъ головнымъ уборомъ. Волосы и бороду отпускали и, вѣроятно, не стригли вовсе. Греческаго вліянія въ ихъ костюмѣ незамѣтно вовсе (см. табл. IX и X, 1 и 3).

Не видно его и въ женскомъ костюмѣ. Онъ состоялъ изъ нижней длинной рукавной рубашки, стянутой на шеѣ и на рукавахъ и доходившей до ногъ, въ таліи опоясанной; поверхъ нея надѣвался короткій или длинный шугай, того же типа, что и мужской верхній кафтанъ, съ длинными прорѣзными рукавами, дававшими возможность запахиваться въ него какъ въ шубу и носить его какъ плащъ только на плечахъ; на шеѣ онъ застегивался аграфомъ. На головѣ укрѣплялось покрывало или платокъ, иногда, въ торжественныхъ случаяхъ, поверхъ остроконечнаго высокаго головного убора, охваченнаго вдоль лица золотой дугой въ видѣ полумѣсяца, обрамленной рясками; къ этой дугѣ на вискахъ подвѣшивались височныя подвѣски; лицевая сторона этой кички покрывалась золотой бляхой или рядами золотыхъ пластинокъ; наверху укрѣплялись стойки, на которыхъ держалось спускавшееся на плечи покрывало (табл. X, 2).

Греческое вліяніе въ женскомъ костюмѣ сказывается только въ приспособленіи къ женскому головному восточному убору золотыхъ частей греческаго головного убора: стленгиды—обрамлявшаго лицо и поддерживавшаго волосы золотого обруча, и метопиды—лобнаго, украшеннаго золотомъ, ремня. Еще сильнѣе оно въ жен-

скомъ ювелирномъ уборѣ, гдѣ мы встрѣчаемся почти исключительно съ издѣліями греческихъ мастерскихъ.

Чисто иранскимъ, во всякомъ случаѣ, восточнымъ, можетъ быть, въ основѣ своей алародійско-хетскимъ надо считать богатый, тяжелый и блестящій, конскій уборъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей. Особенно богато украшена была уздечка, голова и шея лошади. Наиболѣе видное мѣсто занимаетъ массивный налобникъ (табл. VIII, 8 и 9) и огромная кисть въ металлической, часто золотой оправѣ подъ шеей. Вся уздечка покрывалась металломъ—бронзой, золотомъ или серебромъ, уши закрывались особыми наушниками въ видѣ крыльевъ, рыбъ или драконовъ (табл. VIII, 9). Особенно причудливо трактовались удила, въ частности такъ называемыя псаліи—палочки, удерживавшія удила во рту лошади. Верхняя часть ихъ чаще всего принимала форму головы, нижняя—нижнихъ конечностей лошади, дикихъ звѣрей и под. Въ видѣ головъ животныхъ, драконовъ, птицъ и под. выдѣлывались и такъ называемые наносники, укрѣплявшіеся на одномъ изъ поперечныхъ ремней уздечки.

И здѣсь, конечно, замѣтны греческія вліянія, но въ очень небольшомъ количествѣ. Царятъ здѣсь и въ орнаментикѣ мотивы восточнаго причудливаго звѣринаго стиля.

Кое что знаемъ мы и о религіозныхъ вѣрованіяхъ скиѳовъ. Какъ Геродотъ, такъ и археологическія данныя говорятъ за то, что высшимъ божествомъ, которому поклонялись скиѳы, была державная богиня, владычица земли и воды, животныхъ, птицъ и рыбъ, покровительница конной скиѳской знати, мистическое сочетаніе съ которой, посредствомъ пріобщенія, было однимъ изъ торжественнѣйшихъ актовъ, часто изображаемыхъ на предметахъ утвари и убора, изготовленныхъ въ Пантикапеѣ. Верховными жрицами этой великой богини были жены царей, служили ей священные энареи, половая

импотенція которыхъ — результатъ особой болѣзни, довольно частой среди степняковъ-наѣздниковъ,—толковалась какъ небесный знакъ, призывавшій ихъ служить великой богинѣ (табл. X, 1 — сцена пріобщенія, слѣва энарей, сзади жрицы богини, справа пріобщающійся).

Принесли ли культъ этого верховнаго божества иранцы съ собой или это былъ старый мѣстный культъ, воспринятый иранцами и связывавшійся съ ихъ религіозными вѣрованіями, сказать трудно. Въ пользу мѣстнаго происхожденія, сочетавшагося съ исконными вѣрованіями алародійцевъ-яфетидовъ, можно было бы привести распространенный во всѣхъ частяхъ Скиѳіи, разно передававшійся, но вездѣ въ основѣ одинаковый, миѳъ о сочетаніи верховнаго мужского божества, въ двухъ версіяхъ миѳа пришельца въ Скиѳію извнѣ (въ греческой передачѣ Геракла), съ мѣстнымъ хтоническимъ женскимъ верховнымъ божествомъ, полу-женщиной, полу-змѣей. Отъ этого сочетанія произошла, по двумъ версіямъ, династія мѣстныхъ царей. Въ этомъ миѳѣ заманчиво было бы видѣть облеченное въ форму сказанія представленіе о сочетаніи верховнаго иранскаго бога неба—Аура-мазды съ мѣстной хтонической богиней, служительницъ которой хотѣлось бы видѣть, какъ уже указано было выше, въ женщинахъ-воительницахъ и царицахъ пріазовскихъ племенъ, смѣшавшихся когда то съ прежними владыками степей юга Россіи—киммерійцами.

Иранскій Аура-мазда, въ видѣ коннаго бога, пріобщающаго власти скиѳскаго царя, знакомъ былъ и греческимъ мастерамъ Пантикапея, работавшимъ на Скиѳію, хотя былъ менѣе популяренъ въ этой средѣ, чѣмъ великая богиня. Въ роли бога побѣдителя зла, дарующаго власть царю, видимъ мы его на серебряномъ ритонѣ изъ кургана Карагодеуашхъ (табл. X, 1).

Возможно, однако, и то, что иранцы явились въ Ски-

ѳію не съ однимъ Аура-маздой, а уже въ сочетаніи съ его женской ипостасью. Понятной станетъ тогда градація верховныхъ боговъ Скиѳіи, какъ намъ передаетъ ее Геродотъ. „Они чтутъ, говоритъ онъ, только слѣдующихъ боговъ: превыше всѣхъ Гистію, затѣмъ Зевса и Землю, считая Землю супругой Зевса"... „По-скиѳски Гистія называется Табити, Зевсъ, наиболѣе правильно, по моему мнѣнію, Папай (очевидно, имѣлись и другія имена), Земля—Ани"... Создавалась, такимъ образомъ, довольно обычная на востокѣ, спеціально въ Малой Азіи, тріада—троица изъ двухъ женскихъ и одного мужского божества.

Иранскій характеръ скиѳской религіи вытекаетъ и изъ указаній Геродота, что скиѳскій культъ не зналъ изображеній боговъ. Съ этимъ, какъ будто, стоитъ въ противорѣчіи указанное выше изображеніе скиѳскихъ боговъ на памятникахъ, изготовлявшихся греками Пантикапея для Скиѳіи. Но всѣ эти изображенія относятся ко времени значительно болѣе позднему, чѣмъ Геродотъ, и являются результатомъ все усиливавшейся эллинизаціи иранскаго населенія южно-русскихъ степей.

Типиченъ для воинственныхъ иранцевъ и культъ военнаго фетиша—меча, водруженнаго на высокомъ постаментѣ, сооруженномъ изъ хвороста,— замѣнѣ типичныхъ для восточнаго міра сакральныхъ башенныхъ сооруженій. Характерно, что въ честь этого фетиша приносились человѣческія жертвы—каждый сотый изъ числа плѣнныхъ враговъ.

Таковъ былъ обликъ южно-русскихъ степей въ эпоху владычества скиѳовъ. Основной тонъ государственности, религіи, быта — иранскій, но вездѣ чувствуется, что иранцы явились не на дѣвственную почву, что они встрѣтились здѣсь съ племенами, выработавшими къ тому времени свой укладъ жизни, свою религію, свой бытъ. На востокѣ, въ районѣ Азовскаго моря, этотъ укладъ

жизни сложился подъ рядомъ скрещивавшихся до-иранскихъ восточныхъ вліяній. Чтò изъ этого принесли сюда предшественники скиѳовъ киммерійцы, чтò и они застали здѣсь готовымъ, этого знать мы, при теперешнемъ состояніи нашего матеріала, не можемъ.

На западѣ — картина иная. И здѣсь существовала своя старая и самобытная культура, но связанная не съ востокомъ, а съ западомъ, съ сѣверной частью Балканскаго полуострова и съ средней Европой. Иранство встрѣтило здѣсь болѣе чуждый ему и болѣе цѣпкій укладъ жизни и только покрыло его наносомъ своей культуры, почти не проникшей въ низы населенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пристально вглядѣться въ инвентарь мѣстныхъ гробницъ періода скиѳскаго владычества. Весь фонъ здѣсь—мѣстный, я бы сказалъ, западный, настолько сильный, что его усвоили и скиѳы-пришельцы. Подъ его вліяніемъ они измѣнили и форму своихъ погребеній, и самый обрядъ его; иранскія, греческія и ирано-греческія вещи сочетаются здѣсь, не сливаясь, какъ двѣ самостоятельныя струи; съ керамикой, оружіемъ, предметами утвари и туалета, далекими востоку и близкими западному гальштадту, т. е. раннему желѣзному вѣку, а затѣмъ кельтскому латену.

Подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій скотоводы-кочевники превращаются здѣсь въ помѣщиковъ-земледѣльцевъ, а поблизости къ греческой Ольвіи смѣшанное населеніе, слывущее у грековъ подъ именемъ скиѳовъ, населеніе пахарей и землеробовъ связано со Скиѳіей только узами подчиненія одному главѣ государства.

Приднѣпровье и Прибужье, хотя и были подъ властью скиѳовъ, но скиѳскими не сдѣлались. Они жили, какъ и раньше, своей самобытной и чуждой скиѳскому укладу жизнью.

IV. Греческія колоніи на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря до времени римскаго владычества.

(Табл. XI. XII).

Греческая колонизація на берега Чернаго моря шла, какъ было сказано выше, двумя путями. Послѣ повторныхъ, но случайныхъ экспедицій отдѣльныхъ смѣлыхъ мореплавателей, впервые ознакомившихся съ условіями плаванія по Черному морю и съ его гаванями (воспоминанія объ этихъ экспедиціяхъ, облеченныя греческой творческой фантазіей въ форму миѳа, сохранились въ эпосѣ объ Аргонавтахъ и въ зависимой отъ этого эпоса части Одиссеи), начинается систематическая эксплоатація Понта Евксинскаго, какъ греки звали Черное море, греческими, главнымъ образомъ, мало-азійскими мореплавателями. Въ VIII в. появляются первыя факторіи и рыбныя станціи на южномъ берегу; начиная съ VII в., когда Персія начинаетъ крѣпнуть, когда она превращается въ міровую державу и даетъ этимъ возможность греческимъ городамъ развить широкую дѣятельность, эти факторіи и станціи выростаютъ въ настоящіе города со все крѣпнущей и растущей торговлей (Синопъ, Амисъ, Трапезунтъ, позднѣе дорійская Гераклея). Параллельно этому съ VII в., т. е. со времени роста и укрѣпленія скиѳской державы, тотъ же процессъ начинается и на сѣверномъ берегу, причемъ и здѣсь первоначально появляются рыбныя станціи и факторіи, превращающіяся въ настоящіе города только съ VI в. до Р. Хр.

Греческіе мореплаватели на сѣверномъ берегу Чер-

наго моря облюбовали, главнымъ образомъ, устья боль-
шихъ южно-русскихъ рѣкъ, дававшія въ своихъ лима-
нахъ вѣрный пріютъ греческимъ судамъ и вмѣстѣ с
тѣмъ чрезвычайно богатыя крупной и дорогой рѣчной
рыбой. Такія же рыбныя богатства имѣлись въ изоби-
ліи и на берегахъ Керченскаго пролива, и на побережьѣ
Азовскаго моря, гдѣ имѣлся и цѣлый рядъ удобныхъ
для греческихъ мореплавателей гаваней. Въ этихъ двухъ
районахъ и сосредоточилась главная колонизаторская
дѣятельность мало-азійскихъ грековъ.

Въ западной части возникли Тирасъ у устья Днѣстра и Ольвія у Бугскаго и Днѣпровскаго лимана, въ восточной, гдѣ, наряду съ Милетомъ, колонизаторомъ западной части сѣвернаго побережья Чернаго моря, энергично работали Теосъ, Митилена и Клазомены, появились все болѣе и болѣе богатѣвшія поселенія—Фанагорія, Гермонасса, Синдскій портъ и др. на восточномъ берегу Керченскаго пролива, Ѳеодосія, Нимфей и Пантикапей, не говоря о менѣе крупныхъ городахъ, на западномъ. Всѣ эти города, въ свою очередь, заселяли своими факторіями ближайшіе удобные для рыбной ловли и торговли пункты. Колоніей Пантикапея считается, напримѣръ, возникшій у устья Дона городъ Танаисъ.

Вся эта огромная колонизаторская работа на западѣ и востокѣ продѣлана была въ сравнительно короткій промежутокъ времени, въ эпоху пышнаго расцвѣта мало-азійскаго побережья—въ VII и, особенно, въ VI в. до Р. Хр.

Одного цѣлаго всѣ эти колоніи не составили. Все прошлое сѣвернаго побережья Чернаго моря и географическія условія отдѣльныхъ его частей рѣзко раздѣлили эти колоніи на двѣ группы: западную и восточную.

Въ западной руководящая роль естественно принадлежала милетской колоніи Ольвіи, удобно помѣстившейся въ Бугскомъ лиманѣ и тѣмъ сконцентрировавшей

въ своей гавани всѣ продукты, сплавлявшіеся къ морю по Днѣпру и по Бугу. Изъ нея, какъ изъ естественнаго центра, двигались культурныя греческія вліянія и произведенія греческихъ мастерскихъ по обѣимъ названнымъ рѣкамъ, преимущественно по Днѣпру, гдѣ греческое вліяніе встрѣчалось со старой до-исторической культурой, о которой рѣчь была выше.

Сложнѣе было положеніе на берегахъ Керченскаго пролива. Старая культура здѣсь сосредоточилась, главнымъ образомъ, по теченію Кубани, дельтѣ которой—Таманскому полуострову (первоначально острову или, вѣрнѣе, многоостровію—полинезіи) естественно было бы сыграть роль Ольвіи на западѣ. Но дельта Кубани очень сложна, измѣнчива и мало пригодна для регулярнаго мореплаванія. Морской же берегъ Таманскаго полуострова не имѣетъ хорошихъ гаваней и потому не можетъ служить центромъ для всей торговли Азовскаго моря и впадающихъ въ него рѣкъ.

Болѣе удобнымъ для мореплаванія былъ европейскій берегъ Керченскаго пролива. Древній Пантнкапей (теперь Керчь) и въ древности и теперь являлся естественнымъ центромъ для остановки и перегрузки товаровъ, шедшихъ изъ Азовскаго моря далѣе по Черному морю. Портъ Ѳеодосія, съ другой стороны, былъ лучшимъ выходомъ къ морю для произведеній сѣверной и сѣверо-восточной части степного Крыма.

Естественно поэтому, что споръ за первенство долженъ былъ идти между таманской Фанагоріей, лучшимъ и наиболѣе удобнымъ портомъ дельты Кубани, Пантикапеемъ и Ѳеодосіей. Предрѣшенъ былъ онъ въ пользу Пантикапея тѣмъ, что основное значеніе для торговли съ Греціей имѣли не столько продукты Крыма и Кубани съ Таманью, сколько донская и азовская рыба, продукты скотоводства придонскихъ степей и тѣ продукты Урала, Сибири и Туркестана, а также

центральной Россіи, которые шли по большому восточному караванному пути и въ устьяхъ Дона впервые приходили въ соприкосновеніе съ средиземноморскимъ воднымъ путемъ. Возникшій естественнымъ образомъ у устья Дона Танаисъ, конечный пунктъ этого пути, не могъ играть рѣшающей и самостоятельной роли. Эта роль естественно принадлежала тому, кто будетъ владѣть Керченскимъ проливомъ и имѣть возможность выпускать или не выпускать товары, шедшіе изъ Азовскаго моря въ широкія воды Чернаго моря.

Изъ городовъ у Керченскаго пролива единственнымъ, соединявшимъ всѣ преимущества для владѣнія Керченскимъ проливомъ, былъ Пантикапей. Его положеніе у наиболѣе узкаго мѣста пролива, его спокойный широкій рейдъ, выдвинутый въ море укрѣпленный природой городской акрополь (нынѣ такъ называемая гора Миѳрадата), сравнительное богатство прѣсной водой не позволяли никому вступить съ нимъ въ успѣшную конкуренцію.

Третью менѣе значительную и менѣе важную группу греческихъ городовъ юга Россіи составляли греческія поселенія на южномъ и юго-западномъ берегу Крыма. Горный южный берегъ Крыма удобныхъ естественныхъ портовъ не имѣетъ, не имѣетъ ихъ и степное западное побережье Крыма. Зато исключительно удобны для мореплаванія мѣста около Севастопольской бухты какъ самъ Севастопольскій рейдъ, такъ и сосѣднія съ нимъ менѣе крупныя и менѣе защищенныя бухты, очень пригодныя, однако, для парусныхъ и гребныхъ судовъ. Этихъ гаваней греки не использовать не могли. Въ длинномъ и опасномъ плаваніи вдоль береговъ Крыма греческимъ судамъ необходимо было имѣть мѣсто для длительной и спокойной стоянки. Такъ возникъ Херсонесъ, первоначально, вѣроятно, какъ іонійская морская станція.

Надо, однако, принять во вниманіе, что эта станція могла и должна была пріобрѣсти и самостоятельное значеніе. Сюда, прежде всего, естественно направлялись всѣ продукты горнаго Крыма и связанныхъ съ нимъ долинъ. Къ Херсонесу естественно тянули и поселенія по западному степному берегу Крыма, прежде всего, расположенная около нынѣшнѣй Евпаторіи Керкинитида. Наконецъ, и самое главное, Севастополь и Крымъ всегда были связаны съ противулежащимъ южнымъ берегомъ Чернаго моря, съ его сѣтью цвѣтущихъ греческихъ колоній. Имѣть гавань въ Крыму для этихъ колоній было чрезвычайно важно, такъ какъ этимъ путемъ онѣ могли получить нужныя имъ произведенія степного Крыма, главнымъ образомъ, хлѣбъ, которымъ онѣ сами никогда особенно богаты не были.

Понятно поэтому, что одна изъ греческихъ колоній южнаго берега Чернаго моря—дорійская Гераклея, въ моментъ особенно пышнаго своего расцвѣта, завладѣваетъ іонійской стоянкой въ Крыму и посылаетъ туда свою колонію, превративъ этимъ незначительный раньше Херсонесъ въ крупный и сравнительно цвѣтущій городъ, судьбы котораго тѣсно связываются съ судьбами всего остальнаго греческаго міра на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря.

Изъ трехъ намѣченныхъ выше комплексовъ греческихъ поселеній наибольшее значеніе, наиболѣе богатое развитіе и наиболѣе крупную историко-культурную миссію получила, какъ это и естественно, группа греческихъ городовъ у Керченскаго пролива, который греки называли Боспоромъ Киммерійскимъ, группа, которую мы будемъ называть Боспорской и которая подъ этимъ именемъ была извѣстна и грекамъ. Тирасъ и Ольвія всегда были и остались изолированными передовыми постами греческаго міра, окруженными со всѣхъ сторонъ моремъ чуждыхъ имъ, многочисленныхъ и по-

стоянно питавшихся извнѣ новымъ притокомъ сил племенъ. Создать здѣсь прочную обособленную элл низованную греческую державу греческому міру был не по силамъ. Правда, Ольвія оказала могучее кул турное вліяніе на ближайшее къ ней населеніе. Низовь Днѣпра и Буга покрылись рядомъ небольшихъ земле дѣльческихъ и торговыхъ укрѣпленныхъ поселеній населенныхъ полугреческими жителями. Ближайшія къ Ольвіи мѣстности занялись интенсивнымъ земледѣліемъ. Торговля Ольвіи шла далеко на сѣверъ. Не говоря уже о томъ, что греческіе продукты насытили собой цвѣтущее среднее Приднѣпровье и Полтавщину, вліяніе этихъ продуктовъ сказывается вплоть до далекаго Прикамья и, можетъ быть, даже Западной Сибири и Алтая.

Но ея значеніе и дѣятельность всегда зависѣли вполнѣ отъ ея сосѣдей. Пока существовало сильное скиѳское царство, зависимая отъ него Ольвія могла свободно развиваться, обогащая и себя, и скиѳовъ. Особенно блестящимъ ея періодомъ былъ VI в. до Р. Хр., когда Ольвія непосредственно передавала, подъ защитой скиѳовъ, продукты сѣвера своей мало-азійской родинѣ, и IV в. до Р. Хр., когда она освободилась отъ опеки и торговаго гнета аѳинской морской державы и вновь вошла въ связь съ матерью своей—возрождавшимся Милетомъ. Скиѳское царство въ это время было еще достаточно прочно, чтобы обезпечить Ольвіи относительные спокойствіе и миръ.

Труднѣе стало положеніе въ III в., когда разваливавшаяся скиѳская держава требовала все большихъ и большихъ жертвъ отъ Ольвіи, не имѣя возможности оберечь ее отъ западныхъ и восточныхъ пришельцевъ, разрушавшихъ скиѳское государство: ѳракійцевъ, кельтовъ, сарматовъ. Объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ намъ большая ольвійская надпись въ честь Протогена,

виднаго ольвійскаго гражданина, богатаго купца, арматера и экспортера, какъ всѣ видные граждане Ольвіи того времени, не разъ выручавшаго Ольвію изъ трудныхъ положеній, связанныхъ съ требованіями ея сюзерена и подступавшихъ къ стѣнамъ Ольвіи бродячихъ хищниковъ. Помогалъ онъ Ольвіи и въ дѣлѣ ея защиты, сооружая на свой счетъ башни и части оборонительной стѣны, выручалъ ее и въ продовольственныхъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ постояннымъ опустошеніемъ питавшихъ Ольвію хлѣбомъ мѣстностей.

Въ иномъ положеніи были греческія колоніи на берегахъ Керченскаго пролива. Напомню, прежде всего, что онѣ нашли здѣсь не варварское, а сравнительно культурное населеніе, со времени II тысячелѣтія стоявшее подъ сильнѣйшимъ культурнымъ вліяніемъ Востока. На это населеніе наслоились киммерійцы. Изъ сліянія этихъ двухъ элементовъ создались населявшія Тамань и Пріазовье, а также, по всей вѣроятности, и противолежащій берегъ Крыма, племена синдовъ, мэотовъ, савроматовъ, сатархеевъ, по всей вѣроятности и тавровъ, населявшихъ горную часть Крыма, куда они, вытѣснены были скиѳами, владѣвшими степнымъ Крымомъ, и др.

Эти племена, хотя и были, какъ мы видѣли, подвластны скиѳамъ, тѣмъ не менѣе пользовались въ скиѳской державѣ сравнительной самостоятельностью, все увеличивавшейся, по мѣрѣ того какъ центръ вниманія скиѳовъ переносился все болѣе и болѣе на западъ и главныя ихъ усилія сосредоточились на борьбѣ съ ѳракійцами Балканскаго полуострова.

Они издавна имѣли прочный осѣдлый укладъ, стояли въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ со своими южными и восточными сосѣдями и жили сравнительно развитою экономическою жизнью земледѣльцевъ, скотоводовъ и рыболововъ.

Греческія колоніи сразу нашли въ нихъ готовыхъ кліентовъ для своихъ товаровъ и посредниковъ въ сношеніяхъ съ югомъ и востокомъ. Въ нихъ же они легко могли найти поддержку въ отстаиваніи своей самостоятельности противъ скиѳовъ. Плавни и болота Тамани и Азовскаго моря были надежной защитой для богатѣйшей Кубанской дельты.

Естественно, что время политическаго подъема Тамани было и временемъ крупнаго расцвѣта греческихъ колоній на берегахъ Керченскаго пролива и интенсивнаго ихъ вліянія на сосѣднія племена. Некрополь Пантикапея, его первые обильные чеканы серебряной монеты показываютъ, что конецъ VI-го и начало V вѣка до Р. Хр. были эпохой высокаго подъема этого города, большого его экономическаго и культурнаго расцвѣта. На мѣстѣ стараго негреческаго поселенія, можетъ быть, связаннаго съ побережьемъ Кавказа и спеціально съ Колхидой (имя Пантикапея—не греческое; греческое, вѣроятно, очень древнее преданіе связываетъ его происхожденіе съ древнѣйшей династіей колхидскихъ царей), возникаетъ настоящій греческій городъ и около него рядъ другихъ болѣе мелкихъ поселеній. То же мы видимъ и на Тамани, гдѣ находки древней іонійской греческой посуды не являются рѣдкостью и древнѣйшими погребеніями некрополей отдѣльныхъ городовъ являются погребенія VI-го и начала V вѣка.

Рѣшающимъ моментомъ въ исторіи боспорскихъ греческихъ колоній и спеціально Пантикапея была побѣда Аѳинъ надъ персами и появившійся въ это время большой интересъ Аѳинъ къ с.-в. побережью Средиземнаго моря, къ Ѳракіи и, особенно, къ побережью Чернаго моря. Главнымъ стимуломъ было обезпечить свою все крѣпшую и развивавшуюся промышленность сырьемъ и свое все возраставшее населеніе хлѣбомъ, производство котораго было, какъ мы видѣли, искон-

нымъ и въ долинѣ Днѣпра и Буга, и по теченію Кубани, и естественно захватывало на югѣ Россіи, по мѣрѣ роста спроса, все бóльшія пространства.

Тяга Аѳинъ къ новымъ мѣстамъ Причерноморья естественна и понятна. На крупнѣйшемъ хлѣбномъ рынкѣ Эллады—въ Италіи и Сициліи—Аѳины встрѣчали серьезную конкуренцію дорянъ вообще и въ частности Спарты и отнюдь не были хозяевами этого рынка. Богатый хлѣбомъ Египетъ былъ въ рукахъ Персовъ и не могъ быть вырванъ у нихъ Аѳинами даже послѣ неудачи персидскихъ походовъ на Грецію. Оставался сѣверъ, связь съ которымъ была монополіей іонійскихъ грековъ Малой Азіи, на торговые пути и дѣловыя связи которыхъ претендовали теперь, послѣ персидскихъ войнъ, освободившія, но и разорившія ихъ Аѳины.

Созданіе Аѳинами большой морской мощи, захватъ въ свои руки проливовъ и важныхъ торговыхъ пунктовъ на ѳракійскомъ побережьѣ поставили все Причерноморье—и южное, и сѣверное—въ полную и непосредственную зависимость отъ Аѳинъ и позволили Аѳинамъ, безъ сопротивленія съ чьей бы то ни было стороны, сдѣлать рядъ шаговъ для укрѣпленія и упроченія этой зависимости.

Въ числѣ этихъ рѣшительныхъ шаговъ наиболѣе серьезнымъ было занятіе Аѳинами и заселеніе своими вооруженными колонистами ряда важнѣйшихъ пунктовъ на южномъ берегу Чернаго моря. То же они сдѣлали и на сѣверномъ.

Не имѣя, вѣроятно, возможности занять сильный и находившійся подъ покровительствомъ скиѳовъ Пантикапей, они захватили сосѣдній Нимфей, обладавшій прекрасною гаванью и связанный съ рядомъ сосѣднихъ скиѳскихъ и нескиѳскихъ племенъ Крыма. Этотъ второстепенный городъ они превратили въ крупную торговую гавань и въ важный центръ обмѣна, создавъ этимъ

сильную конкуренцію Пантикапею. Объ его полной торговой самостоятельности говоритъ его превосходное, художественное серебро, чеканившееся имъ въ это время.

О большомъ культурномъ расцвѣтѣ Нимфея въ это время, о его широкихъ торговыхъ связяхъ и о близкихъ сношеніяхъ съ сосѣдними племенами свидѣтельствуетъ богатый и обширный некрополь города, наиболѣе богатыя погребенія котораго относятся какъ разъ къ V в. до Р. Хр. Характерно, что, наряду съ чисто греческими погребеніями нимфейскаго некрополя, мы имѣемъ рядъ кургановъ съ погребеніями негреческими или полугреческими, т. е. съ погребеніями главарей сосѣднихъ племенъ, которыхъ притягивали къ Нимфею его культурное вліяніе и постоянныя торговыя связи. Составъ вещей наиболѣе богатыхъ нимфейскихъ погребеній очень типиченъ. Наряду съ вещами, ввезенными изъ Аѳинъ, мы находимъ и рядъ продуктовъ другихъ мастерскихъ, напримѣръ, превосходныя самосскія бронзы, чудесныя произведенія знаменитыхъ самосскихъ литейщиковъ VI и V вв. до Р. Хр.

Интересно отмѣтить, что, кромѣ Нимфея, Аѳины, вѣроятно, создали на крымскомъ побережьѣ Керченскаго пролива и другія поселенія. Однимъ изъ нихъ, какъ показываетъ имя, могъ быть городъ или поселокъ Аѳинеонъ—конкурентъ іонійской Ѳеодосіи, какъ Нимфей былъ конкурентомъ Пантикапея.

Твердой ногой стали Аѳины и на Тамани въ землѣ культурнѣйшаго изъ таманскихъ племенъ—синдовъ. И здѣсь они создали свой городской центръ—Стратоклею, вѣроятно, не новое основаніе, а переименованіе и заселеніе своими колонистами одного изъ старыхъ поселеній Тамани. Имъ, можетъ быть, синды обязаны своимъ государственнымъ объединеніемъ и той греческой физіономіей, которую это объединеніе приняло, если и это не случилось еще ранѣе въ результатѣ заселенія таман-

скаго побережья греческими колоніями. Объ этомъ свидѣтельствуетъ необычайно тонкій художественный чеканъ серебра новаго государства съ головою коня на одной сторонѣ, именемъ племени и фигурой аѳинской совы на оборотѣ.

Начавшееся уже раньше сильное культурное вліяніе грековъ на мѣстныя племена (отмѣчу, напримѣръ, одно мѣстное погребеніе, содержавшее прекрасную родосскую вазу начала VI в. до Р. Хр.) сказывается въ это время съ особою яркостью. Въ группѣ такъ называемыхъ Семибратнихъ кургановъ въ дельтѣ Кубани около ст. Крымской мы находимъ нѣсколько погребеній V в. до Р. Хр., инвентарь которыхъ поразительно напоминаетъ инвентарь только что упомянутыхъ нимфейскихъ кургановъ. И здѣсь, рядомъ съ вещами несомнѣннаго аѳинскаго происхожденія, мы находимъ превосходныя произведенія мало-азійскихъ мастерскихъ.

Каковы были въ это время отношенія между Аѳинами и Пантикапеемъ, мы не знаемъ. Того расцвѣта, который мы находимъ въ Нимфеѣ и въ землѣ синдовъ въ V в. до Р. Хр., мы въ Пантикапеѣ не наблюдаемъ. Нѣтъ и слѣдовъ зависимости Пантикапея отъ Аѳинъ. Характерно, однако, что какъ разъ на это время падаетъ крупный политическій переворотъ въ Пантикапеѣ. Власть, находившаяся до этого времени въ рукахъ нѣсколькихъ руководящихъ родовъ, можетъ быть, потомковъ древнихъ основателей колоніи—главарей (анактовъ) переселявшихся милетцевъ, которыхъ наше преданіе называетъ, вѣроятно, придуманнымъ именемъ Археанактидовъ (потомки древнихъ анактовъ), попадаетъ теперь въ руки одного тиранна, носящаго ѳракійское имя Спартока (въ 438—7 г. до Р. Хр.). Ѳракійское имя Спартока не предполагаетъ непремѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ ѳракійцемъ-выходцемъ съ Балканскаго полуострова, съ командиромъ наемной ѳракій-

ской дружины, какъ это обычно предполагаютъ. Я уже указывалъ, какъ сильны были ѳракійскіе элементы въ древнѣйшемъ населеніи Боспора, Тамани и Пріазовья. Можно поэтому думать, что Спартокъ принадлежалъ къ мѣстному богатому огречившемуся роду, вошедшему въ составъ державныхъ родовъ Пантикапея. При этомъ предположеніи понятно, почему Спартоку и его потомкамъ удалось прочно обосновать свою власть въ Пантикапеѣ, объединивъ около нея и грековъ, и мѣстное туземное населеніе.

Появленіе въ Пантикапеѣ сильной единой власти въ рукахъ энергичнаго и талантливаго ея носителя было рѣшающимъ моментомъ въ исторіи восточныхъ греческихъ причерноморскихъ колоній. Оно создавало здѣсь серьезную и рѣшающую силу, которая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла сдѣлаться естественнымъ центромъ для объединенія около нея всѣхъ грековъ Боспора и Пріазовья, безъ какового греки и здѣсь, какъ и въ Ольвіи, неминуемо были бы только орудіемъ въ рукахъ господствующаго скиѳскаго племени.

Врядъ ли боспорская тираннія появилась съ согласія и при содѣйствіи Аѳинъ, скорѣе создалась она въ противовѣсъ ихъ вліянію. Надо думать, что ея появленіе было одной изъ тѣхъ причинъ, которыя вызвали, черезъ три года послѣ ея созданія, посылку Аѳинами въ 435—4 г. до Р. Хр. большой морской экспедиціи подъ командой Перикла въ Черное море. Эта вооруженная демонстрація имѣла конечною цѣлью произвести впечатлѣніе какъ на черноморскихъ эллиновъ, такъ и на скиѳовъ, показавъ имъ силу Аѳинъ и заставивъ ихъ принять безпрекословно условія взаимоотношеній, продиктованныя Аѳинами.

Однимъ изъ объектовъ аѳинской морской демонстраціи былъ, несомнѣнно, Пантикапей, роль котораго въ морской торговлѣ Чернаго моря не могла не быть

ясной для Аѳинъ и усиленіе котораго вопреки желанію Аѳинъ, усиленіе, которому Аѳины врядъ ли могли помѣшать безъ дальнѣйшаго напряженія силъ, было для нихъ грозной опасностью. Какъ союзникъ и кліентъ, Пантикапей, однако, могъ быть превосходной опорой для аѳинской торговой политики, опорой, которую не могли дать Аѳинамъ ихъ, по необходимости, слабыя колоніи въ Нимфеѣ и Стратоклеѣ. Вспомнимъ, что Аѳины стояли передъ серьезными осложненіями въ Греціи и что Боспоръ находился за сотни верстъ отъ базы аѳинской мощи.

Компенсаціей для Боспора за эту поддержку торговыхъ интересовъ Аѳинъ естественно было покровительство Аѳинъ только что народившейся пантикапейской тиранніи, чувствовавшей себя еще далеко не прочной (рядъ изгнанниковъ изъ Пантикапея сидѣлъ рядомъ въ Ѳеодосіи и при первомъ удобномъ случаѣ готовъ былъ вернуться), а также помощь, въ случаѣ возможнаго, хотя и маловѣроятнаго, рѣзкаго столкновенія со скиѳами. Таковы могли быть, и, вѣроятно, были, условія, поставленныя Аѳинами Спартоку во время экспедиціи Перикла въ Черное море.

На эти условія Спартокъ не могъ не пойти, и въ результатѣ между Аѳинами и боспорской тиранніей завязались тѣ постоянныя и прочныя отношенія, которыя опредѣлили собой послѣдующія судьбы греческой колоніи на берегахъ Боспора. Пантикапей временно сдѣлался кліентомъ и торговымъ агентомъ Аѳинъ въ Черномъ морѣ, онъ долженъ былъ гарантировать Аѳинамъ неограниченное право вывоза хлѣба изъ Пантикапея и вынужденъ былъ согласиться на ограниченіе своего права свободной торговли хлѣбомъ: безъ разрѣшенія Аѳинъ Пантикапей не могъ выпустить ни зерна черноморскаго хлѣба въ другіе порты Греціи.

Но, благодаря поддержкѣ Аѳинъ, династія Спартока удержалась на Боспорѣ и начала рядъ послѣдователь-

ныхъ дѣйствій для сплоченія своей державы и развитія своей экономической и политической мощи. Основными задачами Боспорской державы, послѣдовательно проводимыми и преемникомъ Спартока Сатиромъ I (433/2—389/8 до Р. Хр.), и сыномъ послѣдняго Левкономъ I (389/8—349/8 до Р. Хр.), и дѣтьми и преемниками Левкона Спартокомъ II (349/8—344/3 до Р. Хр.), и Перисадомъ I (349/8—310/9 до Р. Хр.), были: упроченіе своей мощи на европейскомъ и азіатскомъ берегу Керченскаго пролива, дальнѣйшее укрѣпленіе своей независимости по отношенію къ скиѳамъ и постепенная эмансипація отъ давленія со стороны Аѳинъ, при сохраненіи, однако, близкихъ и дружественныхъ отношеній съ этой могущественной державой, продолжавшей, несмотря на военныя неудачи въ борьбѣ со Спартой и неуспѣхъ ея великодержавной политики, быть рѣшающей морской силой въ Эгейскомъ морѣ.

Первой задачей, которая встала уже передъ преемникомъ Спартока Сатиромъ, было упроченіе всей торговли и, главнымъ образомъ, торговли хлѣбомъ въ рукахъ Боспора. Вопросъ шелъ не столько о хлѣбѣ Тамани и собственной территоріи Пантикапея, сколько о хлѣбѣ сѣвернаго степного Крыма, естественной экспортной гаванью для котораго была Ѳеодосія. На этотъ хлѣбъ претендовали не только Аѳины съ ихъ контрагентомъ Пантикапеемъ, онъ нуженъ былъ, какъ мы видѣли, и городамъ южнаго побережья Чернаго моря, главнымъ образомъ, все возраставшей Гераклеѣ, уже ставшей прочной ногой въ Херсонесѣ и пытавшейся пріобрѣсти первенствующее вліяніе и въ Ѳеодосіи. Результатомъ этого соперничества была война Боспора и Гераклеи изъ за Ѳеодосіи, начавшаяся при Сатирѣ и законченная Левкономъ присоединеніемъ Ѳеодосіи къ составу Боспорской державы.

Одновременно Сатиру, а затѣмъ и Левкону удалось,

воспользовавшись пораженіемъ Аѳинъ въ Пелопонесской войнѣ, ввести свои отношенія съ Аѳинами въ новое русло. Путемъ подкупа Сатиръ понудилъ сдать ему аѳинскую укрѣпленную колонію въ Нимфеѣ, а затѣмъ ему и Левкону удалось настоять передъ Аѳинами на правѣ свободной торговли хлѣбомъ Боспора не только съ Аѳинами, но и съ другими греческими городами, гарантировавъ, правда, Аѳинамъ особыя и очень цѣнныя привилегіи.

Труднѣе разобраться въ отношеніяхъ боспорскихъ династовъ къ городамъ и народамъ Тамани. Весьма вѣроятно, что главный торговый центръ Тамани—Фанагорія не входила въ составъ боспорской державы. Но она окружена была рядомъ подвластныхъ Боспору племенъ Тамани и, конечно, вполнѣ самостоятельной не была. Не даромъ же самостоятельнаго обильнаго чекана монетъ мы въ Фанагоріи въ IV—III в. до Р. Хр. не находимъ и основной монетной единицей и на Тамани являются пантикапейскія золото, серебро и мѣдь.

Очень труденъ вопросъ объ отношеніяхъ Боспора къ мѣстнымъ племенамъ, населявшимъ Тамань. Синды, какъ мы видѣли, уже въ эпоху господства Аѳинъ были сильно эллинизованы и имѣли извѣстную самостоятельность. Рядъ отдѣльныхъ указаній позволяетъ думать, что они съ древнѣйшихъ временъ тянули къ одному городскому центру съ греческимъ и мѣстнымъ населеніемъ (сначала Синдскій портъ, затѣмъ Горгиппія—теперь Анапа) и находились подъ управленіемъ своихъ мѣстныхъ династовъ, такихъ же полу-ѳракійцевъ, полугрековъ, какъ и боспорскіе тиранны, можетъ быть, даже родственныхъ этимъ послѣднимъ. При Левконѣ синды составляютъ часть его державы, т. е. признаютъ его своимъ царемъ, наравнѣ съ другими сосѣдними племенами, кругъ которыхъ при преемникахъ Левкона все расширяется. Значило ли это, что и управлялись эти

племена изъ Пантикапея, или надо думать, что боспорскій династъ былъ ихъ сюзереномъ, во главѣ же каждаго отдѣльнаго племени стояли свои мѣстные правители, н вполнѣ ясно. Второе, однако, болѣе вѣроятно. Рядъ указаній говоритъ намъ, что у синдовъ, параллельно съ боспорскими владыками, была своя полу-греческая династія

Еще меньше данныхъ имѣемъ мы для уясненія себѣ отношенія скиѳовъ къ народившейся весьма непріятной для нихъ державѣ. Скиѳы, однако, несомнѣнно, своихъ притязаній на сюзеренитетъ надъ Пантикапеемъ не оставили. Подтвержденіемъ этому можетъ служить свидѣтельство объ ожесточенной борьбѣ съ ними Перисада I.

Со времени основаніи тиранніи на Боспорѣ до конца правленія Перисада I прошло болѣе столѣтія. Владычество династіи Спартокидовъ надъ Боспоромъ принесло свои плоды. Боспоръ превратился въ сильную и довольно прочную державу, развившую огромную торговлю съ Греціей, преимущественно съ Аѳинами. Главнымъ предметомъ вывоза былъ хлѣбъ, во всякомъ случаѣ, о немъ мы слышимъ болѣе всего. Но не малое значеніе имѣли и продукты Азовскаго моря—его рыба, скотъ и рабы изъ Донской области, пушнина и товары, шедшіе съ далекаго Востока къ устью Дона, гдѣ возникло, какъ сказано было выше, крупное торговое поселеніе — Танаисъ, также зависимое отъ Боспора.

Нѣсколько ослабляли экономическій ростъ и матеріальный расцвѣтъ Боспора только тѣ спутанныя политическія отношенія, которыя царили въ Элладѣ послѣ паденія гегемоніи Аѳинъ: постоянныя войны, подрывавшія морскую торговлю и превращавшіяся постепенно въ анархическое и безпорядочное столкновеніе между собою руководящихъ силъ Эллады, царившая въ отдѣльныхъ эллинскихъ государствахъ внутренняя неразбериха и разлагающее вліяніе на греческую жизнь Персіи съ ея могучими матеріальными рессурсами.

Въ концѣ этого періода положеніе, однако, мѣняется. Ростъ Македоніи и завоеванія Александра создаютъ великій міръ эллинизма. Война всѣхъ противъ всѣхъ временно прекращается, наступаетъ относительный порядокъ. Но для хлѣбной торговли Пантикапея этотъ плюсъ покрывается связаннымъ съ нимъ минусомъ: открывшійся для міровой торговли Египетъ и богатыя хлѣбомъ мѣстности въ М. Азіи выступаютъ его конкурентами и конкурентами очень сильными. Надо, однако, принять во вниманіе, что, если повысилось предложеніе, то повышается и спросъ, благодаря росту и развитію городской жизни по всему лицу эллинистическаго міра.

Во всякомъ случаѣ, IV в. до Р. Хр. является благословеннымъ временемъ для эллинства на Черномъ морѣ. Безопасность на морѣ, поддерживаемая сильнымъ боспорскимъ флотомъ, обезпеченность сбыта, свобода торговли создаютъ высокій подъемъ матеріальной обезпеченности для всѣхъ греческихъ городовъ юга Россіи, не только на пространствѣ Боспора, но и внѣ его. Для Ольвіи и Херсонеса IV в. до Р. Хр. такое же блестящее время, какъ и для Боспора.

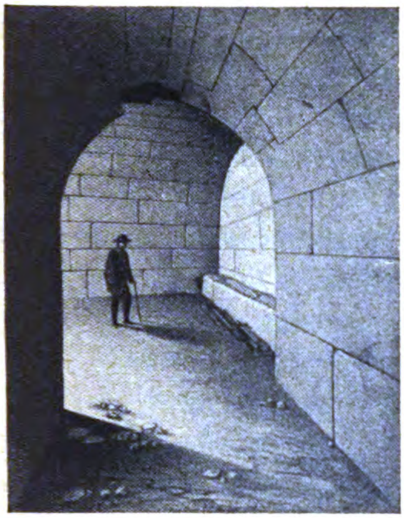
Греческіе города обстраиваются, вырастаютъ въ нихъ храмы и портики, кое гдѣ появляются театры; площади и храмы украшаются статуями, иногда первоклассныхъ греческихъ мастеровъ. Въ обиходѣ появляется масса привозныхъ греческихъ вещей лучшаго качества. Въ самихъ городахъ успѣшно работаютъ греческія мастерскія, обслуживая, главнымъ образомъ, внѣшній рынокъ. Въ наиболѣе крупныхъ центрахъ появляются свои писатели и ученые, историки, риторы, философы, поэты, собираются мѣстные миѳы, фиксируется мѣстное историческое преданіе. На Боспорѣ, какъ увидимъ ниже, создается и своя цвѣтущая школа торевтовъ. Все это ярко отражается, прежде всего, на некрополѣ.

Въ могилу съ покойникомъ никогда не клали такого количества дорогихъ, иногда художественныхъ вещей, какъ теперь. Особенно роскошенъ инвентарь погребеній богатыхъ людей, мѣстной аристократіи. Ихъ величественные каменные склепы подъ высокими курганами наполнены рѣдкимъ подборомъ дорогихъ и художественныхъ вещей: лучшая греческая краснофигурная и многоцвѣтная керамика аттическихъ мастерскихъ (см. табл. XII, 1), восточно-греческое пестрое стекло, превосходный наборъ греческихъ, спеціально, малоазійскихъ ювелирныхъ вещей, геммы и рѣзные камни съ именами прославленныхъ мастеровъ, тончайшія ожерелья поразительной техники, роскошныя серьги, браслеты, діадемы (см. табл. XII, 2, 3 и 4). Чудесами токарной техники являются саркофаги, въ которыхъ покоились бренные остатки пантикапейскихъ и таманскихъ вельможъ и ихъ женъ. Превосходная токарная работа, оживленная живописью и инкрустаціей изъ стекла, кости и камней, дѣлаетъ эти саркофаги единственными въ своемъ родѣ памятниками художественной промышленности.

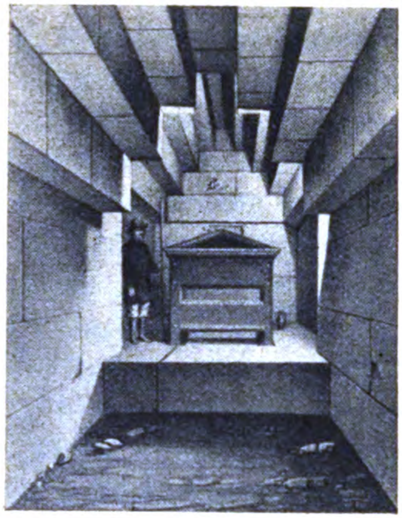
Сами склепы не уступаютъ инвентарю погребеній по гармоніи частей, широтѣ строительнаго размаха и высотѣ строительной техники (см. табл. XI, 1, 2 и 3). Это обширныя, иногда двойныя, высокія комнаты, сложенныя изъ монументальныхъ плитъ, съ длинными ведущими въ нихъ коридорами, эффектно покрытыя стрѣльчато уступчатыми, купольно-уступчатыми или коробовыми полуцилиндрическими сводами. На Тамани нѣкоторые склепы внутри отштукатурены и расписаны въ той же манерѣ, въ которой расписывались стѣны храмовъ и общественныхъ зданій, въ Пантикапеѣ роспись замѣнялась, вѣроятно, закрывавшими стѣны склепа пологами и коврами.

Врядъ ли въ манерѣ покрывать склепы уступчатыми сводами надо видѣть сознательно поддерживаемый ар-

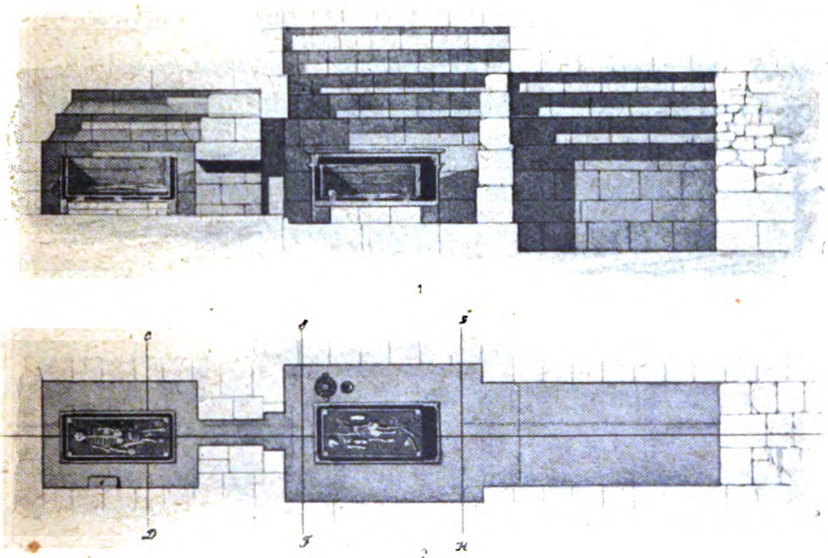
1.

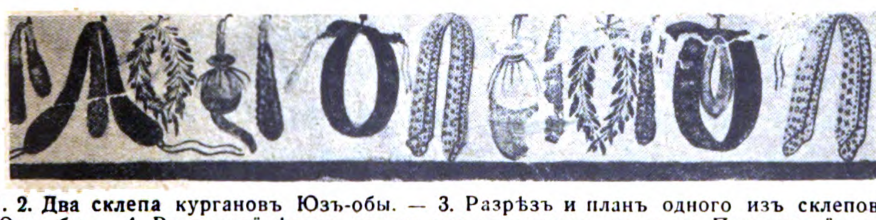
2.

3.

4.

1. 2. Два склепа кургановъ Юзъ-обы. — 3. Разрѣзъ и планъ одного изъ склеповъ Юзъ-обы. — 4. Расписной фризъ одного изъ греческихъ склеповъ Пантикапейскаго некрополя.

хаизмъ, сохраненіе старой традиціи эгейскихъ, микенскихъ и мало-азійскихъ гробницъ. Архитекторами, строившими ихъ, руководили, думается мнѣ, другія соображенія— эстетическія и техническія. Эстетическое впечатлѣніе этихъ уступчатыхъ сводовъ поразительно, гораздо сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе, оставляемое коробовыми сводами, непремѣнно требующими росписи или штукатурной лѣпки, скомбинированной съ росписью. Технически же уступчатый сводъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ подкурганнаго сооруженія съ давящей на покрытіе колоссальной массой земли. Не случайность, что наиболѣе монументальные склепы Боспора дошли до насъ въ полной сохранности. Разрушены только тѣ, которые повреждены были грабителями и растасканы современными вандалами послѣ открытія ихъ археологами.

Не менѣе показательны, однако, и гробницы рядовыя, обыкновенныя: земляныя ямы, крытыя досками, плитами или черепицами, стѣнки которыхъ иногда обложены черепицами, плитами или сырцовымъ кирпичемъ,—гробницы рядового гражданства Пантикапея и его сосѣдей, а также греческихъ городовъ Тамани. Удержавшійся на Боспорѣ обрядъ трупоположенія, только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣнявшійся трупосожженіемъ, даетъ возможность судитъ о бытѣ и достаткѣ массы боспорскаго гражданства. Впечатлѣніе получается очень поучительное.

Обрядъ погребенія и инвентарь чисто греческіе. Господствуетъ, въ качествѣ погребальнаго реквизита, обычный для эллина подборъ вещей, свидѣтельствующій о роли, которую играла въ его жизни палестра и связанный съ нею образъ жизни. Первое мѣсто занимаютъ сосуды для масла, которымъ натирали тѣло, и стригили, которыми счищали съ тѣла песокъ палестры и масло. Эти предметы, прежде всего, нужны были боспорскому греку и за гробомъ, гдѣ онъ долженъ былъ продолжать

земную жизнь, жизнь эллина палестрита (см. табл. XI, 4—фризъ росписного пантикапейскаго склепа IV в. до Р. Хр. съ изображеніемъ погребально-палестрическаго инвентаря: стригили, лекиѳы, арибаллы, полотенца, діадемы, повязки, вѣнки).

Гораздо рѣже въ гробницахъ этого времени оружіе. Характерно, что оружія меньше всего въ гробницахъ пантикапейскаго некрополя, значительно больше на периферіи Боспора и въ некрополяхъ таманскихъ греческихъ городовъ. Въ женскихъ гробницахъ много ювелирныхъ вещей. Сосуды всѣ ввозные хорошихъ аттическихъ фабрикъ, попадаются иногда и сосуды лучшихъ мастеровъ, иногда подписные. Нерѣдко такъ называемое финикійское цвѣтное стекло. Все говоритъ о довольствѣ населенія и о его чисто греческомъ обликѣ. То же подтверждаютъ и, правда, рѣдкія превосходныя надгробныя стелы боспорцевъ и ихъ надгробныя надписи. Та-же приблизительно картина повторяется и въ Ольвіи, и въ Херсонесѣ; отсутствуютъ въ этихъ болѣе демократическихъ городахъ только монументальныя курганныя погребенія, хотя нѣкоторыя аналогіи имъ, по крайней мѣрѣ, въ Ольвіи имѣются.

Со смертью Перисада I въ Пантикапеѣ начинаются смутныя и тревожныя времена. Немедленно послѣ смерти Перисада началась междоусобная война между тремя сыновьями Перисада, изъ которой побѣдителемъ вышелъ Евмелъ. Законная власть принадлежала Сатиру II, старшему брату Евмела. Противъ него Евмелъ поднялъ таманское племя ѳатеевъ. Сатира поддержало наемное войско изъ грековъ и ѳракійцевъ, т. е. обычная боспорская армія, и скиѳы. Побѣда досталась Евмелу, который сломилъ и сопротивленіе третьяго брата Пританиса. Какъ узурпаторъ, Евмелъ принужденъ былъ сдѣлать гражданству Пантикапея большія уступки. Надо думать, что при немъ впервые появляется пантикапей-

1.

2.

3.

4.

1. Расписной сосудъ изъ одного изъ погребеній Фанагоріи. — 2. Золотое ожерелье греческаго погребенія Тамани.—3. Золотая серьга, оттуда же.—4. Браслетъ оттуда же.

ская гражданская армія; до этого времени боспорскіе тиранны опираются исключительно на наемниковъ.

Краткое правленіе Евмела смѣнилось правленіемъ Спартока III (304/3—284/3 до Р. Хр.) и Перисада II (284/3 приблизительно до 252 г. до Р. Хр.). Правленія этихъ династовъ, продолжавшихъ въ общемъ старую политику Спартокидовъ, не были еще временемъ упадка Боспора. Экономическія условія оставались тѣ-же, торговля развивалась и Пантикапей богатѣлъ. Ближайшимъ контрагентомъ Боспора продолжаютъ быть Аѳины, заключающія въ это время настоящій союзный договоръ съ Боспоромъ, своимъ бывшимъ вассаломъ и агентомъ по закупкѣ хлѣба, что̀ свидѣтельствуетъ какъ объ упадкѣ Аѳинъ въ эту эпоху слагавшихся крупныхъ эллинистическихъ монархій, такъ и о ростѣ значенія Боспора. Но, наряду съ Аѳинами, цари Боспора этого и слѣдующаго періода, имѣютъ дѣло и съ могучимъ Родосомъ, и съ Делосомъ, и съ Дельфами, выступая совершенно въ роли остальныхъ, правда второстепенныхъ, эллинистическихъ монарховъ.

Не падаетъ и благосостояніе гражданъ. Гробницы этого періода не бѣднѣе, хотя и менѣе многочисленны гробницъ болѣе раннихъ.

Интенсивною жизнью живутъ въ это время, какъ было указано выше, боспорскія мастерскія, изготовлявшія вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ для скиѳскаго рынка. Мы видѣли, какъ ихъ произведенія заполняютъ богатыя скиѳскія погребенія этого періода. Правда, высота ихъ художественныхъ достиженій постепенно понижается: золотая монета Боспора IV в. до Р. Хр., смѣнившая іонійское серебро VI и V вв., съ ея поразительными головами сатировъ и силеновъ, одно изъ лучшихъ созданій античной глиптики (см. табл. XII, 5, 6 и 7), смѣняется теперь довольно дюжиннымъ эл-

линистическимъ серебромъ, шаблоннымъ, хотя и не второсортнымъ (табл. XII, 9).

Вся вторая половина III в. до Р. Хр. наполнена на Боспорѣ длиннымъ рядомъ династическихъ и политическихъ смутъ, отъ которыхъ до насъ дошли только смутные отголоски. Во главѣ государства временно появляются не Спартокиды: архонтъ Гигіенонтъ, можетъ быть, ставленникъ пантикапейскаго гражданства, и какой то царь Акесъ, по всей видимости, глава одного изъ скиѳскихъ или мэотскихъ племенъ, претендовавшихъ на руководство жизнью Боспора.

Еще болѣе смутно преданіе о послѣднихъ годахъ самостоятельнаго существованія Боспора, о первыхъ трехъ четвертяхъ II в. до Р. Хр. Появляется рядъ династовъ, которыхъ мы знаемъ только по монетамъ и надписямъ; всѣ они носятъ ѳракійское имя Перисада. Весьма вѣроятно, что это послѣдніе отпрыски дома Спартока. Ихъ монеты, какъ и монеты Гигіенонта, являются рабской копіей, и притомъ довольно плохой, съ золотыхъ статеровъ Лисимаха, полководца Александра, основателя недолговѣчнаго ѳракійскаго царства (см. табл. XII, 8). Общій обликъ этихъ царей — обликъ второстепенныхъ эллинистическихъ монарховъ; второстепенные цари, вродѣ царей Виѳиніи, Понта или Арменіи, но рангомъ пониже. При ихъ дворѣ и въ ихъ политикѣ, какъ и во всемъ мірѣ эллинизма того времени, крупную роль играютъ мѣстные подданные этихъ царей — скиѳы и мэоты, по мѣрѣ эллинизаціи все болѣе и болѣе насыщающіе собой когда то чисто греческое гражданство городовъ Боспорскаго царства.

Династія Спартокидовъ доживала свои послѣдніе дни. Но она продолжала исполнять свою традиціонную миссію, снабжая хлѣбомъ и сырьемъ эллинскій міръ. Поэтому матеріальное благосостояніе Боспора, хотя и падаетъ, но все-таки держится на общемъ уровнѣ полу-

Продолж. табл. XII.

5.

6.

7.

8.

9.

5. 6. 7. Золотые пантикапейскіе статеры IV в. до Р. Хр. 8. Золотой статеръ Перисада III в. до Р. Хр. 9. Серебряная дидрахма III в. до Р. Хр.

греческихъ эллинистическихъ державъ того времени, далеко уступая, конечно, такимъ державамъ, какъ культурное Пергамское царство и не имѣя возможности выдержать политическаго соперничества не только со своими Черноморскими vis-à-vis—Виѳиніей и все крѣпнущимъ Понтомъ, но даже со своими ближайшими сосѣдями—крымскими скиѳами.

Исторія Крыма II в. до Р. Хр. стоитъ подъ знакомъ возрожденія мощи старой скиѳской державы. Конечно, о возвращеніи этой державѣ прежней ея роли не можетъ быть и рѣчи. Все Прикубанье, Пріазовье, Придонье, Приднѣпровье и Прибужье ушло изъ рукъ скиѳовъ навсегда, но два куска своей старой территоріи скиѳы удержали. Продолжаетъ существовать небольшое скиѳское царство въ Добруджѣ и болѣе крупная скиѳская держава въ Крыму. Благопріятно сложившіяся условія: отсутствіе какой бы то ни было руководящей силы на сѣверѣ, слабость Македоніи, разбитость Ѳракіи подъ разлагающимъ вліяніемъ кельтскихъ завоевателей, неумѣнье сарматовъ спаять изъ отдѣльныхъ племенъ сильную державу, отсутствіе у греческихъ колоній юга Россіи какой бы то ни было поддержки извнѣ позволили нѣсколькимъ энергичнымъ скиѳскимъ царямъ вновь спаять часть своей разложившейся державы и заявить, поддержавъ ее вооруженной силой, претензію на главенство надъ Крымомъ и греческими городами сѣвернаго побережья вплоть до Ольвіи. Своего апогея скиѳская крымская держава достигла при Скилурѣ въ первой и второй половинѣ II вѣка до Р. Хр.

Остались ли скиѳы и теперь прежней военной державой кочевниковъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, у нихъ появился въ Крыму крупный городской центръ около нынѣшняго Симферополя. Возможно, что мы имѣемъ дѣло съ полугреческимъ городомъ, выросшимъ среди скиѳскаго полу-кочевого, полу-земледѣльческаго

населенія, куда отъ времени до времени наѣзжали и скиѳскіе цари.

Основой благосостоянія этого скиѳскаго государства и греческой скиѳской столицы была, конечно, торговля съ греческимъ міромъ хлѣбомъ и скотомъ. Немудрено поэтому, что цари скиѳской державы стремятся получить въ свои руки власть надъ важнѣйшими греческими портами. Имъ, вѣроятно, удалось захватить въ свои руки Керкинитиду на западномъ берегу Крыма и даже Ольвію, богатые арматеры которой дали имъ въ руки нужные имъ флотъ и морскія силы для обезпеченія своего вывоза отъ грабежей крымскихъ пиратовъ.

Но этого, конечно, имъ было мало. Ихъ манила превосходная гавань и прекрасная воздѣланная подъ виноградники территорія Херсонеса, дававшія возможность войти въ непосредственныя сношенія съ южнымъ побережьемъ Чернаго моря. Весьма вѣроятно, что старались они укрѣпить свое вліяніе и на Боспорѣ, путемъ дипломатическихъ сношеній и брачныхъ союзовъ. Недаромъ же при послѣднемъ Перисадѣ въ Пантикапеѣ оказывается одинъ изъ членовъ скиѳскаго царскаго рода, что̀, впрочемъ, обычно было уже въ концѣ IV и въ III в. до Р. Хр., какъ показываютъ большія скиѳскія гробницы въ ближайшихъ окрестностяхъ Пантикапея и Нимфея среди гробницъ греческаго населенія этихъ городовъ.

Въ связи съ этимъ возрожденіемъ скиѳской державы, начавшимся, вѣроятно, уже въ III в. до Р. Хр., стоитъ постоянная скиѳская опасность, грозившая Херсонесу, постоянныя нападенія на него скиѳовъ и всяческія усилія, которыя дѣлаетъ Херсонесъ для отвращенія отъ себя этой опасности. Нѣсколько случайныхъ надписей изъ Херсонеса живо рисуютъ намъ эту постоянную опасность и мѣры, принимаемыя Херсонесомъ для ея отвращенія. Своихъ силъ у Херсонеса было мало, и ему при-

ходилось обращаться за помощью къ болѣе сильнымъ сосѣдямъ. Пока силенъ былъ Боспоръ, помощи этой Херсонесъ искалъ у него; но Боспоръ слабѣлъ, все болѣе и болѣе подпадая подъ скиѳское вліяніе, а напоръ скиѳовъ становился все энергичнѣе и настойчивѣе.

Естественной защитницей Херсонеса была ея метрополія — Гераклея. Но она уже не была самостоятельна. Ей пришлось подчиниться понтійскимъ царямъ. Пробуетъ мобилизовать Херсонесъ и сѣверныхъ сосѣдей скиѳовъ—сарматовъ. Такъ какъ все это переплетается съ исторіей мало-азійскихъ эллинистическихъ царствъ, гдѣ роль господина и распорядителя въ это время играетъ уже Римъ, то естественно, что отъ времени и до времени и до Херсонеса дотягивается властная рука Рима.

Во второй половинѣ II в., когда особенно возрастаетъ мощь скиѳской крымской державы, положеніе Херсонеса становится критическимъ. Но въ то же время, подъ вліяніемъ начинающейся разрухи въ Римѣ, все болѣе и болѣе усиливающагося развала римской провинціальной администраціи и первыхъ раскатовъ внутренней революціи въ Италіи, на востокѣ, какъ разъ на южномъ берегу Чернаго моря, создается раньше исключенная возможность появленія сильной державы. За дѣло ея созданія берется молодой, энергичный и талантливый понтійскій царь Миѳрадатъ VI Евпаторъ.

Для осуществленія его плана—созданія, въ противовѣсъ Риму, сильной восточной державы—ему нужна была прежде всего база. Этой базы Малая Азія, за жизнью которой внимательно наблюдалъ Римъ, дать не могла. Понтійское государство — основа власти Миѳрадата — само имѣло чрезвычайно смѣшанный составъ населенія, гдѣ рядомъ съ алародійцами и ѳракійцами имѣлись семиты и иранцы, причемъ общій характеръ культуры подвергся сильной иранизаціи и напоминаетъ культуру

сосѣдней Арменіи. Не забудемъ, что основу экономической и культурной жизни страны съ этимъ составомъ населенія составляли греческіе города, постепенно лишенные свободы понтійскими царями—Гераклея, Синопъ, Амисъ, Амасія, Трапезунтъ и др. Этотъ характеръ культуры сближалъ Понтъ, главнымъ образомъ, съ Арменіей, но еще болѣе съ Боспорскимъ царствомъ и вообще сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, гдѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же соединеніемъ и взаимопроникновеніемъ населенія греческихъ городовъ, съ чисто эллинской культурой, и племенъ, населявшихъ страну, съ иранской или иранизирующей культурой.

Къ союзу и, по возможности, подчиненію указанныхъ двухъ державъ и долженъ былъ стремиться Миѳрадатъ, чтобы создать себѣ нужную питающую базу какъ людского матеріала, такъ и денегъ и натуральныхъ продуктовъ. Но Арменія была въ это время сильной державой, съ которой такъ же нелегко было справиться, какъ и съ сосѣдкой Понта съ запада—Виѳиніей, и которая къ тому же находилась подъ постояннымъ наблюденіемъ Рима.

Въ другомъ положеніи находился Крымъ. Крымъ не былъ въ сферѣ вліянія римской державы и не привлекалъ къ себѣ вниманія римскихъ политиковъ. Между тѣмъ, онъ могъ дать Миѳрадату какъ разъ то, что̀ ему было нужно: хлѣбъ, скотъ, кожи, деньги и людей, огромные резервы которыхъ, въ лицѣ скиѳскихъ, мэотскихъ и сарматскихъ племенъ, полу-иранецъ Миѳрадатъ, считавшій себя принадлежащимъ къ старой персидской династіи Ахеменидовъ, могъ разсчитывать использовать въ качествѣ союзниковъ и наемниковъ.

Съ другой стороны, ростъ скиѳской державы, опасность, грозившая отъ скиѳовъ Херсонесу, и его просьбы о помощи, направленныя къ Миѳрадату, создавали необычайно благопріятныя условія для вмѣшательства

Миѳрадата въ дѣла Крыма. Представившійся случай Миѳрадатъ использовалъ вполнѣ. Въ двухъ экспедиціяхъ его полководцы Діофантъ и Неоптолемъ, показавъ свою силу скиѳской державѣ, руководимой послѣ смерти Скилура его сыномъ Палакомъ, и союзникамъ скиѳской державы сарматамъ-роксоланамъ, завладѣли какъ Херсонесомъ со всѣми подвластными ему греческими поселеніями, такъ и Боспоромъ со всей его державой и, наконецъ, даже Ольвіей съ ея территоріей.

Этотъ успѣхъ необычайно усилилъ Миѳрадата и далъ ему надежду на возможность начать длительную и послѣдовательную работу объединенія Малой Азіи, а затѣмъ и всего востока подъ главенствомъ Понта, наперекоръ сопротивленію Рима, раздираемаго гражданской войной, разгорѣвшейся съ 91 г. яркимъ пламенемъ и продолжавшейся вплоть до 70 года и даже позже, т. е. въ теченіе болѣе 20 лѣтъ.

Здѣсь не мѣсто передавать исторію неудачной попытки Миѳрадата создать міровое греко-восточное государство. Для насъ важно указать на то, что исходнымъ пунктомъ Миѳрадата въ его борьбѣ съ Римомъ и послѣднимъ его резервомъ въ этой борьбѣ были его крымскія и присоединенныя къ нимъ кавказскія владѣнія, его черноморская держава. Примкнувъ и здѣсь, какъ и въ Малой Азіи, первоначально къ греческимъ городамъ, Миѳрадатъ, однако, быстро разочаровалъ ихъ въ ихъ надеждахъ. Чѣмъ болѣе впутывался онъ въ войну съ Римомъ, тѣмъ нужнѣе ему были деньги и натуральные продукты, и чѣмъ дальше онъ вытѣснялся изъ Малой Азіи римлянами, тѣмъ въ большей мѣрѣ поставщиками этихъ рессурсовъ дѣлались греческіе города сѣвернаго побережья Чернаго моря. Это тяжкое, возложенное на нихъ бремя греческіе города несли все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ неудовольствіемъ, подчиняясь только силѣ.

Наряду съ этимъ, Миөрадатъ, нуждавшійся въ людяхъ для своего войска, все тѣснѣе и тѣснѣе сходился съ когда то подчиненными Боспору мэотами, съ его врагами—скиөами и сарматами, вступая съ ихъ династами въ брачные союзы — и лично, и черезъ своихъ многочисленныхъ сыновей и дочерей — и политическіе договоры. Эллинству какъ разъ тогда, когда оно надѣялось, при посредствѣ Миөрадата, укрѣпить свое первенство надъ напиравшимъ на него иранствомъ, грозила опасность быть окончательно поглощеннымъ иранствомъ, которое успѣло уже къ тому времени значительно измѣнить чистый раньше греческій обликъ населенія греческихъ городовъ Причерноморья. Съ другой стороны, иранство встрѣтило, очевидно, Миөрадата, какъ объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесенные имъ первоначально скиөамъ, и окружило его долго державшимся ореоломъ національнаго вождя.

Естественно поэтому, что греческіе города Крыма, главнымъ образомъ, Боспорскаго царства старались использовать моменты слабости Миөрадата для возвращенія себѣ самостоятельности и, когда Миөрадатъ, окончательно вытѣсненный изъ Малой Азіи Помпеемъ, но успѣвшій бѣжать въ Пантикапей и не допустить сюда Помпея, готовилъ здѣсь со всѣмъ напряженіемъ силъ новый походъ на римскую державу, на этотъ разъ черезъ степи юга Россіи и по Дунаю, они оказали ему рѣзкое сопротивленіе и, соединившись съ его сыномъ Фарнакомъ, избавились отъ ненавистнаго имъ насильника, доведшаго ихъ до почти полнаго разоренія и предавшаго ихъ вѣковымъ врагамъ эллинства иранцамъ.

Гибель Миөрадата обозначала, однако, подчиненіе Риму. Попытка Фарнака обезпечить своему понтійско-крымскому царству не вассальное, а самостоятельное существованіе, пользуясь временными неудачами Цезаря въ Александріи, кончилась жестокимъ пораже-

ніемъ: Фарнакъ, какъ и преданный имъ его отецъ, не нашелъ себѣ поддержки въ греческихъ городахъ Крыма и погибъ.

Съ этого времени начинается въ жизни Крыма новая эпоха—эпоха подчиненія Риму и новаго подъема эллинскаго элемента, нашедшаго себѣ въ лицѣ Рима дѣятельную и постоянную поддержку.

Эпоха Миѳрадата была временемъ тяжкихъ испытаній для черноморскихъ грековъ. Эра ихъ полной самостоятельности кончилась. Оригинальная форма верховной власти, выработанная Боспоромъ, т. е. соединеніе въ одномъ лицѣ верховнаго магистрата греческихъ городовъ—архонта и царя иранскихъ и полуиранскихъ, соединенныхъ съ греческими городами личной уніей, племенъ окончательно смѣнилась чисто монархической властью греко-восточнаго типа. Матеріальное благосостояніе греческихъ городовъ было подорвано, причемъ особенно пострадала Ольвія, очутившаяся послѣ смерти Миѳрадата между молотомъ и наковальнею, между скиѳами и сарматами, напиравшими съ востока, и возродившейся мощью ѳракійцевъ, объединенныхъ въ сильную державу Биребистой. И тѣ, и другіе стремились овладѣть, а послѣдніе, въ концѣ концовъ, и овладѣли этимъ важнымъ портомъ и ключомъ ко всему Приднѣпровью и Прибужью.

Ослабѣла и культурная сопротивляемость грековъ. Уже раньше имъ трудно было удержать свой чистый греческій обликъ. Некрополи тѣхъ греческихъ городовъ, которые искони находились въ особо тѣсной связи съ мѣстнымъ населеніемъ, какъ Нимфей на европейской сторонѣ, Горгиппія на азіатской, издавна давали образцы погребеній смѣшанной ирано-греческой культуры. Теперь иранскій элементъ, уже въ эпоху послѣднихъ Спартокидовъ все болѣе и болѣе насыщавшій греческіе города, получилъ возможность безпрепятственнаго про-

никновенія въ греческое населеніе городовъ, тѣмъ бо-
лѣе, что притокъ новыхъ силъ изъ Эллады, обезсилен-
ной и истекавшей кровью въ мукахъ гражданской войны
Рима, совершенно прекратился.

И здѣсь, такимъ образомъ, въ силу особыхъ условій развитія, мы встрѣчаемся съ общимъ для всего востока эпохи поздняго эллинизма явленіемъ. За греческой оболочкой, даже въ греческихъ центрахъ, начинаютъ все болѣе и болѣе проступать мѣстные элементы, измѣняя всѣ основы политической, экономической, соціальной, культурной и религіозной жизни.

Боспорская держава Спартокидовъ, просуществовавшая въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ вѣковъ и успѣшно исполнявшая за это время свою миссію передового поста, выдвинутаго эллинствомъ въ море иранскихъ и ѳракійскихъ племенъ и народовъ, представляетъ изъ себя необычайно оригинальное и интересное политическое и соціальное образованіе.

По внѣшней своей политической структурѣ, руководящій городъ державы—Пантикапей ничѣмъ существеннымъ отъ обычнаго города-государства Эллады не отличался. Отличительною особенностью его является только то, что здѣсь вѣками удержалась переходная для большинства греческихъ городовъ-государствъ форма правленія—военная тираннія, опирающаяся на наемное войско.

Это длительное существованіе тиранніи требуетъ объясненія. Просуществовать три вѣка, держась только насиліемъ и опираясь только на мечи наемниковъ, монархическая по существу форма правленія, облекшаяся въ оболочку эллинскаго народовластія, конечно, не могла. Несомнѣнно, что ея существованіе и ея прочность обусловлены были иными болѣе глубокими причинами, создавшими ей прочную опору въ населеніи.

Основной причиной была оригинальная соціальная

структура боспорской, по преимуществу, торговой державы, благосостоянiе которой зависѣло, прежде всего, отъ обезпеченности правильнаго обмѣна съ греческимъ мiромъ съ одной стороны и съ мiромъ иранскихъ и полуиранскихъ племенъ, частью входившихъ въ составъ боспорской державы, частью сосѣдившихъ съ нею, съ другой. Въ этомъ отношенiи Боспоръ ближе всего напоминаетъ семитическiй Карѳагенъ, исполнившiй ту-же миссiю, въ нѣсколько иныхъ условiяхъ, на берегахъ Африки.

Разница въ положенiи Карѳагена и Боспора была та, что благосостоянiе Боспора въ значительной мѣрѣ связано было съ существованiемъ скиѳскаго царства, обезпечивавшаго для Боспора возможность успѣшной торговли съ сосѣдями. Полное подчиненiе скиѳамъ отнюдь, однако, не входило въ интересы Боспора.

Для того, чтобы имѣть возможность поддерживать добрыя отношенiя со скиѳами, не подчиняясь имъ окончательно, Боспоръ долженъ былъ имѣть опору какъ въ населенiи своей державы, такъ и въ поддержкѣ извнѣ. Второе давали ему его отношенiя къ Аѳинамъ, первое—общность его интересовъ съ сильно эллинизованными ближайшими его сосѣдями, для которыхъ сюзеренитетъ Боспора былъ выгоднѣе и удобнѣе, чѣмъ подчиненiе скиѳамъ, тѣмъ болѣе что этотъ сюзеренитетъ носилъ характеръ личной унiи и не лишалъ отдѣльныхъ племенъ возможности жить своею обычною жизнью подъ управленiемъ своихъ мѣстныхъ царей, династовъ и князей.

Этимъ объясняется двойственный характеръ боспорской тираннiи. Для греческаго населенiя они—облеченные имъ исключительною верховною властью магистраты-архонты. Для племенъ Крыма и Тамани они—ихъ верховные цари, обезпечивающiе имъ ихъ самостоятельность, неподчиненiе скиѳамъ, поддержку эллинскаго мiра и возможность широкаго мiрового обмѣна.

Но и для греческихъ гражданъ городовъ боспорско державы руководящая единоличная власть была необ ходимостью, обезпечивавшею ихъ существованіе. Ихъ національныя традиціи не позволяли имъ видѣть в ихъ верховномъ магистратѣ царя, но, какъ своему архонту они готовы были дать главѣ державы неограниченныя полномочія, такъ какъ отъ этого зависѣло ихъ матеріальное благосостояніе.

Греки городовъ боспорскаго царства, насколько мы можемъ судить по скуднымъ, имѣющимся у насъ, даннымъ, были, главнымъ образомъ, экспортерами и арматерами, владѣльцами морскихъ судовъ съ одной стороны, собственниками большихъ торговыхъ конторъ, поддерживавшихъ постоянную связь съ сосѣдними племенами, и торговцами-посредниками съ другой. Граждане Бóспора, насколько можно судить, предпочитали заниматься вторымъ, первое — рискованное и трудное дѣло—они предоставляли гражданамъ другихъ греческихъ городовъ Малой Азіи и Эллады, для которыхъ доставляемые имъ Боспоромъ продукты были дѣломъ жизненной необходимости.

Наряду съ этимъ, имѣлось немалое количество ремесленниковъ и художниковъ, работавшихъ на внѣшній рынокъ и создававшихъ тѣ специфическіе предметы, которыхъ не могли имъ поставлять греческіе и малоазійскіе мастера.

Наконецъ, немалое значеніе имѣли земледѣльцы, помѣщики, эксплоатировавшіе ближайшія къ греческимъ городамъ территоріи, которыя они обработывали руками мѣстнаго населенія, какъ наемныхъ рабочихъ, иногда руками рабовъ, чаще же всего руками закрѣпощеннаго населенія, ставшаго къ нимъ въ такія же отношенія какъ илоты къ спартанцамъ, пенесты къ ѳессалійской знати, покоренные маріандины къ гераклейцамъ.

Въ общемъ, греческое населеніе Боспора, даже исклю-

чая особо богатую аристократію, тѣсно связанную съ верховной властью, было населеніемъ зажиточныхъ торговцевъ, ремесленниковъ и помѣщиковъ. Предполагать существованіе значительнаго количества рабочаго пролетаріата нѣтъ никакого основанія. Торговый флотъ съ его арміей гребцовъ, какъ это засвидѣтельствовано неоднократно, не былъ мѣстнымъ, грузчики, по всей вѣроятности, набирались изъ тѣхъ рабовъ, которыми успѣшно торговалъ Пантикапей и которыхъ поставляли имъ сосѣдніе всегда воевавшіе кочевники.

Это зажиточное греческое населеніе прежде всего и главнымъ образомъ заинтересовано было въ томъ, чтобы власть обезпечивала имъ спокойное и обезпеченное существованіе, поменьше привлекала бы ихъ къ несенію воинскихъ обязанностей и гарантировала бы имъ возможность безпрепятственнаго общенія съ сосѣдними племенами и съ греческимъ міромъ.

Такой порядокъ вещей боспорская тираннія обезпечивала греческому населенію вполнѣ. Въ войскѣ гражданъ она не нуждалась; оно было скорѣе опасно для нея. Мѣстное населеніе, особенно воинственные ѳракійцы, давало ей достаточное количество наемниковъ, въ случаѣ нужды она прибѣгала къ союзамъ съ сосѣдями и къ контингентамъ вассаловъ. Постоянную дружину, дорогую, но хорошо вооруженную и технически подготовленную, боспорскіе тиранны получали изъ Греціи. Оттуда же, главнымъ образомъ, доставали они и людей для своего военнаго флота.

Для всего этого нужны были только средства. Средства эти давала все та-же торговля съ Греціей, главнымъ образомъ, хлѣбная. Несомнѣнно, что самыми крупными экспортерами хлѣба были сами архонты и цари Боспора. Объ этомъ намъ говорятъ и аттическіе ораторы—Эсхинъ, Исократъ, Демосѳенъ. Это же засвидѣтельствовано и рядомъ надписей.

Крупные доходы давали имъ и ввозныя и вывозныя пошлины, особенно тогда, когда Боспору удалось избавиться отъ тяжелой руки Аѳинъ. Наконецъ, несомнѣнно, что Спартокиды и ихъ близкіе были и наиболѣе крупными помѣщиками, земли которыхъ давали весьма значительное количество хлѣба. И это намъ засвидѣтельствовано неоднократно.

На этихъ основахъ держалась и держалась прочно власть Спартокидовъ. Отъ времени и до времени имъ приходилось прибѣгать и къ военной помощи гражданства, создавать греческую армію изъ боспорскихъ грековъ, но это, очевидно, было явленіемъ преходящимъ, и основы боспорскаго строя оставались, въ общемъ, одинаковыми до послѣднихъ дней существованія династіи.

О культурѣ Пантикапея и Боспорской державы вообще рѣчь была уже неоднократно выше. Я указывалъ на чисто греческій обликъ городского населенія, только къ концу Спартокидской власти проникающійся и иранскими элементами. Говорилъ я и о томъ, что въ IV и III вв. до Р. Хр. Пантикапей отнюдь не является только складочнымъ мѣстомъ для греческихъ и малоазіатскихъ товаровъ, а имѣетъ свою довольно самостоятельную культурную жизнь, складывается въ одинъ изъ центровъ эллинскаго культурнаго творчества.

Я уже говорилъ объ оригинальной погребальной архитектурѣ пантикапейцевъ и вообще боспорцевъ, о несомнѣнномъ ихъ творчествѣ въ развитіи нѣкоторыхъ архаическихъ формъ, связанномъ съ труднымъ заданіемъ созданія типа подкурганныхъ монументальныхъ сооруженій.

Но еще ярче сказывается творчество боспорскихъ художниковъ въ мѣстныхъ произведеніяхъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, спеціальности боспорскихъ мастеровъ, развитіе которой вызвано было падкостью на подѣлки изъ золота и серебра ихъ скиѳскихъ и мэот-

Тѣ же черты пантикапейскаго художественнаго творчества проявляются и въ огромной, все увеличивающейся серіи художественныхъ произведеній, сработанныхъ въ мастерскихъ Пантикапея для сосѣднихъ скиѳовъ. Здѣсь чрезвычайно поучительно сравнить золотыя вещи изъ Солохи съ нѣсколько, но немногимъ болѣе, поздними вещами Куль-обы и Воронежскаго кургана (табл. IX, 8) и затѣмъ съ вещами изъ Чертомлыка и Карагодеуашха. Знаменитый теперь золотой гребень Солохи (табл. XIII, 1) въ общемъ даетъ обычный, особенно близкій М. Азіи сюжетъ коннаго боя въ обычной классической композиціи. Единственное, чѣмъ онъ отличается отъ современныхъ ему малоазійскихъ скульптуръ, живущихъ традиціями уже академическаго аѳинскаго искусства, это еще бо́льшая, чѣмъ въ М. Азіи, бытовая реалистичность въ трактовкѣ оружія, одежды, конскаго убора, точно скопированныхъ съ дѣйствительности. Меньше реалистичности въ изображеніи лицъ, въ типахъ сражающихся, хотя тяга къ реализму видна и здѣсь.

То же, въ еще большей мѣрѣ, наблюдаемъ мы на серебряномъ золоченомъ сосудѣ изъ Солохи (табл. XII, 3), дающемъ обычную, хорошо исполненную сцену охоты, столь типичную для малоазійскаго греческаго искусства. Еще интереснѣе обложенный серебромъ горитъ со сценой боя двухъ типовъ мѣстныхъ степняковъ—пѣшихъ и конныхъ (табл. XII, 1). И здѣсь реализмъ костюма и вооруженія полный. Типы лицъ, однако, напоминаютъ намъ монеты Пантикапея того же времени. Конные лучники даютъ болѣе грубую трактовку лица бородатаго силена монетъ, молодой ихъ спутникъ—это знакомый намъ молодой сатиръ пантикапейскаго золота и серебра. Къ тому же типу приближаются и два пѣшихъ противника описанныхъ бойцовъ одного лагеря. Но здѣсь мы видимъ уже первые проблески того теченія, которое въ пергамскомъ искусствѣ даетъ намъ вѣчныя изображенія

кельтовъ. Отъ типа сатира искусство идетъ къ поразительно тонкой передачѣ не столько мелочей, сколько основной черты характера изображаемыхъ варваровъ. Какихъ варваровъ изобразилъ пантикапейскій художникъ, работавшій для погребеннаго въ Солохѣ царя, мы не знаемъ. Но невольно вспоминаешь сѣверянъ-кельтовъ или ѳракійцевъ или какія нибудь родственныя имъ племена.

Шагъ впередъ сдѣланъ въ вещахъ Куль-обы (табл. IX, 1 и 2) и Воронежскаго кургана (табл. IX, 3). Бытовой реализмъ остался тотъ же, но мы видимъ двѣ новыя черты. Складывается идеализованный типъ скиѳа въ искусствѣ, какъ одновременно сложился тотъ же типъ въ литературѣ. Наряду съ этимъ, сказывается тенденція къ большей экспрессіи, къ передачѣ выраженія страданія и паѳоса—и здѣсь мы подходимъ къ будущимъ особенностямъ пергамскаго патетическаго искусства. Это особенно ясно на сценѣ зубной операціи и забинтовыванія раненой ноги на знаменитомъ куль-обскомъ электровомъ сосудѣ.

Послѣдній этапъ—это поразительныя лошади Чертомлыка (табл. IX, 4 и 5). Онѣ старше, тоньше и художественнѣе лошади упомянутой выше монеты. Лошади реалистичны въ ихъ структурѣ и поразительно художественны въ движеніи. Мало того, несмотря на трудности, представлявшіяся мастеру необходимостью дать узкій фризъ вазы, онъ сумѣлъ дать почувствовать просторъ и ширь степей, задоръ и разгулъ дикаго степного табуна.

Интересны и еще нѣсколько болѣе позднія ритуальныя сцены Карагодеуашха (табл. X, 1 и 2). Здѣсь передъ нами уже не чисто греческое искусство. На ритонѣ (табл. X, 1) мы имѣемъ иранскій типъ и схему, на пластинѣ головного убора (табл. X, 2) интересную греческую композицію, но чисто восточную торжественность и ритуальность центральной монументальной фи-

гуры, ея прислужницъ и двухъ мужскихъ фигуръ на первомъ планѣ—молодого знатнаго скиѳа и евнуха-энарея, служителя богини, въ женской одеждѣ и съ ея круглой священной чашей въ рукѣ. Въ міръ эллинскаго творчества просачивается подлинный востокъ, вліяя на Элладу и подготовляя будущій расцвѣтъ, правда, не въ степяхъ Скиѳіи, а въ сасанидской Персіи, возрожденія иранскаго искусства.

Мы видимъ, что Пантикапей имѣлъ свою эпоху творчества, внеся кое что въ сокровищницу греческаго искусства, и тѣмъ новымъ, что онъ далъ, онъ былъ обязанъ своему сосѣдству съ иранскимъ міромъ и своей связи съ великимъ восточнымъ искусствомъ. Ту же миссію онъ будетъ продолжать осуществлять и въ слѣдующей стадіи своего историческаго развитія.

V. Синды, мэоты, сарматы.

(Табл. XIII и XIV).

Я уже не разъ говорилъ о той роли, которую играли въ исторіи Боспорской державы племена, жившія на Тамани и по берегамъ Азовскаго моря до Дона. Говорилъ я и о той культурной связи, которая объединяла ихъ съ міромъ алародійской культуры, о владычествѣ надъ ними киммерійцевъ, которые внесли сюда первые элементы иранской культуры, наконецъ, о подчиненіи ихъ, хотя и частичномъ, скиѳамъ и ихъ тѣсной связи съ греческими колоніями азіатскаго побережья Керченскаго пролива.

Вопросъ о національности этихъ племенъ не можетъ быть разрѣшенъ хотя бы съ нѣкоторою долею вѣроятія. Возможно, однако, думать, что всѣ эти племена принадлежали къ одной этнической группѣ съ большею или меньшею примѣсью ѳракійскихъ и иранскихъ элементовъ, причемъ ѳракійскіе элементы могли быть привнесены киммерійцами, но могли быть и исконными. Иранское вліяніе было, несомнѣнно, чрезвычайно сильно, и сказалось какъ въ языкѣ ближайшихъ сосѣдей скиѳовъ—савроматовъ, такъ и въ общемъ обликѣ культурнаго обихода. Несомнѣнно, рѣчь идетъ не только о культурномъ вліяніи, но и о смѣшеніи.

Въ интересующую насъ группу племенъ входятъ и савроматы, жившіе около устьевъ Дона, часть которыхъ вѣроятно составляли яксаматы, и такъ называемые

мэоты, т. е. племена Пріазовья, и племена, населявшія Кубанскую область: дандаріи, ѳатеи, псессы и, наконецъ, синды, ближайшее къ грекамъ племя, наиболѣе тѣсно съ ними связанное. Большинство этихъ племенъ объединяетъ въ одну группу засвидѣтельствованная спеціально для савроматовъ и яксаматовъ, поразившая грековъ, уже упомянутая выше, роль женщинъ въ общественной и военной жизни, подтверждаемая и для историческаго времени разсказами объ яксаматкѣ Тиргатао и о савроматкѣ Амагѣ. Выше я поставилъ эту характерную черту быта въ связь съ киммерійцами, но возможно, что она присуща была мѣстному населенію до его завоеванія киммерійцами.

Среди упомянутыхъ племенъ особенно близко связаны были съ греками синды—земледѣльческое племя, создавшее въ VI и слѣд. вѣкахъ до Р. Хр. свою прочную государственность подъ руководствомъ полугреческихъ династовъ. Преданіе называетъ намъ Синдскую гавань, какъ главный пунктъ, черезъ который они вывозили свои продукты. Позднѣе одинъ изъ мѣстныхъ династовъ, вассальныхъ Боспору, основываетъ, по сосѣдству съ Синдской гаванью, крупный греческій городъ — Горгиппію, развалины которой находятся подъ нынѣшней Анапой. Этотъ городъ преданіе называетъ „царской резиденціей“ синдовъ.

Некрополь Горгиппіи очень близко напоминаетъ некрополь Пантикапея. То же сочетаніе рядовыхъ гробницъ съ греческимъ обрядомъ погребенія и огромныхъ кургановъ съ монументальными каменными склепами, гдѣ хоронились полугреческіе династы синдовъ и члены ихъ рода.

Таковъ же характеръ некрополя Фанагоріи, главнаго порта всей Тамани. И здѣсь то же сочетаніе, причемъ монументальные курганы далеко выдвинулись внутрь Таманскаго полуострова (Б. Близница, М. Близница,

курганы на Васюринской горѣ и мн. др.) и хранили въ себѣ особенно богатыя погребенія, гдѣ греческій геройскій обрядъ погребенія тѣсно слился со скиѳскимъ (напр. погребеніе лошадей погребальной колесницы).

Особенностью племенъ Тамани, связывающею ихъ съ населеніемъ остального побережья Чернаго моря, главнымъ образомъ, Понта и Каппадокіи, а также Лидіи и Фригіи, является крупная роль, которую игралъ въ ихъ религіозной жизни культъ верховнаго женскаго божества, почитавшагося въ рядѣ храмовъ (намъ извѣстны три такихъ храма на Таманскомъ полуостровѣ), несвязанныхъ съ поселеніями и городскими центрами и жившими своею жизнью.

Одинъ изъ нихъ—вѣроятно, древнѣйшій—находился по сосѣдству съ Гермонассой (нынѣ Тамань). Другой тѣсно связанъ былъ съ Фанагоріей. Третій расположился на живописномъ мысу, вдающемся въ Ахтанизовскій лиманъ и носящемъ теперь имя мыса Бориса и Глѣба. Несомнѣнно, что этимъ количество наличныхъ на Тамани храмовъ мѣстной богини не исчерпывалось. Весьма вѣроятно, что существованіе культа великой богини мы должны предполагать и около Синдскаго порта, и около или въ Горгиппіи.

Позднѣйшія свидѣтельства рисуютъ намъ жизнь этихъ храмовъ тѣми же красками, которыя характерны для жизни большихъ негородскихъ святилищъ Малой Азіи, посвященныхъ богинѣ Ма въ Каппадокіи, Анаитѣ въ Понтѣ, Артемидѣ въ Сардахъ и т. п. Передъ нами храмы съ большой принадлежащей имъ территоріей, населенной крѣпостнымъ населеніемъ, работавшимъ на жрецовъ.

Этотъ мѣстный культъ воспринятъ былъ и греческимъ населеніемъ и сильно огречился. Мѣстные греки слили въ своихъ представленіяхъ верховное женское божество синдовъ съ іонійской Афродитой Апатуру, позднѣе съ Афродитой небесной. На Ахтанизовскомъ

лиманѣ его отожествили съ Артемидой Полевой (Агротера), т. е. также съ богиней производительныхъ силъ природы. Возможно, что ея мѣстное имя была Астара, а ея мужскимъ спутникомъ былъ Санергъ, какъ называетъ ихъ въ посвятительной надписи уроженка Тамани, царица Комосарія. Эти имена связывали бы эти божества съ міромъ малоазійскихъ до-греческихъ культовъ хетскаго происхожденія.

Весьма вѣроятно, что культъ Астары носилъ мистическій характеръ и, можетъ быть, воспринятъ былъ греками не только въ видѣ культа Афродиты, но и культа Деметры или Коры, такъ тѣсно связаннаго съ элевсинскими мистеріями. Отмѣчу еще, что фигура великой мѣстной богини весьма часто воспроизводится въ терракоттовыхъ статуеткахъ, а также, что эта же богиня была и основнымъ божествомъ, почитаемымъ жителями горнаго Крыма—таврами подъ именемъ Богини Дѣвы, культъ которой воспринятъ былъ и Херсонесомъ, гдѣ онъ сдѣлался главнымъ городскимъ культомъ. Знакомство грековъ съ этимъ таврскимъ культомъ уже въ очень раннее время дало одинъ изъ сравнительно позднихъ мотивовъ для греческаго миѳа объ Ифигеніи.

На этомъ основаніи и на основаніи другихъ довольно многочисленныхъ свидѣтельствъ мы можемъ думать, что богинѣ приносились человѣческія жертвы; въ ея честь убивали преимущественно иностранцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе на гористыхъ берегахъ южнаго Крыма. Интересно, что въ одномъ лѣсномъ святилищѣ около Ялты найдена была длинная серія изображеній мѣстной богини въ типѣ богини-матери, богини плодородія, съ ребенкомъ на рукахъ.

Менѣе подверглись вліянію грековъ болѣе удаленныя отъ моря племена по теченію Кубани. Я уже говорилъ о томъ, что боспорскіе архонты были только ихъ царями-

сюзеренами. Какъ и синды, они имѣли своихъ правителей, конечно, мѣстнаго происхожденія. Династы дандаріевъ, ѳатеевъ, яксаматовъ появляются не разъ въ историческомъ преданіи объ исторіи Боспора, и притомъ въ разное время.

Нѣкоторыя черты изъ жизни этихъ племенъ намъ извѣстны изъ греческихъ историковъ. Такъ въ разсказѣ о борьбѣ Евмела и Сатира Діодоръ рисуетъ намъ интересную картину столицы царя ѳатеевъ. Центръ ея составлялъ большой укрѣпленный дворецъ царя, сооруженный, вѣроятно, изъ камня, съ каменными же стѣнами и башнями. Находился онъ на мысу, образованномъ рѣкою Ѳатомъ, окруженъ былъ скалами и лѣсами. По болотистому берегу рѣки раскинулся самый городъ—свайное поселеніе на болотѣ, вѣроятно, также окруженное стѣнами, на этотъ разъ деревянными. Описаніе заставляетъ думать, что мы находимся гдѣ то въ предгоріяхъ Кавказа.

Того же характера былъ, очевидно, и городъ Гаргаза того же племени и городъ Соса въ странѣ дандаріевъ, упоминаемый для болѣе поздняго времени Тацитомъ. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ земледѣльческими народами, умѣвшими строить города. Наряду съ городами упоминаются и деревни. Укрѣпленную резиденцію царя надо представлять себѣ въ типѣ восточныхъ укрѣпленныхъ дворцовъ или тѣхъ „хранилищъ сокровищъ", въ которыхъ Миѳрадатъ хранилъ свои богатства въ предѣлахъ своего царства. Первоначальное поселеніе на мѣстѣ позднѣйшаго греческаго Пантикапея могло носить тотъ же характеръ, съ укрѣпленнымъ дворцомъ и святилищемъ на такъ называмой Миѳрадатовой горѣ.

Къ сожалѣнію, археологическое разслѣдованіе Кубани направлено было по преимуществу и здѣсь, какъ и въ бассейнахъ Днѣпра и Дона, на разрытіе кургановъ. Многочисленныя имѣющіяся и на Кубани, какъ и

на Дону, Днѣпрѣ и Бугѣ, развалины древнихъ городовъ никогда не были предметомъ серьезной археологической работы, раздѣляя эту участь съ руинами греческихъ городовъ Боспорской державы. Между тѣмъ, разрѣшеніе ряда историческихъ вопросовъ только тогда сдѣлается возможнымъ, когда рядъ развалинъ городовъ будетъ разслѣдованъ серьезно и научно. Такими развалинами наполнена, напримѣръ, сѣверная часть Таманскаго полуострова, отдѣленная отъ остальныхъ частей Тамани такъ называемымъ киммерійскимъ валомъ. Валъ этотъ никогда разслѣдованъ не былъ. Развѣдка отдѣльныхъ городищъ довольствовалась установленіемъ того, что въ эпоху римской имперіи они были небольшими крѣпостями-убѣжищами для мѣстнаго населенія. Этимъ, однако, вопросъ о времени ихъ возникновенія не разрѣшается.

Еще досаднѣе, что не разслѣдовано ни одно изъ городищъ Кубани. Поверхностныя развѣдки въ одномъ изъ нихъ, расположенномъ около Семибратнихъ кургановъ, показали, сколько свѣту пролило бы серьезное разслѣдованіе на бытъ и культуру синдовъ и какую реальную основу подвело бы оно подъ краткія сообщенія Діодора и Тацита. Очередной задачей будущихъ изслѣдователей является переходъ отъ раскопки кургановъ къ раскопкѣ древнихъ городскихъ поселеній мѣстнаго населенія по теченію великихъ русскихъ рѣкъ.

Какъ я уже говорилъ выше, начиная съ IV в. до Р. Хр., изъ Азіи вновь двинулись на западъ иранскія кочевыя племена, которыхъ греки называютъ общимъ именемъ сарматовъ и не различаютъ отъ савроматовъ. Но въ преданіи нашемъ мы легко устанавливаемъ отличіе одного племени отъ другого. Ни одинъ изъ античныхъ писателей, говоря о сарматахъ на основаніи свѣдѣній изъ первыхъ рукъ, не упоминаетъ о томъ, что̀ было для грека главнымъ признакомъ савроматовъ,—о роли жен-

щинъ. Только тамъ, гдѣ свѣдѣнія подлинныя подверглись литературной обработкѣ, на сарматовъ переносится то, что составляетъ въ старомъ преданіи особенность савроматовъ.

Сарматы двигаются съ востока рядомъ сильныхъ племенныхъ группъ: сначала языги, затѣмъ роксоланы, сираки и аорсы, наконецъ послѣднимъ идетъ могучее племя алановъ. Ко II в. до Р. Хр. первыя четыре племени, согласно совершенно достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, оттѣснили скиѳовъ въ глубь Крыма и утвердились на всемъ протяженіи ихъ царства: на западѣ, вплоть до Дуная, языги, въ центрѣ, между Дономъ и Днѣпромъ, роксоланы, по теченію Кубани ближе къ Тамани и Кавказу сираки, сѣвернѣе вплоть до Дона—аорсы. Всѣ эти племена живутъ каждое своею жизнью и одного государства не составили. Въ предѣлы Боспорскаго царства они въ это время еще не проникли. Даже Танаисъ имъ взять не удалось.

Позднѣе появляются аланы, покрывающіе въ нашемъ преданіи, начиная съ эпохи Римской имперіи, остальныя племена сарматовъ и двигающіеся медленной и грозной лавиной все дальше и дальше на западъ, частью толкая передъ собой раньше ихъ явившіяся племена сарматовъ, частью покрывая ихъ собой въ мѣстѣ ихъ осѣдлости, частью увлекая и ихъ и другія племена съ собой въ своемъ поступательномъ движеніи.

Античное преданіе, начиная отъ Страбона, черпающаго изъ источника, относящагося ко II в. до Р. Хр., и кончая Аммiаномъ Марцеллиномъ, въ IV в. по Р. Хр., рисующимъ намъ сарматовъ, специально, аланъ частью по подлиннымъ даннымъ, частью чертами, взятыми изъ Геродота и относящимися къ скиѳамъ, согласно характеризуетъ сарматовъ, какъ кочевое племя конныхъ дружинниковъ, чрезвычайно похожее на скиѳовъ, но отличающееся отъ нихъ нѣкоторыми новыми чертами. Но-

вѣйшія лингвистическія изслѣдованія въ области изученія осетинскаго языка (осетины—отдаленные потомки аланъ, конечно, очень смѣшанные) подтвердили это сближеніе, выяснивъ съ несомнѣнностью, что сарматы были иранцами. Съ литературными данными въ полномъ согласіи стоятъ и немногія несомнѣнныя изображенія сарматовъ на памятникахъ античнаго искусства, главнымъ образомъ, на тріумфальныхъ рельефахъ Трояновой и Антониновой колоннъ въ Римѣ и арки Галліена въ Салоникахъ (ср. изображеніе танаита въ сарматскомъ вооруженіи на рельефѣ изъ Танаиса, табл. XIV, 1).

Отъ подвергшихся сильному вліянію греческой культуры скиѳовъ сарматы отличаются, прежде всего, большей грубостью и дикостью. Въ ихъ вооруженіи много общаго со скиѳами. Какъ и скиѳы, они конные рыцари, но главнымъ оружіемъ ихъ являются уже не луки, которыми они, правда, также вооружены, а длинные мечи (не короткіе персидскіе акинаки) и огромныя тяжелыя копья—настоящія казацкія пики или копья средневѣковыхъ западно-европейскихъ рыцарей. Какъ и скиѳы, они защищены чешуйчатыми панцырями изъ костяныхъ или желѣзныхъ чешуекъ, причемъ та же чешуйчатая броня покрываетъ и ихъ коня. Нѣкоторыя племена, напримѣръ, роксоланы, носили кожаные панцыри, кожаные шлемы и плетеные щиты. Но, наряду съ чешуйчатой броней, появляется новая, чуждая скиѳамъ, кольчатая броня.

Внѣшній обликъ ихъ такой же, какъ и скиѳовъ: длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парѳянъ, штаны.

Строй ихъ государственной жизни, въ общемъ, мало чѣмъ отличается отъ скиѳскаго, за исключеніемъ большей расщепленности и разбитости. Мы слышимъ о царяхъ отдѣльныхъ племенъ, о „скиптроносцахъ“ отдѣльныхъ частей племени, о лучше вооруженной аристокра-

тіи, закованныхъ въ панцыри съ ногъ до головы рыцаряхъ-катафрактаріяхъ.

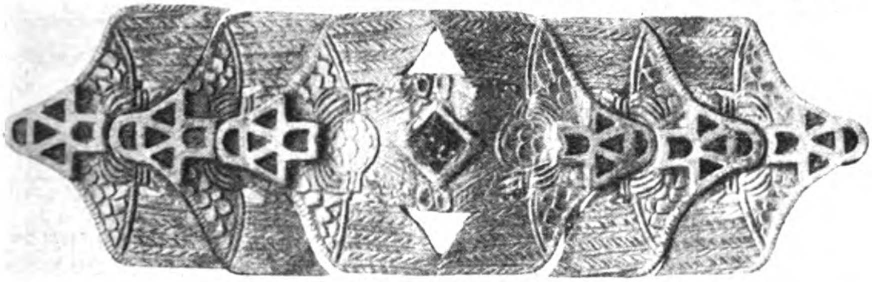
Въ области религіи возможно, что сарматы, какъ намъ сообщаетъ одинъ достовѣрный и ранній свидѣтель, были огнепоклонниками.

Часть сарматовъ, какъ было сказано выше, осѣла у Дона и на Кубани. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, спеціально о кубанскихъ и донскихъ аорсахъ и сиракахъ, Страбонъ и Тацитъ сообщаютъ намъ интересныя свѣдѣнія. Сираки въ новыхъ мѣстахъ, очевидно, наслоились на старыхъ жителей области, усвоили ихъ образъ жизни и восприняли ихъ культуру. Во времена Страбона—они частью кочевники, частью земледѣльцы, т. е. успѣли уже осѣсть и эксплоатируютъ мѣстное земледѣльческое населеніе, унаслѣдовавъ торговыя связи стараго населенія съ Боспоромъ. Въ эпоху Тацита мы слышимъ объ ихъ укрѣпленномъ городѣ Успѣ, окруженномъ стѣнами изъ плетенаго хвороста и земли. Въ этой крѣпости они пытаются защищаться. Сюда собрались какъ „свободные“, такъ и огромная масса „рабовъ“. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ знатью, на земляхъ которой сидятъ крѣпостные.

Придонскіе аорсы считались очень богатымъ племенемъ. Оружіе и одежда ихъ покрыты были золотомъ. Богатство ихъ было результатомъ того, что они заняли старый вышеупомянутый торговый путь изъ Индіи и Вавилоніи черезъ Мидію и Арменію къ Танаису. Платежи купцовъ давали имъ большія средства и позволяли имъ щедро платить боспорскимъ грекамъ за вино, одежду и драгоцѣнныя вещи.

Долговременное пребываніе сарматовъ на Кубани, на Дону и далѣе на западъ не могло не оставить слѣдовъ въ погребеніяхъ этихъ мѣстностей. И дѣйствительно, какъ разъ, начиная со II в. до Р. Хр., мы встрѣчаемся на Кубани, на Дону и на Днѣпрѣ, а затѣмъ и далѣе далеко на западъ съ погребеніями, рѣзко отли-

Табл. XIII.

1.

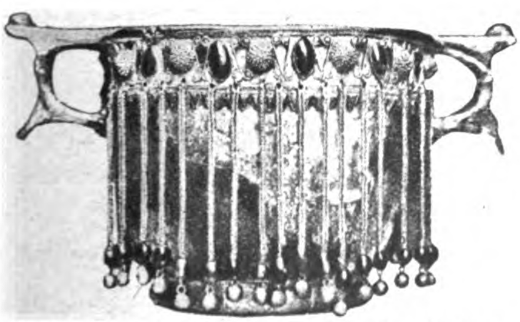

2.

3.

4.

5.

1. 2. Серебряный золоченый поясъ изъ Майкопа. — 3. Золотая бляха изъ Сибири.— 4. 5. Стеклянные сосуды въ золотой оправѣ изъ Кубанской области.

чающимися отъ погребеній скиѳскихъ IV—III вв. до Р. Хр., погребеніями, также принадлежащими коннымъ кочевникамъ, но съ инымъ обрядомъ и съ инымъ инвентаремъ, чѣмъ погребенія скиѳскія.

Въ цѣлыхъ группахъ прикубанскихъ кургановъ, большихъ курганныхъ некрополяхъ, частью насыпанныхъ старымъ населеніемъ, хоронившимъ своихъ покойниковъ въ скорченномъ видѣ и посыпавшимъ ихъ трупы красною краскою, мы находимъ земляныя погребенія, относящіяся къ эпохѣ отъ конца II в. до Р. Хр. и заходящихъ глубоко въ эпоху римской имперіи до III—IV вв. по Р. Хр. Погребенія эти не имѣютъ формы погребальныхъ ямъ со встроеннымъ въ нихъ деревяннымъ или каменнымъ сооруженіемъ, какъ скиѳскія, это подземные склепы съ впускнымъ колодцемъ и камерой, въ которую клали трупы.

Хоронили здѣсь также конныхъ рыцарей, но безъ лошадей. Вмѣсто лошади иногда клали уздечную сбрую. Не наблюдается ни малѣйшаго слѣда человѣческихъ жертвоприношеній, нѣтъ даже случаевъ совмѣстнаго погребенія женщинъ и мужчинъ. Нѣтъ и типичныхъ для скиѳскихъ погребеній вещей. Отсутствуютъ горитъ съ лукомъ и стрѣлами, нѣтъ скиѳскаго акинака, обычныхъ для скиѳовъ круглодонныхъ металлическихъ сосудовъ, типичныхъ нашивныхъ бляшекъ.

Мечи имѣютъ иную форму, стрѣлы хранятся въ особыхъ колчанахъ, наряду съ чешуйчатымъ панцыремъ появляется новый типъ кольчатаго, въ конской сбруѣ впервые появляются стремена. Вмѣсто круглыхъ нашивныхъ бляшекъ съ штампованными украшеніями греческаго или мѣстнаго звѣринаго стиля, мы имѣемъ характерныя мелкія фигурныя нашивныя же бляшки въ формѣ креста, лиліи, стѣнныхъ зубцовъ и т. п., т. е. сплошь орнаментовъ, типичныхъ для восточнаго міра (табл. XIV, 4).

Но въ общемъ типъ вооруженія старый, старыми являются и основные типы вещей, удерживается и типичное для скиѳскихъ погребеній сочетаніе греческихъ, иранскихъ и мѣстныхъ вещей, послѣднее преимущественно керамика.

Среди греческихъ ювелирныхъ вещей, всегда, какъ мы видѣли, приспособлявшихся къ вкусамъ заказчиковъ, мы находимъ, наряду съ вещами старой техники и старыхъ формъ, цѣлую серію вещей новаго типа, свидѣтельствующихъ о новомъ торжествѣ старыхъ иранскихъ или до-иранскихъ вкусовъ и техническихъ навыковъ. Я имѣю въ виду ювелирныя вещи, въ которыхъ главное вниманіе обращено не на красоту формъ и на богатство линій фигурнаго, геометрическаго и растительнаго орнамента, стройность композиціи и пластику отдѣльныхъ фигуръ, а на экспрессію движенія, богатство расцвѣтки, красочность вещей, достигаемую комбинаціей драгоцѣнныхъ металловъ, цвѣтныхъ камней и цвѣтной эмали.

Этотъ принципъ красочности и многоцвѣтности исконенъ въ восточномъ искусствѣ и перешелъ оттуда въ греческую архаику вмѣстѣ съ соотвѣтственной техникой. Но въ классическій періодъ онъ былъ заброшенъ и продолжалъ жить и, вѣроятно, совершенствоваться только на родинѣ стиля и, до извѣстной степени, въ мастерскихъ Пантикапея для нѣкоторыхъ вещей. Во II в. до Р. Хр. мы наблюдаемъ въ тѣхъ же мастерскихъ Пантикапея новый расцвѣтъ стиля и техники, продолжающихъ совершенствоваться и развиваться. Не можетъ быть сомнѣнія, что импульсъ данъ былъ съ Востока, пришельцами, принесшими оттуда свои вкусы и подѣйствовавшими на направленіе работы пантикапейскихъ мастерскихъ.

Новый расцвѣтъ въ этой новой формѣ переживаетъ и звѣриный стиль и именно мѣстный звѣриный стиль,

Табл. XIV.

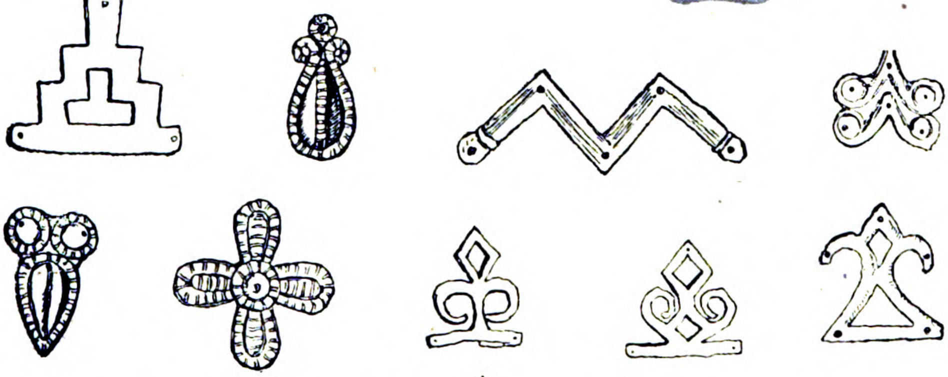
1.

2.

3.

4.

1. Рельефъ изъ руинъ Танаиса.—2. Золотая діадема съ камнями изъ окрестностей Новочеркасска. — 3. Золотой флакончикъ съ драгоцѣнными камнями, оттуда же. — 4. Золотыя нашивныя бляшки изъ сарматскихъ погребеній.

только частью испытавшій вліяніе звѣринаго іонійскаго стиля. Принципы его остаются тѣ же, но чувствуется въ немъ новая свѣжесть и сила, старыя схемы, превратившіяся уже въ шаблонъ, оживаютъ, и всему этому красочность и многоцвѣтность придаетъ особый отпечатокъ, грубый и утонченный одновременно. Наиболѣе блестящимъ образчикомъ этого стиля является недавно найденный около Майкопа поясъ съ пряжкой, изображающей грифона, терзающаго лошадь, и съ пояснымъ наборомъ въ видѣ многоцвѣтныхъ крыльевъ (табл. XIII, 1 и 2). Въ крыльяхъ, составляющихъ основу орнаментаціи поясного набора чувствуются мотивы, ведущіе насъ далеко на востокъ, въ сферу китайскаго художественнаго творчества.

Характернымъ примѣромъ приспособленія стараго греко-скиѳскаго убора къ новому вкусу можетъ служить золотая діадема, найденная около Новочеркасска, гдѣ причудливо сочетались эллино-скиѳская форма убора, греческіе орнаменты и рядъ грубыхъ орнаментовъ новаго стиля съ господствующимъ надъ всѣмъ этимъ стремленіемъ къ красочности и многоцвѣтности (табл. XIV, 2). Интереснымъ образчикомъ грубаго, но мощнаго звѣринаго стиля можетъ служить и золотой подвѣсный флаконъ той же новочеркасской находки съ фигурами звѣрей, расцвѣченными камнями и эмалью, мастерски приспособленными къ формѣ флакона. И въ этихъ грубыхъ фигурахъ характерна сила экспрессіи и движенія (табл. XIV, 3).

Тѣ же особенности видимъ мы и на очень характерныхъ раннихъ стеклянныхъ сосудахъ, одѣваемыхъ, вразрѣзъ греческому вкусу и навыкамъ, въ золотую оправу, расцвѣченную цвѣтными драгоцѣнными камнями со свѣшивающейся бахромой золотыхъ цѣпочекъ и золотыхъ привѣсокъ со вставленными въ нихъ драгоцѣнными камнями (табл. XIII, 4 и 5).

Почти всѣ особенности инвентаря кубанскихъ погребеній повторяются въ рядѣ другихъ находокъ въ степяхъ юга Россіи, особенно частыхъ въ Донской области. Почти не можетъ быть сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ любимыми вещами богатыхъ сарматскихъ племенъ, прежде всего аорсовъ и сираковъ, позднѣе алановъ.

И эти новыя вліянія идутъ по проторенным путямъ далеко на сѣверъ, проникая и въ бассейнъ Камы, и въ далекую Сибирь и создавая тамъ подражанія и приспособленія къ условіямъ мѣстнаго быта. Очень поучительно сравнить выше описанную пряжку пояса изъ Майкопа (табл. XIII, 2) съ сибирской бляхой, вѣроятно, конскаго набора, поступившей въ Эрмитажъ еще въ XVIII в. (табл. XIII, 3). Сцена та же: крылатый барсъ, терзающій лошадь. Фигура барса здѣсь поразительна напряженной энергій всего стального тѣла звѣря, экспрессіей кровожадной удовлетворенности головы. Но она, всетаки, далеко уступаетъ тѣмъ же особенностямъ майкопской фигуры грифона. Еще яснѣе оплощеніе въ фигурѣ умирающей лошади: каждый мусклъ головы лошади на майкопской пряжкѣ говоритъ о медленной агоніи издыхающаго въ неравной борьбѣ животнаго. На сибирской бляхѣ это уже превратилось въ схему.

Постепенно сарматы съ Кубани продвигаются на Таманскій полуостровъ, осѣдаютъ тамъ подъ именемъ Аспургіанъ, вытѣсняя синдовъ, и начинаютъ, какъ увидимъ ниже, играть видную роль въ Боспорскомъ царствѣ римскаго времени. И на Тамани появляются погребенія съ инвентаремъ новаго типа, вмѣстѣ съ сарматами проникаютъ они и въ самое Пантикапей, гдѣ, начиная со II в. по Р. Хр., начинаютъ играть весьма видную роль.

Еще важнѣе то, что сарматамъ удается то, что не удалось скиѳамъ. Они проникли глубоко въ Западную

Европу, дойдя до Испаніи. Съ собою они понесли свои вкусы, свою культуру, свои любимыя формы. Вещи сарматскаго типа, цѣлыя типичныя погребенія, мы находимъ и въ Австріи и даже въ далекой Нормандіи.

Появленіе сарматовъ не прошло безслѣдно. Оно способствовало появленію въ римскихъ провинціяхъ новаго стиля—романскаго, повліяло на такъ называемый готическій и внесло свою лепту въ исторію западноевропейскаго искусства.

VI. Греческія колоніи юга Россіи въ эпоху римскаго владычества.

Гибель понтійской и всечерноморской державы Миөрадата и крушеніе попытки востановленія этой державы при Фарнакѣ грозили эллинскому элементу на югѣ Россіи жестокими бѣдствіями. Иранство на востокѣ и өракійство на западѣ готовы были затопить слабые очаги эллинской культуры и городской жизни. Ольвія была взята и почти совершенно разрушена гетами, крымскіе скиөы окрѣпли и угрожали Боспору и Херсонесу, кубанскіе и донскіе сарматы надвигались на Тамань и на Танаисъ.

Если въ это трудное время эллинство не окончательно погибло и эллинскіе города всетаки удержались, хотя и подверглись очень сильной оріентализаціи, то этимъ они обязаны были, главнымъ образомъ, могучей поддержкѣ Рима, за которую они, однако, заплатили частью полной, а частью почти полной потерей своей политической самостоятельности.

Въ первое время, однако, Римъ, самъ утопавшій въ морѣ крови гражданской войны, не могъ обращать достаточнаго вниманія на отдаленные островки греческой жизни на Черномъ морѣ и болѣе или менѣе предоставлялъ ихъ своей судьбѣ. Все же уже Цезарь, послѣ побѣды надъ Фарнакомъ, не оставилъ безъ вниманія и эту окраину греческаго міра, такъ какъ исторія Миөрадата выяснила большое значеніе Причерноморья для

всего греческаго міра и съ положительной, и съ отрицательной стороны.

Богатыя мѣстности у сѣвернаго берега Чернаго моря всегда могли быть серьезнымъ рессурсомъ для всякаго рѣшительнаго противника Рима на Востокѣ и особенно въ рукахъ тѣхъ, кто пожелалъ бы объединить около себя сильный иранскій міръ,—единственнаго несломленнаго еще соперника римской міровой власти. Только рѣшительное укрѣпленіе римской гегемоніи въ Крыму могло этому помѣшать и вмѣстѣ съ тѣмъ обезопасить новыя области римской колонизаціи по теченію Дуная, гдѣ Цезарь, предполагавшій разбить и подчинить Риму объединившееся около гетовъ ѳракійство, надѣялся встать, наконецъ, твердой ногой. Только оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, могло обезпечить питающій тылъ для задуманнаго Цезаремъ рѣшительнаго удара иранству, въ лицѣ Парѳіи. Этотъ ударъ былъ ближайшей задачей Цезаря послѣ окончанія гражданскихъ войнъ и его онъ собирался осуществить послѣ предварительнаго сокрушенія объединителя ѳракійства Биребисты.

Это и сосредоточеніе войска въ Иллирикѣ и въ Македоніи показываетъ, что Цезарь разсчитывалъ наступать на Парѳію не изъ Сиріи, какъ это пытался, и неудачно, сдѣлать Крассъ, и какъ это, также неудачно, повторилъ преемникъ Цезаря на Востокѣ—Антоній, а, ставъ предварительно твердой ногой на Черномъ морѣ, по тому пути, по которому шли римскіе императоры послѣ Нерона и Флавіевъ, т. е. по побережью Чернаго моря съ питающимъ тыломъ въ Понтѣ, Каппадокіи и Виѳиніи, тѣсно связанными съ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря. Недаромъ же Цезарь поселилъ въ бывшей столицѣ Понтійскаго царства, ключѣ къ морскимъ торговымъ путямъ Чернаго моря, Синопѣ, колонію римскихъ ветерановъ. Еще показательнѣе, что онъ, по всей

вѣроятности, сдѣлалъ то же и въ Гераклеѣ, о тѣсной связи которой съ Крымомъ уже не разъ была рѣчь выше.

Надо принять, кромѣ того, во вниманіе, что и помимо этихъ ближайшихъ задачъ римской міровой политики, для осуществленія которыхъ власть надъ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря была однимъ изъ главныхъ условій, степи юга Россіи и ихъ окна въ культурный эллинскій міръ—греческія колоніи были однимъ изъ главнѣйшихъ рессурсовъ для возможности здороваго развитія всего эллинскаго средиземноморскаго міра. Онѣ издавна поставляли греческимъ городамъ Балканскаго полуострова и Малой Азіи хлѣбъ и сырье всякаго рода и прекращеніе или ослабленіе этого подвоза и вообще торговаго обмѣна съ югомъ Россіи, черезъ который, какъ я уже не разъ говорилъ, шелъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ караванныхъ путей съ Востока, были бы жестокимъ и тяжелымъ ударомъ для экономической жизни эллинской половины римской міровой державы, т. е. огромнымъ урономъ для экономическаго развитія всей этой державы.

Въ виду всего этого, Цезарь попытался установить прежде всего твердую власть на Боспорѣ, престолъ котораго послѣ пораженія Фарнака былъ свободенъ. Для замѣщенія этого престола онъ предназначилъ Миѳрадата Пергамскаго, знатнаго и богатаго малоазійскаго грека или полу-грека, связывавшаго себя съ Миѳрадатомъ Великимъ. Миѳрадатъ Пергамскій оказалъ большую услугу Цезарю въ критическій моментъ его жизни, когда Цезарь, послѣ побѣды надъ Помпеемъ, въ Александріи, въ Египтѣ, неожиданно наткнулся на рѣшительное сопротивленіе Александріи и Египта, сопротивленіе, грозившее ему гибелью, такъ какъ явился онъ въ Египетъ только съ очень незначительною воинскою силою. Изъ этого труднаго положенія выручилъ его

Миѳрадатъ, явившись, по зову Цезаря, въ Египетъ съ довольно внушительною силою. При этомъ онъ проявилъ и рѣшительность, и быстроту, и нѣкоторый военный талантъ.

Все это дѣлало его подходящимъ кандидатомъ на замѣщеніе отвѣтственнаго поста вассальнаго Риму царя части бывшаго царства Миѳрадата Великаго. Его греческое происхожденіе дѣлало его пріемлемымъ для понтійскихъ эллиновъ, а связь съ Миѳрадатомъ обезпечивала ему поддержку иранцевъ, сосѣдей Боспорскаго царства, имя Миѳрадата Великаго среди которыхъ пользовалось все еще колоссальнымъ престижемъ и которые въ силу этого оказали дѣятельную поддержку и Фарнаку. Наконецъ, въ его лицѣ возможно было объединить Понтъ - южное побережье Чернаго моря съ Боспоромъ, т. е. сѣвернымъ берегомъ, что было и естественно, и необходимо для дальнѣйшихъ военныхъ цѣлей Цезаря на Востокѣ.

Планъ Цезаря, однако, разбился о сопротивленіе самого Боспора, во главѣ котораго всталъ энергичный и дѣятельный Асандръ. Фарнакъ оставилъ его своимъ замѣстителемъ на Боспорѣ во время своего неудачнаго похода противъ Малой Азіи, кончившагося его пораженіемъ при Зелѣ. Съ разъ полученною властью Асандръ разстаться не захотѣлъ. Бѣжавшій въ Пантикапей, послѣ битвы при Зелѣ, Фарнакъ былъ преданъ Асандромъ и убитъ. Не пожелалъ уступить Асандръ своего мѣста и Миѳрадату Пергамскому. Походъ Миѳрадата на Боспоръ кончился неудачей, и Миѳрадатъ погибъ.

Мы не знаемъ, ни какого происхожденія былъ Асандръ, ни какія были его права на власть на Боспорѣ. Конечно, онъ не принадлежалъ къ роду Спартокидовъ, но, можетъ быть, былъ однимъ изъ знатныхъ боспорскихъ грековъ и потому пріемлемъ для тамошнихъ эллиновъ. Для упроченія своего положенія и пріобрѣтенія авторитета

среди иранскаго населенія онъ женился уже въ преклонномъ возрастѣ—власть онъ захватилъ на склонѣ лѣтъ—на Динаміи, дочери убитаго имъ Фарнака.

Счастье благопріятствовало Асандру.

Цезарь, который бы не простилъ Асандру его побѣды надъ Миѳрадатомъ, не могъ успѣть съ нимъ расправиться: войны въ Африкѣ и въ Испаніи и организація своей власти въ Римѣ заняли его въ ближайшие годы послѣ возвращенія съ Востока, а уже въ 44 году онъ былъ, какъ извѣстно, убитъ.

Между тѣмъ Асандръ проявилъ большой государственный умъ и большой воинскій талантъ. Ему удалось отстоять Боспоръ отъ нападеній сосѣдей какъ крымскихъ скиѳовъ, отъ которыхъ онъ отгородилъ свою территорію укрѣпленнымъ валомъ, такъ и сарматовъ. Онъ съумѣлъ укрѣпить за собой Танаисъ и обезопасить море отъ хозяйничавшихъ тамъ пиратовъ какъ мѣстныхъ кавказскихъ, такъ, вѣроятно, и болѣе регулярныхъ силъ, находившихся, какъ выше упомянутый ольвійскій арматеръ, на службѣ у скиѳскаго царства. Этими побѣдами Асандръ обезпечилъ себѣ прочную власть и укрѣпилъ экономическое положеніе своего царства, сохранивъ для него возможность стоять въ центрѣ торговаго посредничества.

Естественно, что при такихъ условіяхъ Антоній, очень нуждавшійся въ деньгахъ, а затѣмъ тріумвиры, занятые гражданской войной и нуждавшіеся въ союзникахъ на Востокѣ, не склонны были вспоминать о Миѳрадатѣ Пергамскомъ и о неисполненіи Асандромъ распоряженій Цезаря. Асандръ поэтому въ годъ смерти Цезаря былъ признанъ архонтомъ Боспора, т. е. законнымъ преемникомъ Спартокидовъ, а черезъ три года принялъ титулъ царя, признанный Римомъ. Все это, однако, при условіи подчиненія Риму на положеніи вассальнаго царя, какъ показываютъ его монеты и надписи.

Асандръ дожилъ до глубокой старости. Въ послѣдніе годы его правленія, уже въ эпоху принципата Августа (17/16 г. до Р. Хр.), ему пришлось имѣть дѣло съ притязаніями нѣкоего Скрибонія, выдававшаго себя за потомка Миѳрадата и, можетъ быть, дѣйствительно принадлежавшаго къ романизованной, какъ показываетъ его имя, понтійской знати. Его успѣхъ въ борьбѣ, объясняющійся, можетъ быть, негласной поддержкой Рима, недовольнаго слишкомъ самостоятельной политикой Асандра, привелъ Асандра къ самоубійству. Жена Асандра Динамія послѣдовала за сильнѣйшимъ и отдала свою руку убійцѣ мужа. Но власть Скрибонія была недолговѣчна. Онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ мѣстномъ греческомъ населеніи, очевидно, связанномъ съ Асандромъ, и былъ убитъ.

Смуты на Боспорѣ заставили Римъ серьезно присмотрѣться къ положенію дѣлъ въ Крыму. Въ это время Римъ прочной ногой всталъ на Дунаѣ, появился рядъ дунайскихъ римскихъ провинцій, сарматы сдѣлались сосѣдями Рима. Имѣть оплотъ противъ нихъ въ сердцѣ ихъ мощи или, во всякомъ случаѣ, наблюдательный пунктъ за ними было всецѣло въ интересахъ Рима. Боспорское царство въ тылу сарматовъ было большимъ козыремъ для Рима. Изъ Боспора легко было сломить сопротивленіе и крымскихъ скиѳовъ, создавъ прочное эллинизованное цѣлое, которое объединило бы весь Крымъ.

Таковы, по всей вѣроятности, были идеи Августа и исполнителя его предначертаній на Востокѣ Агриппы въ моментъ апогея завоевательной политики Августа, раздвинувшаго предѣлы римской державы до Эльбы и до Дуная. Недаромъ же Августъ въ надписи на своемъ мавзолеѣ, гдѣ онъ сообщаетъ гражданству о томъ, чѣмъ онъ былъ для Рима и чѣмъ Римъ ему обязанъ, сообщаетъ, говоря о своихъ военныхъ и дипломатическихъ успѣхахъ, о посольствахъ къ нему скиѳовъ и

донскихъ сарматовъ, а Агриппа, создавая свою карту и описаніе римской міровой державы, говоритъ о Сарматіи и Таврской Скиѳіи, какъ о двухъ частяхъ ея.

Все это, однако, было дѣломъ будущаго.

Для осуществленія его необходимо было прежде всего обезпечить себѣ вѣрнаго вассала на Боспорѣ. Возможно, что Асандръ казался Риму ненадежнымъ, еще менѣе надежны были Скрибоній и, особеннно, Динамія, настойчиво и не стѣсняясь въ средствахъ добивавшаяся сохраненія власти въ своихъ рукахъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и, вѣроятно, имѣвшая большой авторитетъ на Боспорѣ, какъ внучка Миѳрадата и жена Асандра. Вручить ей одной Боспоръ было неосторожно, не считаться съ нею невозможно.

Агриппа прибѣгъ къ старому средству Цезаря. Роль Миѳрадата Пергамскаго долженъ былъ сыграть знатный малоазійскій грекъ Полемонъ, которому Августъ отдалъ, въ свое время, Понтъ и Малую Арменію. Агриппа присоединилъ ко всему этому и Боспоръ, и Динамію, когда Скрибоній былъ устраненъ до вмѣшательства Рима.

Полемонъ встрѣтился на Боспорѣ со сложнымъ положеніемъ и большими трудностями. Около пяти лѣтъ его правленія (съ 14 года до Р. Хр.) ему пришлось вести непрерывную борьбу. Весьма вѣроятно, что эта борьба связана была съ тѣмъ сопротивленіемъ, которое онъ встрѣтилъ со стороны своей подневольной жены Динаміи. Бракъ съ Пиѳодоридой, знатной малоазійской гречанкой изъ Траллъ, вскорѣ послѣ занятія Боспорскаго престола, показываетъ, что его сожительство съ Динаміей было кратковременнымъ и кончилось разрывомъ. Весьма вѣроятно, что упорныя войны Полемона въ азіатской части его царства объясняются тѣмъ, что тамъ, среди сарматовъ, Динамія нашла себѣ поддержку и защиту ея попранныхъ правъ. Рядомъ съ нею, какъ

кажется, въ этой борьбѣ выступаетъ впервые Аспургъ, будущій царь Боспора, наслѣдникъ Динаміи. Цѣлый рядъ косвенныхъ указаній позволяетъ думать, что онъ либо былъ сыномъ Асандра, либо, что вѣроятнѣе, сарматомъ царскаго рода. Динамія, въ жилахъ которой, возможно, также текла царская сарматская или мэотская кровь (вспомнимъ о брачныхъ союзахъ Миѳрадата Великаго черезъ своихъ сыновей и дочерей со скиѳскими, сарматскими и мэотскими царями), нашла въ немъ союзника и, можетъ быть, мужа.

Во всякомъ случаѣ, только при этомъ предположеніи можно объяснить, что, послѣ гибели Полемона, обманутаго военной хитростью, въ землѣ Аспургіанъ, на Таманскомъ полуостровѣ, правитъ не жена его Пиѳодорида, а Динамія, а послѣ нея Аспургъ. Мнѣ представляется, что Аспургъ и Динамія во главѣ сарматской дружины подняли на азіатской сторонѣ Боспора и на Дону знамя войны противъ Полемона. Сначала Полемону удалось одержать верхъ, взять и разрушить Танаисъ, захваченный Динаміей и Аспургомъ (иначе разрушеніе Полемономъ Танаиса, основного источника доходовъ Боспора, было бы непонятно), но затѣмъ дружина Аспурга, его племя—Аспургіане завлекаютъ Полемона въ засаду на Тамани и убиваютъ.

Представляется, однако, страннымъ, какъ могъ допустить Августъ, чтобы его ставленникъ погибъ и его убійцы царствовали на Боспорѣ, безнаказанные и торжествующіе. Вспомнимъ, однако, что это случилось въ 9/8 г. до Р. Хр., т. е. въ эпоху первыхъ неудачъ великодержавной политики Августа, заставившихъ Августа сосредоточить все свое вниманіе на западѣ, въ Германіи и на Дунаѣ и вести на востокѣ политику, избавлявшую его, при всей ея твердости, отъ необходимости вооруженнаго вмѣшательства. Понятно, что въ такое время Августъ былъ склоненъ къ уступкамъ и не имѣлъ желанія

оружіемъ настоять на своемъ на далекой окраинѣ, которую теперь не время было превращать въ римскую провинцію.

Но уступка Августа не была полной. Боспоръ, правда, вернулъ свою самостоятельность и не былъ болѣе частью Понта. Понтъ остался въ рукахъ Пиѳодориды, на Боспорѣ правила Динамія. Но зато Боспоръ сдѣлался настоящимъ вассаломъ Рима. Асандръ чеканилъ золото со своимъ портретомъ, какъ почти независимый царь. Это, вѣроятно, и было, въ концѣ концовъ, причиной его гибели. Динамія также послѣ смерти Асандра выпускаетъ свою золотую монету со своимъ именемъ и портретомъ (см. табл. XV, 3). Послѣ смерти Полемона, хотя золото и продолжаетъ чеканиться на Боспорѣ, но на немъ мы видимъ головы римлянъ — покойнаго Агриппы, устроителя Боспора, и Августа; нѣтъ на немъ ни имени правящихъ династовъ, ни ихъ портретовъ, а только скромныя ихъ монограммы, единственное указаніе на принадлежность чекана Боспору.

Не выпускаетъ Динамія даже мѣди со своимъ именемъ и портретомъ. Мѣдь выпускается главными городами ея царства (то же, впрочемъ, было и при Миѳрадатѣ Великомъ), получившими автономію, очевидно, по требованію Римлянъ и принявшими имена: Фанагорія—Агриппіи, а Пантикапей—Кесаріи. Правда, изображеніе бюста великой мѣстной богини на этихъ монетахъ носитъ портретныя черты Динаміи, но имени ея на этихъ монетахъ нѣтъ. Сама Динамія воздвигаетъ памятники своимъ римскимъ владыкамъ и благодѣтелямъ. Словомъ, Боспоръ дѣлается полнымъ вассаломъ Рима и теряетъ послѣдніе остатки своей самостоятельности, которые сумѣлъ отстоять для него Асандръ.

Послѣ смерти Динаміи въ 7—8 г. по Р. Хр. наступилъ двухлѣтній неясный для насъ промежутокъ. Затѣмъ, начиная съ 10—11 г. по Р. Хр., во главѣ государ-

ства оказывается Аспургъ, правящій затѣмъ до 37—38 г. по Р. Хр., т. е. во все время правленія Тиберія. Сначала на своемъ золотѣ онъ ставитъ только монограмму своего личнаго имени, а затѣмъ, съ появленіемъ Тиберія во главѣ Рима, присоединяетъ къ ней и сокращеніе своего титула—букву β, начальную слова басилевсъ—царь.

Надо думать, что Аспургъ былъ соправителемъ Динаміи и при ея жизни, такъ что его правленіе было прямымъ продолженіемъ ея царства. Если дѣйствительно онъ былъ сарматомъ, не имѣвшимъ правъ на Боспоръ или имѣвшимъ ихъ только черезъ Динамію, то такое его положеніе при жизни Динаміи вполнѣ понятно и естественно.

Послѣ ея смерти онъ всталъ во главѣ государства и правилъ вплоть до своей кончины. Вассальныя отношенія его къ Риму строго поддерживались. Нѣкоторой льготой было только то, что наряду съ безымянною мѣдью съ монограммами, напоминавшими имя великаго Миѳрадата, которую начала чеканить, вѣроятно, еще Динамія и продолжалъ чеканить Аспургъ, онъ выпускаетъ мѣдь съ головой и именемъ римскаго императора на главной сторонѣ и со своимъ портретомъ и монограммой на оборотѣ.

Тѣмъ, что онъ удержался во главѣ государства послѣ смерти Динаміи, онъ, вѣроятно, обязанъ былъ, какъ и Асандръ, своимъ талантамъ правителя и военачальника, а также тому, что на это время падаетъ окончательное крушеніе завоевательной политики Августа, связанное съ тяжелымъ пораженіемъ легіоновъ Вара на Рейнѣ и трудными войнами на Дунаѣ. Риму было достаточно того, что Аспургъ не претендовалъ на расширеніе правъ Боспорскаго владыки. Извѣстно, что и Тиберій въ области внѣшней политики не возобновилъ завоевательныхъ попытокъ перваго періода Августа, держась политики охраны пріобрѣтеннаго. Вассальные цари въ типѣ Ас-

пурга—хорошіе правители и администраторы—были для него вполнѣ пріемлемы.

Если Аспургъ дѣйствительно былъ мужемъ, а не сыномъ Динаміи, то вполнѣ возможно, что отъ этого брака родился старшій сынъ Аспурга, получившій имя своего великаго прадѣда Миѳрадата. Послѣ смерти Динаміи Аспургъ, по политическимъ соображеніямъ, можетъ быть, по указанію изъ Рима, женился на ѳракійской принцессѣ Гепепирисъ, принадлежавшей, быть можетъ, къ дому ѳракійскихъ вассальныхъ царей, породнившихся съ понтійскими Полемонидами. Отъ этого брака Аспургъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ одного сына—Котиса, въ годъ его смерти бывшаго еще малолѣтнимъ. Дипломатическимъ бракомъ этимъ Римъ хотѣлъ, очевидно, связать въ одно цѣлое династіи, правящія вассальными причерноморскими царствами, отъ Понта до Боспора.

Послѣ смерти Аспурга престолъ перешелъ къ женѣ его Гепепирисъ. Но, наряду съ нею, выдвигается старшій сынъ Аспурга Миѳрадатъ, въ то время уже зрѣлый человѣкъ большой энергіи и большого политическаго честолюбія. Соправительство это врядъ ли было мирнымъ. Миѳрадатъ, какъ показываютъ его монеты, не склоненъ былъ довольствоваться скромнымъ положеніемъ вассальнаго династа. Черезъ годъ послѣ смерти Аспурга онъ позволилъ себѣ выпустить свое золото со своимъ именемъ, портретомъ и титуломъ царя и безъ всякаго упоминанія римскаго императора. Одновременно онъ выпускаетъ и мѣдь со своимъ именемъ, портретомъ и титуломъ царя на одной сторонѣ и именемъ, портретомъ и титуломъ царицы Гепепирисъ на другой сторонѣ. Сдѣлано ли это было съ вѣдѣнія и согласія Гепепирисъ, неизвѣстно.

Такія замашки не могли не обезпокоить римскаго правительства, такъ какъ грозили осложненіями на Востокѣ. Несомнѣнно, что Миѳрадатъ, опираясь на все

еще сильную популярность своего прадѣда въ иранскомъ мірѣ, искалъ и нашелъ поддержку въ сарматскихъ племенахъ Прикубанья и Придонья. Надо помнить, что въ это время сарматская опасность становилась все болѣе грозной для Римской имперіи, на которую сарматы напирали, какъ когда то скиѳы, и на сѣверѣ, и на югѣ, черезъ Кавказъ.

Калигула или, вѣрнѣе, его легаты въ соотвѣтственныхъ провинціяхъ постарались немедленно обезвредить смѣлаго царя. Они прибѣгли къ старому средству. На мѣсто Миѳрадата назначенъ былъ одинъ изъ Полемонидовъ, царь Понта—Полемонъ II. Но Полемонъ не сумѣлъ фактически осуществить свое право управленія. Безъ поддержки легіоновъ этого, конечно, сдѣлать было невозможно. Миѳрадатъ остался правителемъ Боспора. Надо помнить, что какъ разъ въ это время въ Римѣ Калигула былъ убитъ и во главѣ римскаго государства сталъ императоръ Клавдій. Въ первое трудное время своего правленія Клавдію было не до Боспора, и онъ призналъ совершившееся. Но, конечно, à la longue римское правительство не могло согласиться на такое положеніе вещей, тѣмъ болѣе, что Клавдій проводилъ очень опредѣленную политику дальнѣйшаго расширенія границъ Римской имперіи на востокѣ. Однимъ изъ его актовъ въ этомъ направленіи была аннексія Ѳракіи, т. е. всего западнаго побережья Чернаго моря.

Какъ только поэтому власть Клавдія укрѣпилась и линіи его внѣшней политики намѣтились, Миѳрадату, очевидно, поставлены были извѣстныя условія. Возможно, что Гепепирисъ склоняла его къ ихъ принятію, но Миѳрадатъ рѣшился отстаивать свое право съ оружіемъ въ рукахъ. Политика эта была безнадежна сама по себѣ и сдѣлалась еще болѣе безнадежной въ виду предательства брата Миѳрадата Котиса, посланнаго въ Римъ для

переговоровъ и перешедшаго всецѣло на сторону Рима, за что онъ получилъ въ Римѣ престолъ своего брата.

Миѳрадатъ пробовалъ сопротивляться, но римскія дунайскія войска подъ предводительствомъ Дидія Галла выбили его изъ Боспора и оставили тамъ свой небольшой гарнизонъ, который долженъ былъ служить опорой Котиса. Попытка Миѳрадата поднять мэотовъ и сарматовъ кончилась полуудачей. Миѳрадатъ успѣлъ захватить власть въ племени дандаріевъ и привлекъ на свою сторону царя сираковъ Зорсина, но Котисъ и римскій гарнизонъ нашли поддержку у придонскихъ аорсовъ и ихъ царя Евнона и разбили Миѳрадата и его союзниковъ. Миѳрадатъ былъ выданъ Риму и провелъ остатокъ дней своихъ въ Римѣ въ качествѣ плѣннаго.

Съ этого времени исторія Боспора проходитъ подъ знакомъ полнаго подчиненія Риму, съ большей или меньшей свободой дѣйствій, въ зависимости отъ общихъ условій жизни Рима и отъ общаго направленія внѣшней политики отдѣльныхъ римскихъ императоровъ, отъ успѣховъ и неуспѣховъ на Дунаѣ и на Востокѣ. Во главѣ Боспора утвердилась династія Аспурга. Она опредѣленно подчеркиваетъ свой двойственный національный характеръ—сарматско-ѳракійскій. Характерно, что цари всѣ носятъ либо имя Савроматъ, т. е. имя племени въ архаизирующей греческой передачѣ, превратившееся въ собственное личное имя, либо одно изъ двухъ ѳракійскихъ именъ—Рескупоридъ или Котисъ. Въ видѣ исключенія мы находимъ еще ѳракійское имя Реметалка и греческое скорѣе прозвище, чѣмъ имя, восходящее къ Миѳрадату,—Евпаторъ.

Греческаго элемента ни въ династическихъ именахъ, ни во внѣшнемъ обликѣ царей незамѣтно вовсе. Цари перваго и слѣдующихъ вв. по Р. Хр. тамъ, гдѣ они на своихъ мѣдныхъ монетахъ изображаютъ себя во весь ростъ, на конѣ во время боевой схватки (табл. XV, 8),

позже на конѣ въ актѣ адораціи божества (табл. XV, 11) или пѣшими въ царскомъ облаченіи на курульномъ креслѣ (табл. XV, 4), иногда какъ побѣдители враговъ-сосѣдей и тріумфаторы (табл. XV, 7) или съ атрибутами боговъ (табл. XV, 12), являются намъ въ болѣе раннее время въ образѣ ѳракійскихъ вассальныхъ династовъ, въ полуримскомъ кавалерійскомъ вооруженіи, позднѣе въ образѣ и костюмѣ иранскихъ царей.

Миѳологически они связываютъ себя съ миѳическими предками ѳракійскихъ царей—Геракломъ и Посейдономъ, причемъ наиболѣе близкая связь съ Геракломъ стоитъ, можетъ быть, въ связи съ мѣстнымъ греко-скиѳскимъ миѳомъ о происхожденіи скиѳскихъ царей отъ Геракла.

За время отъ смери Фарнака и до полнаго превращенія Боспора въ вассальное отъ Рима царство, т. е. за время полусамостоятельнаго существованія Боспора, Боспоръ не потерялъ ничего изъ своихъ старыхъ владѣній, за исключеніемъ Тамани, гдѣ, однако, поселившіеся сарматы-Аспургіаны признали верховную власть боспорскихъ царей.

Номинально къ составу Боспорскаго царства принадлежалъ и Херсонесъ, исторія котораго за это время очень темна. Возможно, что Херсонесъ послѣ побѣды Цезаря надъ Фарнакомъ получилъ свободу, т. е. вышелъ изъ состава понтійско-боспорскаго царства, въ которое онъ вошелъ при Миѳрадатѣ. Но позднѣе эта свобода, очевидно, была ограничена, и установленъ былъ, не безъ содѣйствія римской власти, тѣсный союзъ Херсонеса и Боспора, т. е. зависимость слабѣйшаго—Херсонеса отъ сильнѣйшаго—Боспора.

Разрушенная гетами Ольвія постепенно возрождается. Для всего Приднѣпровья и его господъ слишкомъ невыгодна была бы гибель Ольвіи, съ которой весь греческій міръ соединенъ былъ тѣсными торговыми связями. Возможно, что Ольвія возродилась подъ главен-

ствомъ вновь окрѣпшаго скиѳскаго крымскаго царства, которому не удалось захватить крымскихъ гаваней, главнымъ образомъ, Херсонеса.

Преданіе говоритъ о разрушеніи Танаиса Полемономъ I. Полное разрушеніе и уничтоженіе этого города мало вѣроятно. Возможно, что возродившійся въ ближайшее послѣ перенесеннаго испытанія время городъ былъ перенесенъ на новое мѣсто, такъ какъ раскопки на мѣстѣ Танаиса дали находки исключительно поздняго времени. Но раскопки ведены были давно и довольно первобытнымъ способомъ, и послѣднее слово объ исторіи Танаиса далеко еще не сказано.

Изъ городовъ Боспорскаго царства сильно пострадала Ѳеодосія. Возрожденіе скиѳскаго крымскаго царства лишило Ѳеодосію ея главнаго рессурса—крымскаго степного хлѣба, двинувшагося на западъ, и Ѳеодосія постепенно запустѣла.

Очень упалъ и Нимфей, хотя болѣе точныхъ свѣдѣній объ его исторіи мы не имѣемъ. Раскопокъ въ руинахъ древняго города до сихъ поръ по-настоящему произведено не было, некрополь же, наряду съ богатыми и многочисленными погребеніями V, IV и III вв. до Р. Хр., даетъ нѣкоторое количество погребеній и римскаго времени.

Меньше всего отразилось смутное время на городахъ Тамани. Фанагорія, Гермонасса и Горгиппія и въ римское время продолжаютъ быть крупными торговыми центрами. Теперь, однако, они окончательно вошли въ составъ Боспорскаго царства. Свобода, полученная Фанагоріей отъ Помпея въ награду за поднятое противъ Миѳрадата возстаніе, была, очевидно, недолговѣчна, автономія, полученная при Динаміи,—эфемерна и номинальна.

Во всѣхъ городахъ, какъ и въ Пантикапеѣ, наблюдается одно основное явленіе. Греческій элементъ все

слабѣетъ, и на поверхность выходитъ элементъ мѣстный. Это вытекаетъ и изъ именъ, извѣстныхъ намъ по надгробнымъ надписямъ: количество иранскихъ и ѳракійскихъ именъ все растетъ, количество чисто-греческихъ все падаетъ. То же явленіе наблюдается и во внѣшнемъ обликѣ населенія, о которомъ мы можемъ судить по надгробнымъ рельефамъ и нѣкоторымъ литературнымъ свидѣтельствамъ. Костюмъ, вооруженіе, самый типъ все болѣе и болѣе иранизируются. Ту же картину даетъ и Овидій для Томи, города тѣсно связаннаго со скиѳскимъ царствомъ въ Добруджѣ, дунайскими сарматами, ѳракійцами и кельтами. Въ погребеніяхъ типичный для болѣе ранняго времени обликъ грека-палестрита вытѣсняется полуварваромъ, вооруженнымъ дружинникомъ только по офиціальному языку все еще греческаго города. Характерно, что наряду съ надписями на греческомъ языкѣ на нѣкоторыхъ предметахъ обихода и на надгробныхъ памятникахъ появляются отдѣльные знаки иного письма и цѣлые тексты изъ этихъ пока еще загадочныхъ знаковъ.

Идея Цезаря, Агриппы и Августа о созданіи изъ сѣвернаго и южнаго побережья Чернаго моря прочной базы для широкой завоевательной политики Рима на Востокѣ только временно заглохла послѣ неудачъ Августа на Рейнѣ и на Дунаѣ, поведшей къ осторожной и сдержанной политикѣ Тиберія, не стремившагося къ новымъ завоеваніямъ, а старавшагося упрочить уже пріобрѣтенное. По мѣрѣ расширенія и укрѣпленія, путемъ военной колонизаціи, римскихъ завоеваній на Дунаѣ, послѣ созданія здѣсь ряда римскихъ провинцій, изъ которыхъ Нижняя Мэзія у устьевъ Дуная ближайшимъ образомъ связана была съ одной стороны съ райономъ сѣвернаго побережья Чернаго моря, прежде всего съ райономъ Днѣстра и городомъ Тирасомъ, съ другой стороны съ Ѳракіей, естественно было объединить бас-

сейнъ Дуная съ Македоніей и Эпиромъ съ одной стороны и обезпечить себѣ власть надъ ближайшимъ къ устью Дуная побережьемъ Чернаго моря.

Аннексія Ѳракіи при Клавдіи, присоединеніе къ провинціи Мэзіи при Неронѣ города Тираса и его области, укрѣпленіе римскаго вліянія въ Ольвіи, начиная съ эпохи Августа и Тиберія, т. е. первые шаги къ аннексіи и этого города показываютъ, какъ планомѣрны были дѣйствія римскаго императорскаго правительства. При Неронѣ сдѣланы были въ этомъ направленіи рѣшительные шаги. Неронъ затѣвалъ широкія завоеванія на Востокѣ. Войны его легата Корбулона въ Арменіи были первыми шагами въ этомъ направленіи. Въ связи съ этимъ стоитъ и аннексія до того времени вассальнаго Понта и превращеніе его въ римскую провинцію.

Но экспедиція Корбулона, въ общемъ не очень успѣшная, показала, что основой успѣховъ на Востокѣ является прочное владѣніе Чернымъ моремъ, не только южнымъ его побережьемъ, но и побережьемъ кавказскимъ и крымскимъ. Безъ этого невозможно было регулярное снабженіе необходимой для планомѣрныхъ дѣйствій противъ Арменіи и Парѳіи арміи, стоявшей въ Понтѣ и еще далѣе на востокъ и югъ въ Каппадокіи и Малой Арменіи. Морской путь подвоза и владѣніе хлѣбными рынками на Черномъ морѣ были необходимы для планомѣрныхъ дѣйствій въ такой же мѣрѣ, какъ созданіе хорошихъ сухопутныхъ путей сообщенія съ Балканскаго полуострова черезъ Босфоръ или Дарданеллы въ Виѳинію и дальше на Востокъ черезъ Понтъ и Каппадокію къ Евфрату.

Все это было очевидно, но требовало длительной и планомѣрной работы. Сильная скиѳская держава въ Крыму и несломленные сарматы на Дунаѣ и на югѣ Россіи, равно какъ и все крѣпшее царство ѳракійскихъ даковъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Нижней Мэзіей, т. е.

съ устьями Дуная, были несовмѣстимы съ этимъ планомъ. Между тѣмъ, римскій вассалъ на Боспорѣ Котисъ I не въ силахъ былъ справиться съ крымскими скиѳами, и Херсонесу вновь грозила опасность быть захваченнымъ скиѳами, а на Дунаѣ движеніе сарматовъ и бастарновъ и ростъ даковъ принимали все болѣе и болѣе грандіозные размѣры.

Большая экспедиція Плавтія Сильвана, легата Нижней Мэзіи, связанная съ дѣйствіями Корбулона въ Арменіи, должна была однимъ ударомъ рѣшить всѣ эти вопросы и подготовить почву для большого похода Нерона на Востокъ съ базой на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря и съ ближайшей задачей разбить грозное племя сарматскихъ алановъ, стихійное продвиженіе которыхъ въ задонскихъ степяхъ толкало прежде осѣвшія отъ Дона до Дуная сарматскія племена на римскія дунайскія провинціи.

Экспедиція Сильвана имѣла успѣхъ. Ему удалось удержать даковъ и сарматовъ на лѣвомъ берегу Дуная, хотя возможно, что ему пришлось всетаки уступить задунайскимъ племенамъ части римской территоріи на правомъ берегу Дуная. Лично или спеціально откомандированнымъ отрядомъ, доставленнымъ въ Крымъ, вѣроятно, по морю, Сильвану удалось отстоять отъ скиѳовъ Херсонесъ, отразивъ ихъ нападеніе на осажденный ими городъ и прогнавъ осаждавшихъ. Въ связи съ этимъ предприняты были широкія военныя реформы въ Крыму вообще.

Котисъ I потерялъ право чеканить монету. Если онъ остался царемъ Боспора, то, вѣроятно, только въ качествѣ простого агента Нерона, его прокуратора. На Боспорѣ вновь, какъ въ началѣ правленія Котиса, появились римскія войска. Особыя заботы приложены были къ тому, чтобы обезпечить Херсонесъ отъ нападеній скиѳовъ и удержать его всецѣло въ рукахъ

римлянъ. Для правильныхъ и постоянныхъ сношеній Крыма съ Понтомъ и обезпеченія подвоза туда изъ Крыма это было необходимо. Кромѣ того, Херсонесъ былъ единственной гаванью въ Крыму, которая могла дать безопасный и прочный пріютъ римской эскадрѣ, защищавшей Черное море и его торговое мореплаваніе отъ все развивавшагося пиратства.

Для этого мало было посадить въ Херсонесѣ римскій гарнизонъ и поставить въ его портѣ эскадру. Надо было обезвредить крымскихъ тавровъ-пиратовъ и преградить доступъ скиѳамъ къ Херсонесу черезъ горный Крымъ. Рядъ римскихъ крѣпостей долженъ былъ запереть немногочисленные естественные пути изъ степного Крыма въ область Херсонеса, другія должны были занять наиболѣе удобные для наблюденія за моремъ и за горнымъ Крымомъ пункты на южномъ побережьѣ Крыма. Важнѣйшей изъ первой серіи крѣпостей была, вѣроятно, крѣпость на главномъ пути изъ степного Крыма въ горный—старый греко-скиѳскій городъ Скилура около нынѣшняго Симферополя, врядъ ли носившій въ древности имя Неаполя. Во второй серіи первую роль играла крѣпость на нынѣшнемъ мысу Ай-Тодоръ, получившая греческое имя Хараксъ (укрѣпленіе). Руины этой крѣпости въ недавнее время были раскопаны и дали интересныя находки, освѣтившія намъ исторію этого римскаго военнаго поселенія. Возможно, что такую же крѣпость римляне соорудили и на Аю-дагѣ. И тамъ, и здѣсь они осѣли на мѣстѣ старыхъ таврскихъ крѣпостей-убѣжищъ, которыми полонъ горный Крымъ.

Большой походъ Нерона противъ алановъ и парѳянъ, какъ извѣстно, не осуществился и врядъ ли могъ дать хорошіе результаты. Почва для его успѣха далеко еще не была подготовлена. Неронъ самъ, какъ извѣстно, погибъ въ результатѣ возстанія Галліи и провинціаль-

ныхъ войскъ, не успѣвъ даже положить прочнаго основанія для задуманной имъ грандіозной экспедиціи.

Въ связи съ этимъ, какъ разъ въ годъ смерти Нерона и смуты въ Римѣ, возведшей на римскій престолъ одного за другимъ четырехъ императоровъ, т. е. въ 68/69 г. на Боспорѣ вновь появляется царь изъ старой династіи—Рескупоридъ I, признанный Римомъ царемъ на старыхъ основаніяхъ, т. е. какъ вполнѣ зависимый вассальный династъ, чеканящій золото отъ имени Рима со своей монограммой.

Укрѣпившаяся въ Римѣ династія Флавіевъ въ лицѣ первыхъ ея двухъ представителей — Веспасіана и Тита полностью поддерживаетъ старыя отношенія на Боспорѣ, т. е. строгую вассальность царя. Но идея аннексіи была оставлена. Поддерживается и военная оккупація Херсонеса, нужная для плановъ Веспасіана и Тита на востокѣ. Оба они планомѣрно развиваютъ систему прочнаго укрѣпленія подходовъ къ Арменіи и Парѳіи съ сѣвера, путемъ созданія сильной арміи на сѣверѣ въ Каппадокіи, наряду съ сирійской арміей. Въ связи съ этимъ стоитъ и укрѣпленіе Рима на кавказскомъ побережьѣ, начатое уже Корбулономъ, созданіе тамъ ряда приморскихъ крѣпостей и одновременно съ этимъ укрѣпленіе римскаго вліянія въ сильной Иберіи (Грузіи).

Съ началомъ правленія третьяго Флавія—Домитіана положеніе Боспора нѣсколько измѣняется. Экспедиція Сильвана на Дунаѣ далеко не разрѣшила всѣхъ грозныхъ дунайскихъ вопросовъ. Походъ Нерона не состоялся. А, между тѣмъ, положеніе на Дунаѣ все осложнялось, и Домитіану пришлось сосредоточить всю свою энергію и всѣ свои воинскія силы на дунайской и рейнской границѣ, которая всегда тѣсно связана была съ дунайской. Мы мало знаемъ исторію борьбы Домитіана на Дунаѣ. Особенно успѣшной она не была. Римъ потерпѣлъ рядъ пораженій и неудачъ, но въ общемъ ничего катастро-

фическаго не произошло. Тѣмъ не менѣе, пришлось, вѣроятно, убрать войска изъ Крыма и соотвѣтственно этому усилить власть боспорскаго царя.

Это немедленно сказывается на монетахъ Боспора. Вмѣсто монограммы, на золотѣ Рескупорида I съ 80 г. появляется его полное имя, что̀ и удерживается затѣмъ до конца существованія боспорскаго царства. Въ то же время впервые появляется на золотѣ и портретъ царя на главной сторонѣ монеты; оборотъ продолжаетъ нести голову римскаго императора. Возможно, что съ этого же времени Боспоръ для укрѣпленія своей воинской мощи и организаціи защиты Крыма отъ скиѳовъ и сарматовъ начинаетъ получать изъ Рима ежегодную субсидію, дающую ему возможность чеканить хорошее золото и на это золото покупать наемниковъ и союзниковъ.

То же положеніе дѣлъ удерживается и при Траянѣ, который энергично повелъ внѣшнюю политику Рима и на западѣ, и на востокѣ. Побѣда надъ даками и аннексія Дакіи на нѣкоторое время обезпечили дунайскую границу отъ нападеній съ сѣвера, походы въ Парѳію должны были создать такое же положеніе на восточной границѣ. Для прочности дѣла завоеванія на Востокѣ болѣе чѣмъ когда либо нужно было обезпеченіе восточнымъ арміямъ подвоза изъ Крыма. Поэтому Траянъ внимательно слѣдитъ черезъ своихъ проконсуловъ и легатовъ въ Виѳиніи и Понтѣ за положеніемъ дѣла на Боспорѣ и не щадитъ денегъ на поддержаніе военной энергіи сначала уже упомянутаго Рескупорида I, а затѣмъ его преемника Савромата I. Переписка Траяна съ знаменитымъ писателемъ этого времени Пливіемъ, легатомъ Виѳиніи, посланнымъ туда императоромъ съ экстра-ординарными полномочіями, въ связи съ подготовлявшимся Траяномъ походомъ на Востокъ, даетъ объ этомъ рядъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ. Траянъ и Савроматъ все время обмѣниваются письмами, спе-

ціальные уполномоченные Траяна находятся при дворѣ боспорскаго царя.

Въ связи съ этой дѣятельной политикой Траяна стоятъ успѣхи въ борьбѣ со скиѳами, которые запечатлѣны и въ надписяхъ Рескупорида и, особенно, Савромата, и на ихъ монетахъ. Впервые на мѣди Рескупорида и Савромата появляется рядъ побѣдныхъ изображеній на оборотѣ: царь, попирающій побѣжденнаго скиѳа у водруженнаго побѣднаго трофея (табл. XV, 7), летящая Побѣда съ вѣнкомъ въ рукѣ. Дѣятельно, очевидно на римскія деньги, идетъ сооруженіе укрѣпленій, городскихъ стѣнъ съ башнями и воротами въ городахъ Боспора, вплоть до Танаиса. И объ этомъ говорятъ намъ и надписи, и монеты. Надъ воротами города, какъ надъ римскими тріумфальными воротами, ставится конное изображеніе царя-побѣдителя (табл. XV, 9). Интересно отмѣтить, что, начиная съ этого времени, сѣверная часть Таманскаго полуострова покрывается цѣлою сѣтью крѣпостей-убѣжищъ, обезпечивающихъ населеніе отъ набѣговъ сосѣдей. Возможно, что этимъ же царямъ территорія Пантикапея и Тамани обязана, если не созданіемъ, то поддержаніемъ большихъ оборонительно-наблюдательныхъ валовъ, укрѣпленныхъ башнями на границахъ заселенной и обрабатываемой области.

Въ сферу дѣятельности боспорскихъ царей включаются и Херсонесъ, лишенный римской защиты, и Ольвія. Херсонесъ ощущаетъ это особенно болѣзненно, какъ рѣзкое нарушеніе своей когда то дарованной ему автономіи и свободы.

Интересно, что въ это же время въ числѣ высшихъ военныхъ чиновъ Боспора появляется особое лицо съ широкимъ титуломъ „завѣдующій царствомъ“. Носители этого титула обыкновенно получаютъ право римскаго гражданства и родовое имя императора. Это, по

всей вѣроятности, военные агенты римскаго императора, стоящіе рядомъ съ царемъ и помогающіе ему въ его военныхъ предпріятіяхъ.

Широко организуется и дипломатическая служба для постоянныхъ сношеній съ сарматами и близкаго за ними наблюденія, цѣлый штатъ драгомановъ-переводчиковъ.

Боспоръ дѣлается, такимъ образомъ, форпостомъ римскаго міра и римской военной мощи, выдвинутымъ въ міръ сѣвернаго иранства, государствомъ-буферомъ, государствомъ-развѣдчикомъ. Идея завоеванія сѣвернаго иранства была оставлена, но организована была систематическая освѣдомленность и сильное сопротивленіе противъ попытокъ лишить греко-римскій міръ столь нужнаго ему края, все еще дававшаго въ изобиліи и хлѣбъ, и сырье всякаго рода, и рабовъ.

Широкая завоевательная политика Траяна не была, какъ извѣстно, продолжена его преемникомъ Адріаномъ. Адріанъ стремился, какъ и Тиберій, прежде всего, оградить уже пріобрѣтенное, дать новымъ провинціямъ возможность мирно развиваться, создавъ на границахъ государства сильныя и дисциплинированныя арміи, опирающіяся на хорошо продуманную и прочно обстроенную линію пограничныхъ укрѣпленій, связанныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ или скомбинированныхъ со сплошнымъ пограничнымъ валомъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Британніи.

Югу Россіи, Крыму, Кавказскому побережью онъ удѣлилъ особое вниманіе. Случайно дошедшій до насъ военно-инспекторскій отчетъ его легата въ Каппадокіи, гдѣ сосредоточена была главная сѣверная армія для охраны армяно-пароянской границы, знаменитаго писателя и историка Арріана, даетъ намъ яркую картину сѣти приморскихъ укрѣпленій, расположенныхъ по южному и части восточнаго берега Чернаго моря.

Въ Крыму и на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря Адріанъ не пошелъ по намѣченному Траяномъ пути. Въ первое время сынъ Савромата I Котисъ II поддерживалъ энергичную политику своего отца и не безъ успѣха справлялся съ трудностями защиты своего государства. Адріаномъ даже подтверждены были, несмотря на протесты Херсонеса, его права на Херсонесъ и зависимость Херсонеса отъ Боспора. Но вскорѣ, вѣроятно, послѣ смерти Котиса въ 132—3 г. и вступленія на престолъ Реметалка, при Адріанѣ или уже при преемникѣ его Антонинѣ политика римскихъ императоровъ по отношенію къ Херсонесу и Крыму измѣнилась.

Боспоръ, очевидно, не въ состояніи былъ организовать эффективную защиту Херсонеса и его области отъ нападеній скиѳовъ, и Риму пришлось возстановить старый порядокъ, когда то установленный Нерономъ. Херсонесъ номинально получилъ свободу, т. е. перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе Рима, съ прямою зависимостью отъ легатовъ нижней Мэзіи. Въ немъ вновь появились римская эскадра и римскій гарнизонъ изъ легіонныхъ и вспомогательныхъ отрядовъ. Возродилась и римская военная граница херсонесской области, сѣть приморскихъ крѣпостей и сѣть укрѣпленныхъ пунктовъ, защищавшихъ подходы къ Херсонесу. Риму, такимъ образомъ, вновь пришлось взять непосредственно въ свои руки дѣло защиты Крыма, предоставивъ боспорскимъ царямъ только защиту своей территоріи, причемъ ихъ вниманіе по преимуществу сосредоточилось на дѣятельной оборонѣ Тамани и Танаиса отъ все болѣе и болѣе крѣпнувшихъ сарматскихъ племенъ.

Систему непосредственной защиты римскими войсками пришлось примѣнить и къ Ольвіи, защищать которую Боспору было еще труднѣе, чѣмъ оборонять Херсонесъ. Какъ и раньше, на власть надъ Ольвіей претендовали крымскіе скиѳы. При Антонинѣ они сдѣлали

новую энергичную попытку завладѣть городомъ, что̀ вынудило Римъ двинуть къ Ольвіи цѣлую армію изъ Нижней Мэзіи для защиты города. Въ связи съ этимъ, можетъ быть, уже при Адріанѣ и въ Ольвіи появляется римскій гарнизонъ изъ солдатъ мэзійской арміи.

Созданный Адріаномъ и Антониномъ порядокъ вещей удержался на долгое время. Одно время, при М. Авреліи, въ связи съ тою грандіозною борьбою, которая завязалась между Римомъ и сарматскими и германскими племенами на Дунаѣ, когда Риму пришлось напрячь всѣ свои силы и матеріальныя средства, чтобы отстоять свои дунайскія провинціи, и когда несчастія одно за другимъ сыпались на Римъ, тяжело пришлось и Боспору. Въ теченіе трехъ лѣтъ при преемникѣ Реметалка—Евпаторѣ, Боспоръ не въ состояніи былъ чеканить золотой монеты: очевидно, субсидіи римскаго правительства временно прекратились и Боспоръ переживалъ острый экономическій кризисъ.

Эпоха твердаго чисто военнаго режима династіи Северовъ въ Римѣ была послѣднимъ періодомъ сравнительнаго процвѣтанія Боспора и прочности его государственности. Энергичные цари Савроматъ II и Котисъ III, при содѣйствіи Рима, успѣшно осуществляли свою миссію борьбы съ западными и восточными сосѣдями, скиѳами и сарматами, дѣло отстаиванія греческихъ городскихъ центровъ на югѣ Россіи.

Послѣ нихъ, когда въ Римѣ началась затяжная смута III в. по Р. Хр., а на югѣ Россіи появились новые претенденты на власть и господство—сѣверные готы, на Боспорѣ начинается періодъ глубокаго упадка. Старая династія продолжаетъ жить и править; продолжаетъ кое какъ осуществлять свои функціи защитниковъ городскихъ центровъ; но дѣло это, безъ поддержки Рима, становится все болѣе и болѣе труднымъ. Сфера политическаго вліянія Рима все болѣе суживается, и ста-

рая греко-иранская жизнь на югѣ Россіи все болѣе увядаетъ. Греко-иранскій періодъ въ исторіи юга Россіи кончается, и начинается новый, гдѣ руководящую роль играютъ германскіе готы и преемники иранцевъ въ степяхъ юга Россіи смѣняющія одно другое тюркскія племена, греки же и иранцы отходятъ далеко на задній планъ.

VII. Государственность и культура въ греческихъ городахъ юга Россіи въ эпоху римскаго владычества.

(Табл. XV и XVI).

Таковы были судьбы греческихъ городовъ юга Россіи въ эпоху римскаго протектората или, вѣрнѣе, владычества. Изъ этихъ городовъ руководящую роль въ жизни сѣвернаго Причерноморья играетъ Пантикапей и города объединеннаго около него Боспорскаго царства, изъ которыхъ нѣкоторые выживаютъ и даже процвѣтаютъ (Фанагорія, Гермонасса, Горгиппія, Танаисъ), другіе хирѣютъ и влачатъ жалкое существованіе (Нимфей, Ѳеодосія).

Рядомъ съ Боспоромъ, продолжаетъ жить и развиваться Херсонесъ, особенно, со времени оккупаціи его римскими войсками. Правда, жителямъ туговато приходится отъ насилій и своеволія, а также поборовъ римскихъ солдатъ, но зато они могутъ быть спокойны и не заботиться о своей защитѣ. Характерно, что, благодаря римской защитѣ, къ греческой культурной жизни пріобщается почти незатронутый ею до того времени южный берегъ Крыма.

Съ возвышеніемъ Византіи Херсонесъ естественно выдвигается даже на первое мѣсто среди греческихъ городовъ Причерноморья, оставляя далеко за собою Пантикапей. Одновременно сравнительно пышно расцвѣтаетъ жизнь и на южномъ берегу Крыма, гдѣ по-

является рядъ до того времени несуществовавшихъ городскихъ центровъ (нын. Ялта, Гурзуфъ, Алушта).

Возродившаяся Ольвія влачитъ сравнительно жалкое существованіе. Населенная ея территорія очень сократилась, большинство зависимыхъ отъ нея поселеній на нижнемъ теченіи Буга и Днѣпра прекратили свое существованіе, некрополь ея становится бѣднымъ и однообразнымъ.

Въ первые три вѣка послѣ Рождества Христова на первомъ мѣстѣ стоитъ, несомнѣнно, Пантикапей. Его благосостояніе, судя по его некрополю, надписямъ и остаткамъ построекъ отнюдь не упало. Какъ и раньше, мы имѣемъ рядъ богатѣйшихъ монументальныхъ подкурганныхъ склеповъ, съ богатыми погребеніями въ нихъ. Большинство украшено дорогою и сложною росписью. То же надо сказать и о большихъ склепахъ съ лежанками, вырубленныхъ въ скалѣ и глинѣ, большихъ погребальныхъ комнатахъ, часто сплошь расписанныхъ. Впечатлѣніе богатства или, во всякомъ случаѣ, зажиточности оставляютъ и болѣе скромныя погребенія тѣхъ же типовъ, что̀ и въ предшествующій періодъ.

Въ очень многихъ покойники погребаются не въ простыхъ, сколоченныхъ изъ досокъ, гробахъ, а въ настоящихъ роскошныхъ каменныхъ или деревянныхъ саркофагахъ. Въ эпоху поздняго эллинизма и ранней имперіи деревянные гробы и саркофаги представляютъ изъ себя превосходные образчики токарнаго и инкрустаціоннаго искусства, позднѣе ихъ украшаютъ гипсовыми и глиняными фигурными прилѣпами въ очень большомъ количествѣ, иногда цѣлыми сценами, имѣющими отношеніе къ загробной жизни (особенно популярна сцена гибели дѣтей Ніобы—Ніобидовъ). Почти въ каждомъ, даже самомъ бѣдномъ погребеніи, встрѣчаются и стекляная, иногда очень изящная, посуда, и разно-

образныя бусы, и различныя золотыя украшенія; почти вездѣ мы находимъ золотой погребальный вѣнокъ. Очень характерно большое количество оружія, имѣющееся почти во всякомъ мужскомъ погребеніи. Утварь палестрита зато исчезаетъ. Въ I и II вв. по Р. Хр. значительное число обычныхъ погребеній украшалось каменными надгробными памятниками съ надписью, содержащей имя покойника, и рельефомъ, изображающимъ какую нибудь изъ сценъ погребальнаго характера, по большей части, изображеніе покойника, какъ героя, въ одной изъ обычныхъ схемъ (на лежанкѣ, какъ объектъ культа, или на конѣ, какъ герой-воитель въ полномъ вооруженіи).

Создается впечатлѣніе, что средняя обезпеченность жителей Пантикапея, говорившихъ по-гречески, даже выше, чѣмъ въ предшествовавшія эпохи, настолько дорогъ, хотя и шаблоненъ, погребальный реквизитъ.

Основною особенностью, характеризующею укладъ быта Пантикапея и другихъ греческихъ городовъ Причерноморья эпохи ранней имперіи, является сильнѣйшая, дотолѣ невиданная, иранизація всего уклада государственной, религіозной и культурной жизни.

Въ области государственности наиболѣе интереснымъ явленіемъ надо считать развитіе царской власти на Боспорѣ. Всѣ слѣды автономіи гражданства послѣ Миѳрадата исчезаютъ. Кое какіе пережитки сохраняются въ одной только Фанагоріи, получившей автономію, какъ было указано выше, при Помпеѣ; но они имѣютъ исключительно формальный и терминологическій характеръ. На самомъ дѣлѣ царитъ неограниченная монархическая власть, для всѣхъ подданныхъ равная. Отъ старой двойственности власти не осталось и слѣда.

Неограниченный абсолютизмъ по отношенію къ подданнымъ сочетается съ полною вассальною зависимостью отъ Рима, о которой уже была рѣчь и за раз-

витіемъ которой мы прослѣдили выше. Она сказывается, прежде всего, и въ римскомъ имени царя—Тиберій Юлій, имени, которое, вѣроятно, уже Аспургъ получилъ вмѣстѣ съ римскимъ гражданствомъ и передалъ всему своему потомству; индивидуальность династіи сохраняется только въ личныхъ прозвищахъ отдѣльныхъ царей, о которыхъ также уже была рѣчь. Явленіями того же порядка надо считать и эпитеты царя: „любящій Римъ" и „любящій Цезаря" — филоромей и филокесарь; и то, что цари носятъ на офиціальныхъ памятникахъ титулъ верховнаго жреца правящаго императора, т. е. являются блюстителями его культа въ царствѣ; и то, что они получаютъ отъ императоровъ знаки своей власти, дѣлающіе изъ нихъ нѣчто среднее между царемъ и римскимъ магистратомъ: съ одной стороны — скипетръ съ бюстомъ императора и царскій вѣнецъ, можетъ быть, также съ портретомъ императора на украшающей его центральной геммѣ, съ другой—курульное римское кресло и римскую одежду—тогу.

Очень характерны офиціальные почетные дары римскихъ императоровъ боспорскимъ царямъ, нѣчто вродѣ знаковъ инвеституры — полное кавалерійское римское вооруженіе: мечъ, копье, круглый щитъ, сѣкира, шлемъ съ султаномъ, лошадь. Все это—и знаки власти, и почетные дары—неукоснительно изображается царями I и II вв. по Р. Хр. на оборотахъ ихъ мѣдныхъ монетъ (см. табл. XV, 4, 5 и 6).

Сказывается, затѣмъ, вассальность и въ томъ, что на всѣхъ золотыхъ монетахъ изображается, наряду съ головой царя, и голова правящаго императора, т. е. монеты выпускаются отъ имени сюзерена. По вѣсу и стоимости монеты эти всецѣло соотвѣтствуютъ монетамъ обще-государственнымъ. Отмѣчу еще, наконецъ, что въ эпоху Евпатора Пантикапей какъ бы дѣлается римской колоніей. Въ немъ сооружается храмъ рим-

скихъ высшихъ боговъ, капитолійской тріады, обозначаемый техническимъ для римскихъ колоній именемъ Капитолія.

Но, наряду съ этимъ, царская власть сохраняетъ свой мѣстный и притомъ негреческій и неѳракійскій, а иранскій характеръ. Какъ только цари получаютъ возможность облечься полнымъ титуломъ своей власти, какъ они ее понимали, они принимаютъ титулъ „царя царей“, подчеркивающій ихъ связь съ иранскимъ міромъ, со старой персидской династіей и съ ихъ родоначальникомъ Миѳрадатомъ. Какъ только они получаютъ нѣкоторую свободу дѣйствія въ эпоху ослабленія центральной власти, начиная съ М. Аврелія, они смѣняютъ свой обликъ римско-ѳракійскаго кавалерійскаго генерала, каковыми они являются на монетахъ I в. по Р. Хр. (табл. XV, 8), на обликъ почтеннаго и тяжеловѣснаго иранскаго царя, облеченнаго въ иранскую одежду, вооруженнаго на иранскій ладъ, съ длиннымъ иранскимъ скипетромъ безъ бюста императора въ рукѣ (табл. XV, 11). Поза изображеннаго въ этомъ видѣ царя, сидящаго на тяжелой грузной лошади, позволяетъ думать, что онъ изображается въ актѣ молитвы, направленной къ верховному небесному божеству—иранскому Аура-маздѣ.

Религіозная жизнь Боспора интересующаго насъ времени намъ плохо извѣстна. Но нѣкоторыя характерныя указанія сохранились. Наряду съ официіальнымъ культомъ императора и римскихъ государственныхъ боговъ, сказывающимся очень слабо, наряду съ навѣяннымъ эллинизмомъ культомъ самихъ царей, отожествляемыхъ съ Посейдономъ и Геракломъ, предками ихъ ѳракійскихъ родоначальниковъ (табл. XV, 12), господствуетъ, почти подавляя остальные, одинъ культъ — старый мѣстный культъ великой верховной богини. Только ея храмы засвидѣтельствованы намъ на Тамани, только ея из-

Табл. XV.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

1. Бронзовый бюстъ Динаміи.—2. Мраморный бюстъ одного изъ боспорскихъ царей I в. по Р. Хр. — 3. Золотой статеръ Динаміи. — 4—12. Обороты мѣдныхъ монетъ боспорскихъ царей I—III в. по Р. Хр.

ображеніе появляется на мѣдныхъ монетахъ боспорскихъ царей, начиная съ Динаміи. Она, отожествленная съ Афродитой, всецѣло царитъ на монетахъ съ того времени, когда въ III в. по Р. Хр. постепенно осуществляется, подъ давленіемъ событій, эмансипація Боспора отъ Рима (табл. XV, 10). Очень вѣроятно, что ея спутникомъ было великое мужское божество, которое позднѣйшій синкретизмъ, не безъ вліянія іудейства, называлъ высочайшимъ богомъ (theos hypsistos) и который, вѣроятно, тожественenъ съ ѳракійскимъ и кавказскимъ Сабазіемъ.

Особенно ярко сказывается иранизація на вооруженіи и костюмѣ боспорцевъ, въ общемъ мало чѣмъ отличающемся отъ вооруженія и костюма ольвійцевъ, херсонесцевъ и другихъ жителей городовъ сѣвернаго Причерноморья того же времени. Вооруженіе теперь носитъ чисто иранскій характеръ; до этого, еще въ эпоху поздняго эллинизма, оно имѣло иной кельто-эллинскій типъ. Основными его частями являются: скиѳо-сарматскій чешуйчатый или кольчатый панцырь, иногда греческій, но чаще иранскій коническій шлемъ, круглый или овальный щитъ, какъ оборонительное оружіе; скиѳскій лукъ и стрѣлы, большое штурмовое копье, дротики, мечъ и кинжалъ, какъ оружіе наступательное, т. е. типичное вооруженіе скиѳскихъ и сарматскихъ конныхъ тяжеловооруженныхъ лучниковъ и копейщиковъ, каковыми пантикапейцы изображаются и въ росписяхъ ихъ гробницъ, и на надгробныхъ стелахъ. Иранскимъ является и техника ихъ коннаго боя, не разъ изображаемаго на росписяхъ гробницъ. Обычно это конный бой двухъ рыцарей или двухъ конныхъ ратей, которыхъ поддерживаетъ ихъ пѣшая дружина (табл. XVI, 2 и 3). То же, что мы имѣемъ и для III в. до Р. Хр. на гребнѣ и горитѣ Солохи.

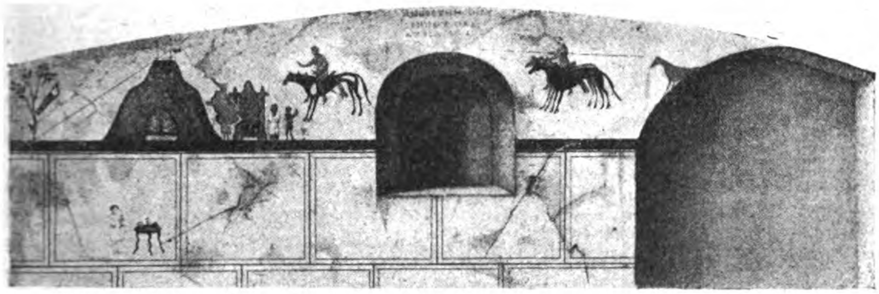
Какую одежду носили греки Боспора въ эпоху Спартокидовъ, мы не знаемъ. Но въ эпоху имперіи она почти

совершенно иранская, съ нѣкоторою только примѣсью греческихъ элементовъ. Иранскими надо считать штаны и сапоги, а также верхній камзолъ. Греческое вліяніе можно видѣть въ плащѣ и хитонѣ, которые сочетаются съ вышеназванными частями костюма.

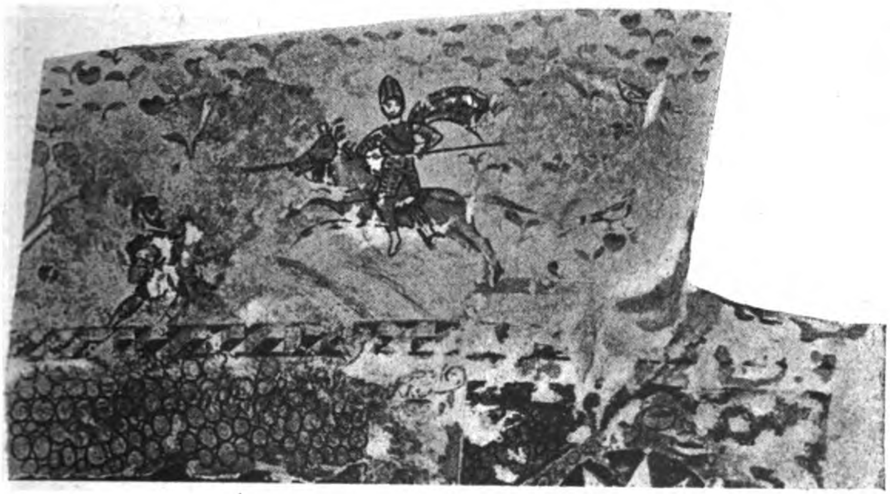
Въ иранскомъ внѣшнемъ обликѣ сказывается не только иранское вліяніе, а несомнѣнная иранизація населенія по крови и по воззрѣніямъ. Правда, официальнымъ языкомъ всѣхъ городовъ Причерноморья является языкъ греческій; его мы видимъ и на монетахъ, и въ надписяхъ. Греческая культура и образованность высоко цѣнятся. Ольвійцы конца I в. по Р. Хр. являются фанатическими поклонниками Гомера и Платона. По-гречески образованные и ученые пантикапейцы возбуждали общій почетъ и удивленіе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя надгробія. Боспорцы любили изящныя стихотворныя эпитафіи. Очевидно, вся школа была греческой.

Но, наряду съ этимъ, греческихъ именъ въ населеніи Боспора—и въ Пантикапеѣ, и въ Ольвіи, и въ Горгиппіи, и въ Танаисѣ—становится все меньше и меньше. Ихъ вытѣсняютъ имена иранскія и ѳракійскія, т. е. мѣстныя. И надо думать, что для очень многихъ роднымъ языкомъ не былъ греческій, греческій же былъ только языкомъ школы и государства. Я уже указывалъ на то, что исчезаетъ изъ обихода и греческая палестра, и греческій гимнасій. На ихъ мѣсто становится суровая военная школа, проходимая въ военно-религіозныхъ сообществахъ городской аристократіи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Общій внѣшній обиходъ жителей Пантикапея, насколько можно судить по вещамъ, находимымъ въ погребеніяхъ, сохраняетъ обще-античный греко-римскій характеръ. Бронзовая, стекляная и глиняная посуда и лампы не имѣютъ какихъ-либо специфическихъ особен-

1.

2,

3.

1. Часть росписи склепа Анѳестерія въ Пантикапеѣ. — 2. 3. Части росписи склепа, описаннаго Стасовымъ, въ некрополѣ Пантикапея.

ностей и получались на Боспорѣ изъ тѣхъ же центровъ производства, изъ которыхъ они приходили и въ другія мѣста античнаго міра. То же вѣроятно надо предполагать и для матерій, значительные куски которыхъ, какъ и для предыдущей эпохи, сохранились въ погребеніяхъ Пантикапея.

Но, наряду съ этими общеантичными ввозными вещами, типичными для всего тогдашняго культурнаго міра, мы находимъ въ Пантикапеѣ и другихъ городахъ сѣвернаго Причерноморья, но больше всего и опредѣленнѣе всего въ Пантикапеѣ, рядъ отраслей производства и спеціально художественной промышленности, продукты которыхъ носятъ опредѣленно мѣстный характеръ и поэтому представляютъ особый интересъ. Если можетъ быть нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что столярныя и токарныя вещи—саркофаги, гробы, мебель, туалетные ящички и т. п. — изготовлялись на мѣстѣ, и можно думать, что наиболѣе тонкіе изъ нихъ ввозились, то, во всякомъ случаѣ, характерныя гипсовыя и терракотовыя налѣпныя украшенія гробовъ дѣлались, несомнѣнно, въ Пантикапеѣ, равно какъ и болѣе грубыя глиняныя статуетки, въ большомъ числѣ клавшіяся въ могилы.

Среди нихъ очень интересны нѣкоторыя специфически боспорскія вещи, отражающія бытъ и религіозныя воззрѣнія пантикапейцевъ. Таковы, напримѣръ, глиняныя модели повозокъ, грузовыхъ телѣгъ и кочевыхъ юртъ, которыя находятся иногда въ дѣтскихъ погребеніяхъ эпохи ранней имперіи. Онѣ рѣзко подчеркиваютъ нѣкоторыя стороны быта и экономической структуры Пантикапея, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Въ высокой степени важны грубыя изображенія боговъ, клавшіяся въ могилы. Отмѣтимъ здѣсь, прежде всего, значительное количество статуетокъ уже знакомой намъ великой богини, главнаго мѣстнаго божества, имѣвшаго, очевидно, ближайшее отношеніе и къ загробной жизни.

Еще интереснѣе грубыя глиняныя статуетки съ подвижными членами, часто итифаллическія, частью находимыя въ дѣтскихъ погребеніяхъ. Если нѣкоторыя изъ нихъ можно считать обыкновенными игрушками безъ какого-либо спеціальнаго значенія, то, съ другой стороны, многія настолько странны и особенны, настолько непохожи на обычные продукты греко-римскаго міра, изображаютъ такія диковинныя человѣческія фигуры съ рядомъ специфическихъ, иногда непонятныхъ атрибутовъ, что объяснить ихъ можно только какъ пластическую передачу извѣстныхъ специфическихъ вѣрованій и суевѣрій мѣстнаго населенія, какъ фигуры демоновъ и боговъ, близкихъ мѣстному населенію, но совершенно чуждыхъ остальному античному міру.

Поразительно интересна живопись Пантикапея, росписи богатыхъ гробницъ и саркофаговъ, несомнѣнно, изготовлявшіяся мѣстными мастерами. Помимо того бытового интереса, который представляютъ ихъ полуреалистическіе и миѳологическіе сюжеты, отражающіе бытъ и религіозныя вѣрованія мѣстныхъ жителей, особенно важенъ ихъ стиль. Если въ наиболѣе раннихъ мы имѣемъ обще-эллинистическій стиль, свойственный всему эллинистическому востоку, то въ болѣе позднихъ мы находимъ такія черты, которыя получаютъ свое объясненіе только при сличеніи съ немногими памятниками декоративной скульптуры иранскаго парѳянскаго царства и съ болѣе многочисленными скульптурами сасанидской Персіи, расцвѣтъ которой начинается съ III в. по Р. Хр.

Роспись гробницы, описанной Стасовымъ, даетъ въ этомъ отношеніи наиболѣе поучительный примѣръ. То же нужно сказать и объ общей схемѣ росписи, имитирующей, начиная со II в. по Р. Хр., украшеніе стѣнъ иранскихъ дворцовъ разноцвѣтными мраморами въ техникѣ инкрустаціи. Интересно, что рядъ кусковъ разно-

цвѣтныхъ мраморовъ, частей настоящей облицовки стѣнъ и половъ, найденъ былъ въ руинахъ, открытыхъ на такъ называемой Миѳрадатовой горѣ въ Керчи, и принадлежалъ, несомнѣнно, къ убранству царскихъ дворцовъ и домовъ пантикапейской знати, находившихся на вершинѣ и отдѣльныхъ терассахъ этого политическаго и религіознаго центра Пантикапея.

Въ высокой степени поучительна оригинальная серія росписей пантикапейскихъ гробницъ и для исторіи воззрѣній пантикапейцевъ на будущую загробную жизнь. Въ первое время мы встрѣчаемся съ чисто греческими взглядами. Такъ, въ раннихъ могилахъ предыдущаго періода мы находимъ росписи, изображающія ограду святилища, посвященнаго культу усопшаго героя; на фризѣ этой ограды въ одномъ погребеніи изображенъ живописью весь типичный для греческихъ погребеній гимнастическій и палестрическій аппаратъ: стригили, повязки, вѣнки, кожаные и глиняные сосуды для масла, полотенца и т. п. (табл. XI, 4). Но уже и въ это время мы имѣемъ указанія на особую связь съ погребеніями великой эллинской богини подземнаго царства—Коры, которую, какъ я уже говорилъ, мѣстные жители отожествляли со своей великой богиней.

Въ началѣ римскаго времени эта связь становится особенно сильной, и миѳъ о Корѣ, ея похищеніи богомъ подземнаго царства Плутономъ, блужданіяхъ ищущей ее Деметры становится особенно популяренъ и изображается постоянно въ росписяхъ отдѣльныхъ погребеній. Во многихъ случаяхъ мы можемъ установить, что миѳъ этотъ проникъ въ Пантикапей вмѣстѣ съ мистеріями, связанными въ Элладѣ съ культомъ Коры. Весьма вѣроятно, что и въ эту эпоху своей популярностью на Боспорѣ миѳъ и культъ Коры обязаны были тому, что они отвѣчали мѣстнымъ религіознымъ воз-

зрѣніямъ, связывавшимъ загробную жизнь съ культомъ великой мѣстной богини.

Еще яснѣе связь съ мѣстными религіозными воззрѣніями наиболѣе поздней группы расписныхъ гробницъ Пантикапея, гдѣ, какъ и на позднихъ монетахъ, упадокъ культурной жизни и культурныхъ навыковъ сказывается въ необычайной грубости и примитивности изображеній, въ рѣзкой геометризаціи обычныхъ греческихъ орнаментовъ. Изображенные въ этихъ погребеніяхъ сюжеты, несомнѣнно, относятся къ жизни религіозныхъ мужскихъ братствъ, къ ихъ мистическимъ и оргіастическимъ празднествамъ въ честь великаго мѣстнаго „высочайшаго бога“ Сабазія, о которомъ уже была рѣчь.

И здѣсь мы такимъ образомъ встрѣчаемся съ тѣмъ же процессомъ все большаго усиленія мѣстнаго уклада жизни, по преимуществу иранскаго, каковое достигаетъ своего апогея въ III в. по Р. Хр.

Наконецъ, отмѣчу еще оригинальную область мѣстнаго творчества—пантикапейскую торевтику и ювелирное дѣло, гдѣ, какъ уже было указано, Пантикапей создалъ свою школу еще въ IV в. до Р. Хр. Существованіе пантикапейскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, работавшихъ, главнымъ образомъ, на сосѣдей, мы предполагали уже въ предыдущей главѣ. Работали эти мастера въ выше охарактеризованномъ стилѣ, несомнѣнно, не только для сосѣдей Боспора, но и для мѣстныхъ жителей, среди которыхъ эти работы находили себѣ все бо̀льшій и бо̀льшій спросъ. Этотъ ростъ спроса на вещи, сработанныя въ иранскомъ духѣ и вкусѣ, въ высшей степени характеренъ. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ многоцвѣтный ювелирный стиль переходитъ въ такъ называемый готскій или меровингскій, онъ начинаетъ не только встрѣчаться, но и преобладать въ пантикапейскихъ погребеніяхъ эпохи готскаго владычества.

Параллельно этому идетъ и измѣненіе самого обряда погребенія. Надо считаться съ тѣмъ, что погребальный обрядъ и обычаи вообще отличаются вездѣ и всегда особой устойчивостью. Тѣмъ не менѣе, иранизація населенія Боспорскаго царства была такъ велика, что уже въ I в. по Р. Хр. мы встрѣчаемся съ погребеніями мѣстныхъ жителей, стоящими подъ сильнымъ вліяніемъ иранскаго обряда, а позднѣе погребенія съ полу-греческимъ обрядомъ становятся обычными. Какъ на рѣшающіе признаки иранскаго обряда, укажу на погребеніе коня или конской сбруи вмѣстѣ съ покойникомъ, на золотую погребальную маску въ одномъ погребеніи III в. по Р. Хр., обычную въ парѳянскихъ погребеніяхъ и т. п.

О соціальной и экономической структурѣ греческихъ городовъ Причерноморья въ эпоху римскаго владычества мы имѣемъ довольно скудныя, но очень характерныя свѣдѣнія, притомъ, въ сущности говоря, для одного Пантикапея. Ольвія и Херсонесъ, сохраняющія видимость своей старой городской структуры, для насъ менѣе ясны.

Въ общемъ старая структура сохраняется. Какъ и раньше, экономическая мощь Пантикапея основывается на его посреднической торговлѣ сырьемъ, главнымъ образомъ, хлѣбомъ. Въ этой торговлѣ руководящую роль играетъ самъ царь—главный экспортеръ и, можетъ быть, арматеръ. Наряду съ нимъ работаетъ все населеніе Пантикапея: владѣльцы экспортныхъ конторъ, торговцы, объѣзжающіе сосѣдей, мѣстные ремесленники. Какъ и раньше, вывозная торговля находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ иноземныхъ купцовъ, въ этотъ періодъ, главнымъ образомъ, купцовъ южночерноморскихъ городовъ—Синопы, Амасіи, Амиса, Гераклеи, Трапезунта. Какъ и раньше, наконецъ, значительная часть пантикапейскихъ гражданъ, особенно

наиболѣе зажиточныхъ эксплуатируетъ, по-скольку это возможно, городскую территорію, на которой она ведетъ большое земледѣльческое и скотоводческое хозяйство. Особенно процвѣтало, насколько можно судить, коневодство.

Объ этой послѣдней сторонѣ экономической жизни Пантикапея мы освѣдомлены особенно хорошо. Роспись нѣсколькихъ гробницъ показываетъ намъ, какія формы принимала эта эксплоатація территоріи. Мы видимъ, что постоянныхъ экономій въ степи не имѣется. Можетъ быть, тамъ и живетъ въ легкихъ постройкахъ шалашнаго типа, соединяющихся въ цѣлыя деревни, мѣстное населеніе, но указаній на существованіе типичныхъ для другихъ провинцій Рима виллъ крупныхъ помѣщиковъ съ жилыми и хозяйственными постройками мы не имѣемъ. Напротивъ, упомянутыя росписи показываютъ намъ, что помѣщики выѣзжали въ свои земли только на лѣто, на время пахоты, сѣвьбы, выпаса и сбора посѣва. Жили они здѣсь въ юртахъ, т. е. на скиѳскій ладъ. Каждую весну, такимъ образомъ, изъ Пантикапея двигалась въ степь цѣлая серія обозовъ съ палатками, скотомъ, земледѣльческими орудіями, женщинами и дѣтьми (табл. XVI, 1).

Въ степи приходилось не только заниматься сельскохозяйственной работой. Главной работой была охрана своей земли, скота, посѣвовъ и семьи отъ набѣговъ сосѣдей. Поэтому мы видимъ, что пантикапейцы выѣзжаютъ въ степь въ полномъ вооруженіи съ вооруженными же слугами. О надвигающемся набѣгѣ ихъ предупреждаютъ сторожевые посты на одномъ изъ валовъ пантикапейской территоріи, укрѣпленномъ башнями и небольшими крѣпостями и отдѣлявшемъ территорію Пантикапея отъ сосѣдей-кочевниковъ. Одинъ изъ этихъ валовъ хорошо сохранился и понынѣ; выстроенъ онъ былъ, вѣроятно, Асандромъ, а, можетъ быть, и

раньше, и ограждалъ почти весь Керченскій полуостровъ, идя отъ моря и до моря, отъ Узунларскаго озера на Черномъ морѣ до Казанлыкскаго залива на Азовскомъ. Одновременно съ нимъ существовали и другіе валы, захватывавшіе бо̀льшую или меньшую территорію, можетъ быть, возникавшіе постепенно, по мѣрѣ роста воздѣлываемой и эксплуатируемой территоріи; отъ нихъ сохранились менѣе замѣтные слѣды.

Этотъ полукочевой лѣтній укладъ жизни пантикапейцевъ является новымъ свидѣтельствомъ иранизаціи всего ихъ быта и показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ населеніемъ, для котораго этотъ образъ жизни искони былъ знакомъ и близокъ.

Всѣ указанныя особенности пантикапейскаго экономическаго уклада въ общемъ, такимъ образомъ, не новы. Нѣсколько измѣнилась, сообразно̀ измѣненію состава населенія, только форма земельной эксплоатаціи, но въ принципѣ и она осталась прежней, т. е. не обработкой ограниченной территоріи трудами рукъ своихъ и своихъ рабовъ по принципу интенсивной эксплоатаціи, какъ это типично для эллиновъ и какъ мы это наблюдаемъ въ Херсонесѣ (во всякомъ случаѣ такой принципъ эксплоатаціи типиченъ для Херсонеса IV—II вв. до Р. Хр., какъ показываютъ надписи и остатки построекъ на территоріи Херсонеса; въ римское время это могло измѣниться), а обработкой, можетъ быть, не ежегодной большихъ площадей или использованіемъ ихъ травъ для скотоводства, какъ это характерно для кочевыхъ и полукочевыхъ хозяйствъ. То же мы должны предположить и для предыдущаго періода, можетъ быть, съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ.

Совершенно новымъ надо считать, однако, измѣненіе соціальной основы жизни. Несомнѣнно, что все населеніе городовъ Боспорскаго царства въ эпоху римскаго владычества тѣсно сплотилось около царей и

образовало вмѣстѣ съ ними одну массу гражданъ-солдатъ, гражданъ-защитниковъ своей территоріи, своихъ экономическихъ и національныхъ интересовъ. Несмотря на сильнѣйшее проникновеніе иранскихъ и другихъ мѣстныхъ элементовъ въ составъ городского населенія, несмотря на сильную иранизацію всего быта и уклада жизни, населеніе городовъ все-таки считало себя греками и рѣзко выдѣляло себя изъ остальной массы населенія царства.

Это сказалось въ объединеніи гражданства, его мужской части, въ особыхъ корпораціяхъ, сакрально-политическихъ гражданскихъ обществахъ съ военной организаціей. Эти „синоды" или братства (синадельфіи) создались во всѣхъ городахъ Боспора: въ Пантикапеѣ, въ Горгиппіи, въ Танаисѣ. Особое значеніе они имѣли въ городахъ, въ которыхъ постоянно приходилось быть на чеку и бороться съ грозившими захлестнуть города сосѣдями. Организація этихъ братствъ тѣсно связана съ военной организаціей царства.

Прошло то время, когда боспорскіе тиранны могли опираться на сильную наемную армію. Могучій организмъ римскаго войска, вбиравшій въ себя все, что могло и хотѣло воевать во всѣхъ римскихъ провинціяхъ, не оставлялъ на протяженіи римскаго государства матеріала для наемныхъ армій вассальныхъ ему царей. У сосѣдей Рима всѣ боеспособные элементы привлечены были въ мѣстныя національныя арміи — единственный остававшійся рессурсъ для борьбы съ Римомъ. Имперіалистическая политика Рима заставляла всѣхъ сосѣдей быть постоянно на чеку.

Поэтому, наемные контингенты на Боспорѣ могли быть только подсобнымъ средствомъ для созданія сильнаго войска, основа должна была быть мѣстная. Въ какой мѣрѣ она набиралась изъ мѣстныхъ подвластныхъ Боспору племенъ, мы не знаемъ. Не знаемъ мы

вѣдь и того, въ какой мѣрѣ и въ какомъ объемѣ эти племена были подвластны Боспору. Но несомнѣнно, что основное ядро войска составляло мѣстное городское гражданство, въ которое новая иранская кровь влила новую боеспособность и энергію.

Это гражданство, какъ показываютъ изображенія отдѣльныхъ гражданъ на надгробныхъ стелахъ и боевыхъ сценъ въ росписяхъ гробницъ (табл. XVI, 2 и 3), было гражданствомъ конныхъ рыцарей, копейщиковъ и лучниковъ, закованныхъ въ желѣзную броню. Каждый гражданинъ выступалъ не только индивидуально. Тѣ же росписи показываютъ, что во многихъ случаяхъ онъ былъ основой цѣлой ячейки, цѣлаго отряда. Весьма вѣроятно, что контингентъ этого отряда составляли зависимые отъ него экономически и соціально люди. Для землевладѣльцевъ это были ихъ крѣпостные, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано для этой эпохи съ несомнѣнностью. Мы слышимъ о дарѣ храму земли съ крѣпостными частными лицами. Эти отряды были основой сухопутной арміи. Флотъ, когда онъ мобилизовался, состоялъ, вѣроятно, изъ полувоенныхъ кораблей крупныхъ экспортеровъ и арматеровъ, на которыхъ служили, вѣроятно, частью рабы, частью наемные солдаты.

При такой организаціи объединеніе правящаго класса была необходимостью для него же, для удержанія имъ его привилегій. Это объединеніе создалось въ упомянутыхъ братствахъ или коллегіяхъ городского гражданства, которыя вошли въ тѣсную связь съ верховнымъ защитникомъ государства — царемъ и поставляли ему его рыцарскую армію и кадръ высшихъ чиновниковъ. Одновременно, конечно, коллегія объединялась и общимъ культомъ, о которомъ уже была рѣчь, общей заботой о погребеніи каждаго сочлена: смерть особенно близка была этимъ рыцарямъ, готовымъ каждую минуту къ бою.

Таково же было и положенiе гражданства другихъ греческихъ городовъ, по-скольку и пока ихъ не защищали римскiе гарнизоны. Жизнь этихъ гражданъ, постоянно находившихся на чеку, на конѣ и въ полномъ вооруженiи, превосходно изображаетъ намъ Дiонъ Златоустъ для Ольвiи въ концѣ I в. по Р. Хр. и Овидiй для Томи въ эпоху Августа и Тиберiя. Приблизительно такой же должна была быть жизнь греческихъ общинъ на зарѣ ихъ развитiя: недаромъ же въ нихъ въ это время господствуетъ аристократическiй строй.

Таковъ былъ укладъ жизни греческихъ городовъ Причерноморья въ эпоху римскаго владычества. Риму и своей энергiи они были обязаны тѣмъ, что просуществовали три вѣка подрядъ безъ подчиненiя сосѣдямъ, какъ самостоятельные государственные организмы. Но это были уже не тѣ города, которые когда то основали здѣсь греки. Создалось новое населенiе и новая культура. Двѣ струи, греческая и скиѳо-сарматская, слились, пока и ту и другую не залили волны германскихъ, тюркскихъ и славянскихъ племенъ, которымъ принадлежало будущее.

Культуру свою, однако, эти новые народы унаслѣдовали отъ старыхъ ея носителей и творцовъ и понесли ее съ собою далеко на сѣверъ и на западъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦЪ.

4—5. Двѣ части фриза, украшающаго серебряную амфору изъ Чертомлыка.

Табл. X (стр. 65). 1. Верхняя часть питьевого рога (ритона) изъ Карагодеуашха. — 2. Золотая пластинка женскаго коническаго головного убора, оттуда же. — 3. Золотая пластинка наборнаго пояса одного изъ Роменскихъ кургановъ.—4. Золотая нашивная бляшка изъ кургана Солоха.

Табл. XI (стр. 95). 1—2. Два склепа кургановъ Юзъ-обы. — 3. Разрѣзъ и планъ одного изъ склеповъ Юзъ-обы. — 4. Расписной фризъ одного изъ греческихъ склеповъ Пантикапейскаго некрополя.

Табл. XII (стр. 99). 1. Расписной сосудъ одного изъ погребеній Фанагоріи. — 2. Золотое ожерелье греческаго погребенія Тамани. — 3. Золотая серьга, оттуда же. — Браслетъ, оттуда же.

Продолженіе табл. XII (стр. 103). 5—7. Золотые пантикапейскіе статеры IV в. до Р. Хр. — 8. Золотой статеръ Перисада, III в. до Р. Хр. — 9. Серебряная дидрахма III в. до Р. Хр.

Табл. XIII (стр. 131). 1—2. Серебряный золоченый поясъ изъ Майкопа. — 3. Золотая бляха изъ Сибири. — 4—5. Стеклянные сосуды въ золотой оправѣ изъ Кубанской области.

Табл. XIV (стр. 135). 1. Рельефъ изъ руинъ Танаиса. — 2. Золотая діадема съ камнями изъ окрестностей Новочеркасска. — 3. Золотой флакончикъ съ драгоцѣнными камнями, оттуда же. — 4. Золотыя нашивныя бляшки изъ сарматскихъ погребеній.

Табл. XV (стр. 171). 1. Бронзовый бюстъ Динаміи.—2. Мраморный бюстъ одного изъ боспорскихъ царей I в. по Р. Хр. — 3. Золотой статеръ Динаміи. — 4—12. Обороты мѣдныхъ монетъ боспорскихъ царей I—III в. по Р. Хр.

Табл. XVI (стр. 175). 1. Часть росписи склепа Анѳестерія въ Пантикапеѣ. — 2—3. Часть росписи склепа, описаннаго Стасовымъ, въ некрополѣ Пантикапея.
